

lt. sing.

1488

m

St. Mary. 1488 m

1425^u/78

It. sing. 1488^m

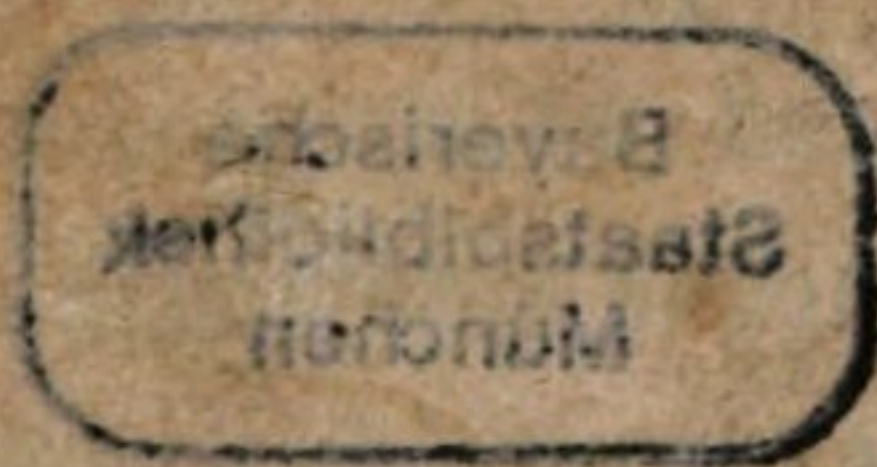
5078

ПУТЕВЫЯ

ЗАМѢТКИ.

2401

А. Тарачкова.

ОРЕЛЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1862.

Перепечатано изъ №№ 46, 48, 49, 51, 1861 г.
и №№ 1, 3, 5, 8, 11, 17, 18 и 20 Орл. губ. вѣд.
1862 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Tarashkov

FgI/80/6260

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Глава I. Приглашеніе на съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ. Почему съѣзды ученыхъ въ Россіи не имѣютъ еще такого значенія, какъ за границей. Какое значеніе имѣютъ съѣзды естествоиспытателей? Полезно-ли учреждать съѣзды специалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній? Отчего у насъ многія предпріятія не достигаютъ своей цѣли? Монополія и ея слѣдствія. Какими идеями должно руководствоваться въ совѣщаніяхъ на съѣздахъ. Другая цѣль моего путешествія 1.

Глава II. Выѣздъ изъ Орла. Село Лаврово. Какъ расположены въ немъ крестьянскія строенія въ отношеніи безопасности ихъ отъ пожаровъ. Чѣмъ отличаются издали селенія государственныхъ крестьянъ? Почему въ нашихъ городахъ не разводятъ древесныхъ аллей вдоль улицъ? Размышленіе о томъ, съ какою цѣлію вбиты колья раки по берегу р. Орлика въ Орлѣ. Село Никольское. Кому оно прежде принадлежало? Церковь въ этомъ селѣ. Кѣмъ и когда она построена. Внутреннее устройство и украшенія ея. Рукописное Евангеліе. Дѣвица Анна Лопухина.

Что сдѣлано нынѣ изъ господскаго дома въ этомъ селѣ? Сады села Никольскаго. Вѣковые дубы. Красная роща. Торфъ. Жерновой камень. Странствующій прядильщикъ. Размышленіе о крестіянскихъ школахъ удѣльнаго вѣдомства. Какое вообще онѣ произвели на меня впечатлѣніе. Какъ разсуждаютъ нѣкоторые крестьяне по поводу обученія дѣтей ихъ грамотѣ? Отчего наши крестьяне остаются въ полудикомъ состояніи? Кто виноваты въ этомъ? Какія впечатлѣнія произвели на крестьянъ новыя объ нихъ Положенія? Что должно дѣлать землевладѣльцамъ для поддержанія своихъ хозяйствъ на прочныхъ основаніяхъ? Школа въ селѣ Никольскомъ. Каковы въ ней успѣхи учениковъ и ученицъ? 15.

Глава III. Выѣздъ изъ села Никольскаго. Граница мѣловой формаціи. Кромы. Село Колки. Деревня Брусовецъ. Дмитровскъ. Станціи: Упорой и Березовская. Торфъ. Крестьяне сѣвскаго уѣзда. Сѣвскъ. Почва въ сѣвскомъ уѣздѣ. Отличительные признаки чернозема. Есмань. Глуховъ. Глуховская фарфоровая глина. Кролевецъ. Дикорастущая груша за станціей Алтиновкой. Батуринъ. Борзна. Нѣжинъ. Козелецъ. Саранча. Бровары 38.

Глава IV. Выѣздъ изъ Броваровъ. Старая дорога. Первые впечатлѣнія при видѣ Кіева.

Богомольцы. Цѣпной мостъ на Дняпрѣ. Прибытіе въ Кіевъ. Краткій историческій очеркъ Кіева 63.

Глава V. Кіевскія купальни. Наемные экипажи. Базаръ. Крещатицкая улица. Университетъ. Первое свиданіе съ нѣкоторыми естествоиспытателями. Профессорская лекторія. Открытіе засѣданій естествоиспытателей. Краткій очеркъ засѣданій научныхъ и педагогическихъ. Мысли о необходимости естественныхъ наукъ для воспитанія дѣтей. Какимъ наукамъ у насъ отдается предпочтеніе въ этомъ отношеніи. Какое участіе принимала кіевская публика въ засѣданіяхъ естествоиспытателей 75.

Глава VI. Достопримѣчательности Кіева въ естественно-историческомъ отношеніи. Университетскіе кабинеты. Собранія насѣкомыхъ у частныхъ лицъ въ Кіевѣ. Значеніе этихъ кабинетовъ и собраній. Главнѣйшая цѣль изученія природы и вліяніе его на духовную сторону человѣка. Университетскій ботаническій садъ. Неуваженіе къ нему со стороны кіевской публики. Кіевскій садовый питомникъ. На какой степени развитія находится садоводство въ Россіи. Общее впечатлѣніе, произведенное на меня съѣздомъ естествоиспытателей. Выѣздъ изъ Кіева 99.

Г л а в а VП. Слѣдствія бури въ лѣсу. Подыотскій приказъ. Пасѣка подыотскаго головы. Крушиновый медъ. Мысли объ образцовыхъ пасѣкахъ. Фруктовый садъ. Предположенія о средствахъ къ улучшенію крестьянскихъ плодовыхъ садовъ. Племенные жеребцы. Сельская школа. Подыотскія крестьянки. Краска изъ душицы. Отъѣздъ изъ села Подыотья 123.

Г л а в а VПІ. Прибытіе въ орлинскій приказъ. Сельская школа. Ремесленное училище. Плодовый садъ. Деревенскій вориска. Азаровы. Прогулка по селу. Отъѣздъ изъ села Орли въ чемлыжскій приказъ. Разговоръ мой съ везшими меня удѣльными крестьянами 145.

Г л а в а ІХ. Чемлыжскій приказъ. Фруктовый садъ. Сельская школа. Племенные жеребцы. Телята тирольской породы. Употребленіе камыша въ с. Чемлыжѣ. Осенняя ловля домашнихъ гусей. Въ какой степени пьянство развито между крестьянами въ орговской губерніи. Отъѣздъ въ голышинскій приказъ. Полевая майка. Разговоръ съ крестьяниномъ по поводу распространенія между ними грамотности. Дрофы. Вліяніе почвы на распространеніе грачей. Посѣщеніе школы въ селѣ Голышинѣ. Фруктовый садъ. Отъѣздъ въ д. Лагиревку. Запруда въ селѣ Асовицѣ 164.

ГЛАВА X. Село Лугань. Деревня Лагиревка. Хороводъ. Одежда крестьянокъ. Поневы. Черты обычаевъ и нравовъ лагиревскихъ крестьянъ. Способъ укрѣпленія сыпучихъ песковъ. Отъѣздъ въ село Семеновское. 182.

ГЛАВА XI. Деревня Войны. Земляная блоха. Нѣгинскій приказъ. Сельская школа. Фруктовый садъ. Деревня Денисова гута. Разговоръ съ головою. Одежда денисовскихъ крестьянокъ и особенности ихъ нарѣчія. Небывалый лѣсъ. Лугъ на лѣвомъ берегу р. Десны 209.

ГЛАВА XII. Село Усохъ. Коля Б. Экзаменъ въ школѣ. Трубчевскъ. Мѣстоположеніе въ окрестностяхъ Чолнскаго монастыря. Селецкій приказъ. Бѣлоголовицкій приказъ. Юровскій приказъ. Заключение 233.

ПУТЕВЫЕ ЗАМѢТКИ.

ГЛАВА I.

Содержаніе: Приглашеніе на съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ. Почему съѣзды ученыхъ въ Россіи не имѣютъ еще такого значенія, какъ за границей. Какое значеніе имѣютъ съѣзды естествоиспытателей. Полезно-ли учреждать съѣзды специалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній. Отчего у насъ многія предпріятія не достигаютъ своей цѣли. Мотивы и ея слѣдствія. Какими идеями должно руководствоваться въ совѣщаніяхъ на съѣздахъ. Другая цѣль моего путешествія.

Въ началѣ минувшаго мая мѣсяца я получилъ приглашеніе отъ извѣстнаго нашего профессора зоологіи и декана физико-математическаго факультета въ университетѣ св. Владиміра, К. О. Кесслера, принять участіе въ собраніи естествоиспытателей и преподавателей естественныхъ наукъ, имѣющемъ быть въ Кіевѣ, съ 11-го по 18-е іюня. Цѣль такого собранія была двойкая: 1) споспѣшествовать преподаванію естественныхъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ гимназіяхъ и 2) оживить научную дѣятельность между членами его.

Такое приглашеніе представляло столько интереса, что невозможно было не принять въ немъ участія.

Наконецъ-то наша старушка Россія, къ концу перваго своего тысячелѣтія, дожила до того, что и въ ней, въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ ея, назначенъ былъ первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. За границей, особенно въ Германіи, подобные съѣзды натуралистовъ и ученыхъ по разнымъ отраслямъ наукъ давнымъ давно уже составляютъ самое обыкновенное явленіе. Въ нихъ принимаютъ живѣйшее участіе не одни только жрецы науки, но и жители городовъ, избираемыхъ для этой цѣли, потому что тамъ умѣютъ цѣнить и уважать науку и смотрятъ на нее какъ на благо, которымъ обуславливаются нравственные и матеріальныя выгоды человѣчества. Но у насъ слова: *наука* и *ученый* пока еще остаются въ тѣни, на заднемъ планѣ, и для многихъ имѣютъ столько же неясное значеніе, какъ телеграфъ съ проволокою, этою мертвою вещью, служащею для передачи безконечнаго числа живыхъ мыслей. Многіе смотрятъ на эти проволоки болѣе съ тупымъ любопытствомъ, чѣмъ съ восхищеніемъ, и остаются въ совершенномъ невѣдѣніи относительно ихъ назначенія, ни мало не подозрѣвая тѣхъ усилій и громадныхъ трудовъ, какіе вынесъ умъ человѣческій, пока не открылъ телеграфа и не поднесъ этотъ прекрасный даръ свой въ вѣчное владѣніе всему человѣчеству. И сколько такихъ даровъ принесено ему наукою! Паровыя машины, гальванопластика, фотографія, газовое освѣщеніе и телеграфы—вотъ пять открытій нынѣшняго столѣтія, которыя произвели огромное вліяніе на политическій и домашній бытъ всѣхъ образованныхъ и даже мно-

гихъ необразованныхъ націй. Это только важнѣйшія открытія; но можно бы было насчитать еще не одну сотню другихъ открытій и усовершенствованій, произведенныхъ наукою, которыя хотя и не такъ рельефно выдаются, какъ вышеназванныя, но однако же заслуживаютъ не меньшее уваженіе за доставленныя ими выгоды въ наукахъ, медицинѣ, въ художествахъ, фабричномъ и мануфактурномъ производствахъ, въ земледѣліи, и разнаго рода ремеслахъ. Честь всѣхъ этихъ открытій принадлежитъ естествоиспытателямъ, принимая это названіе въ обширнѣйшемъ его значеніи. Вотъ почему я придаю особенно важное значеніе первому съѣзду испытателей природы въ Кіевѣ. Дай Богъ, чтобы этотъ съѣздъ былъ не послѣднимъ, но послужилъ бы началомъ будущихъ, болѣе многочисленныхъ собраній, не въ одномъ только Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ, особенно тѣхъ, гдѣ существуютъ университеты.

— Какое особенно важное значеніе могутъ имѣть подобные съѣзды?—подумаютъ, быть можетъ, многіе, читая эти строки.

Чтобы не оставить безотвѣтнымъ этого, весьма естественнаго для русскихъ читателей, вопроса, считаю весьма уместнымъ привести здѣсь отрывокъ изъ рѣчи, которою привѣтствовалъ первое собраніе естествоиспытателей въ Кіевѣ профессоръ К. Ѳ. Кесслеръ: «Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ признана истина, что взаимное знакомство и сближеніе между собою людей, которыхъ дѣятельность направ-

лена къ разработкѣ одной и той-же отрасли знанія, сильно содѣйствуетъ успѣшности работы, и потому мы видимъ, что тамъ число періодическихъ съѣздовъ, имѣющихъ цѣлю подобное личное сближеніе между собою сродныхъ по своимъ занятіямъ ученыхъ, безпрестанно умножается. Но если ощущается надобность въ такихъ собраніяхъ въ странахъ западной Европы, то тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ нихъ у насъ въ Россіи, гдѣ научные дѣятели еще такъ малочисленны и далеко разрознены. Въ особенности тяжело лежитъ одиночество на естествоиспытателяхъ. Съ одной стороны занятія естественными науками бываютъ не только теоретическія, но и практическія, требуютъ не только чтенія книгъ, но и обладанія соотвѣтственными коллекціями, знанія разныхъ практическихъ пріемовъ, умѣнья обращаться съ инструментами: съ другой стороны естественныя науки не успѣли еще получить у насъ правъ гражданства, даже между тѣми сословіями, которыя называютъ себя образованными. На основаніи этихъ причинъ, естествоиспытатели наиболѣе нуждаются во взаимной помощи и наиглубже чувствуютъ, повторяю, гнетъ одиночества. Поэтому я несказанно радъ, что давнишняя мечта моя начинаетъ осуществляться, что я, наконецъ, вижу передъ собою собраніе естествоиспытателей, если и не общее собраніе русскихъ естествоиспытателей, то по крайней мѣрѣ первое ихъ собраніе въ Россіи.»

Разсматривая далѣе огромное вліяніе естественныхъ наукъ на нравственно-умственное развитіе человека и на доставляемые ими выгоды на каждомъ

шагу его жизни, почтенный профессор развилъ эту мысль въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ:

«Природа есть наша общая родина, и было бы странно и стыдно намъ не знать нашей родины, не имѣть понятія о ея богатствахъ. Знакомство съ окружающими насъ тѣлами и явленіями и пониманіе законовъ, которыми они управляются, одни только могутъ повести къ искорененію тѣхъ безчисленныхъ предразсудковъ и всякаго рода суевѣрія, которыя до сихъ поръ гнѣздятся въ головѣ у большинства людей. Мы радуемся, что миновало то грустное время, когда подвергались пыткамъ и казнямъ мнимые колдуны и вѣдьмы, а между тѣмъ хладнокровно слышимъ ежедневно, какъ кругомъ насъ выражаютъ полное довѣріе къ предсказаніямъ Бердичевского календаря и къ отвѣтамъ стучащихъ столовъ. Естествознаніе, научая человѣка вѣрно понимать окружающій его вещественный міръ, въ тоже время уясняетъ ему отношеніе его къ этому міру и къ другимъ людямъ, внушаетъ ему любовь къ природѣ и любовь къ своему ближнему. Да, я твердо убѣжденъ въ томъ, что естественныя науки составляютъ вѣрнѣйшее средство, чтобы очеловѣчить человѣка, и потому должны занимать самое почетное мѣсто въ ряду тѣхъ наукъ, которымъ усвоиваютъ названіе гуманитарныхъ. Если естественныя науки заслуживаютъ названіе реальныхъ въ томъ отношеніи, что онѣ доставляютъ человѣку могучія средства къ улучшенію матеріальнаго его быта, если желѣзныя дороги и пароходы, фотографія и телеграфія, умноженіе числа полезныхъ животныхъ и растений и усовершенство-

ваніе получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ основаны на открытіяхъ, сдѣланныхъ въ области естественныхъ наукъ, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы естественныя науки не заключали въ себѣ также важнѣйшихъ элементовъ къ развитію и облагороженію духовной жизни человѣка.»

Если не ошибаюсь, то первые съѣзды у насъ начались нѣсколько лѣтъ тому назадъ между сельскими хозяевами въ Горыгорѣцкомъ агрономическомъ институтѣ и при обществѣ сельскаго хозяйства въ южной Россіи. Для сельскаго хозяйства, которое у насъ находятся еще въ дѣтствѣ, подобнаго рода съѣзды могли-бы имѣть чрезвычайно важное значеніе. Только такимъ путемъ и возможно будетъ достигать разнообразныхъ улучшеній, въ которыхъ сильно нуждаются всѣ отрасли нашего сельскаго хозяйства. Точно также могли-бы быть учреждаемы съѣзды врачей, юристовъ, педагоговъ, фабрикантовъ, мануфактуристовъ и вообще лицъ по разнымъ отраслямъ знаній и народной промышленности — этихъ звѣньевъ общественнаго благоустройства. Но чтобы благотворная цѣль ихъ могла быть вполне достигаема, необходимо, чтобы подробные отчеты всѣхъ совѣщаній въ такихъ съѣздахъ были обнародываемы посредствомъ печатнаго слова, потому что они должны служить поучительными матеріалами для всѣхъ будущихъ дѣятелей. Только такимъ путемъ и возможно осуществить идею прогресса, которая у насъ такъ часто проявляется только на словахъ, но не на фактахъ. Многіе непрерывно разсуждаютъ о раз-

личныхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, а между тѣмъ подобные прогрессисты остаются въ совершенномъ невѣдѣніи того, что у насъ было прежде и что есть теперь. Это отчасти зависитъ и оттого, что мы не имѣемъ еще исторіи развитія ни одной почти отрасли знаній въ нашемъ отечествѣ, особенно тѣхъ, которыми обуславливается государственное благосостояніе. Такъ напр: нѣтъ у насъ исторіи развитія нашего сельскаго хозяйства, исторіи народной промышленности, исторіи медицины, исторіи торговли, исторіи нашей архитектуры, нашихъ художествъ и проч. и проч. Однимъ словомъ: всѣ эти отрасли знаній у насъ находятся въ совершенномъ хаосѣ, потому что представляютъ только отрывочныя массы свѣдѣній, ни мало не приведенныя въ историческій порядокъ, безъ котораго однако-же не можетъ обойтись ни одно раціональное улучшение. Нѣтъ сомнѣнія, что по всѣмъ этимъ отраслямъ знаній и промышленности у насъ встрѣчались отличные и геніальные дѣятели, которые въ своей сферѣ производили много опытовъ и получали блистательные результаты; но, къ сожалѣнію, они не передавали ихъ во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ печатнаго слова, и, такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя ими открытія и улучшения умерли вмѣстѣ съ своими изобрѣтателями. Кое-что, быть можетъ, сначала оставалось въ преданіяхъ, а потомъ, отъ времени, и это нѣчто сглаживалось и исчезало. Оттого весьма часто случается слышать и читать, что многіе изъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, вмѣсто того, чтобы продолжать начатыя ихъ предшественниками улучшенія, начинаютъ ихъ

съизнова, все пробуютъ на разные лады, пока не лопнетъ ихъ терпѣнье, а иногда и значительный капиталъ. Оттого у насъ очень важную роль играетъ наше: *авось*. Это нашъ древній русскій столбъ, на который мы крѣпко упираемся и, очертя голову, пускаемся во всевозможныя предпріятія, желая достигнуть въ нихъ самыхъ лучшихъ прогрессивныхъ результатовъ. Съ этимъ *авось* все намъ нипочемъ, не нужна намъ и наука. Мы, какъ настоящіе жители востока, безусловно вѣримъ въ предопредѣленіе, и чтобы ни случилось, на все лаконически отвѣчаемъ: *чему быть, тому не миновать*.

Все это происходитъ отъ того, что наши предпріимчивые соотечественники почти всегда дѣйствуютъ изолированно. Иные счастливы, которымъ *авось* и поблагопріятствуетъ выдумать что нибудь дѣльное, новое, — скрываютъ его про себя, въ полной увѣренности, что въ своемъ открытіи они достигли предѣла совершенства, хотя эго мнимое совершенство въ послѣдствіи иногда оказывается слишкомъ далекимъ отъ истиннаго улучшенія, межъ тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ оно дѣйствительно могло-бы быть таковымъ. Эти иныя условія по нашему крайнему разумѣнію, — суть сѣзды и совѣщанія съ лицами, преслѣдующими одну и ту же идею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — строгое научное изученіе своего предмета. Многіе боятся у насъ конкуренціи. Но развѣ мало мы имѣли и имѣемъ предъ глазами самыхъ горькихъ опытовъ монополіи? Стоитъ только вспомнить нашу откупную систему и наши фабрич-

ныя и мануфактурныя производства, прозябающія подъ прикрытіемъ строгаго таможеннаго тарифа. Чѣмъ надѣляютъ тѣ и другія своихъ потребителей?— Объ откупахъ нечего уже теперь и говорить: смертный часъ ихъ приближается. Любопытно было-бы только узнать статистическія таблицы уголовныхъ преступленій, совершенныхъ въ слѣдствіе долговременнаго существованія у насъ откуповъ. Но достоинства нашихъ фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій, сравнительно съ ихъ стоимостію, можно-бы представить въ самомъ неблестящемъ, печальномъ видѣ. Возьмемъ напр. наше кровельное желѣзо. Въ прошломъ еще году оно продавалось по весьма высокой цѣнѣ, потому что вся масса его находилась въ рукахъ нѣсколькихъ монополистовъ, которые, скупая его на всѣхъ важнѣйшихъ заводахъ, назначали на него цѣны по своему усмотрѣнію. Только недавно цѣнность этого важнаго и необходимаго строительнаго матеріала значительно понизилась, какъ и на всѣ почти желѣзныя издѣлія, потому что правительство разрѣшило свободный ввозъ его изъ-за границы. Мы помнимъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Управленіе Путиами Сообщеній нашло выгоднымъ пріобрѣтать рельсы для петербургско-варшавской желѣзной дороги прямо изъ Англіи, а не отъ русскихъ заводчиковъ, потому что цѣнность англійскихъ рельсовъ, съ доставкою ихъ въ Россію, обходилась почти вдвое дешевле русскихъ. Къ чему же ведетъ монополія?— Это есть только одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ улучшеніямъ всякаго рода и вмѣстѣ

съ тѣмъ она служитъ стѣсненіемъ общественнымъ. Монополисты рассчитываютъ только на огромные барыши; не имѣя себѣ соперниковъ, они ни мало не заботятся объ улучшеніи своихъ произведеній; но, напротивъ, находятъ болѣе выгоднымъ для себя дѣлать ихъ дурно, кое-какъ, лишь-бы съ рукъ сходили и менѣе требовали бы съ ихъ стороны лишнихъ издержекъ. Потребители, въ свою очередь, покоряются необходимости и терпятъ только лишніе расходы, не имѣя никакихъ другихъ источниковъ для пріобрѣтенія потребныхъ для себя предметовъ. Слѣдовательно, монополія есть утонченное, благовоспитанное грабительство, которое невозможно оправдать никакими нравственными началами. И гдѣ-же у насъ нѣтъ монополіи? Куда она не пустила своихъ корней? Даже въ самой наукѣ мы видимъ своего рода монополію, именно: въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не рѣдко случается, что кафедры занимаютъ такія личности, которыя не имѣютъ ни призванія, ни обширныхъ свѣдѣній въ той наукѣ, которой поучаются у нихъ сотни слушателей. Между тѣмъ какъ при допущеніи нѣсколькихъ лицъ для занятія одной и той-же кафедры, съ одинаковыми правами, могла-бы сразу уничтожиться подобная монополія, потому что тогда каждый слушатель могъ бы посѣщать лекціи того ученаго, который лучше владѣетъ своею наукою и лучше излагаетъ ее. Это заставило-бы прочихъ его конкурентовъ, или покинуть кафедру, бесплодно ими занимаемую, или заботиться о томъ, чтобы превзойти своего со-

перника, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться ему равносильными.

Принимая все это во вниманіе, мы думаемъ, что одно только общественное обсужденіе различныхъ вопросовъ въ области наукъ, искусствъ и всякаго рода знаній можетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія. Но это возможно только при учрежденіи для этой цѣли совѣщаній посредствомъ съѣздовъ разныхъ лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ изученія. Само собою разумѣется, что эти собранія не должны представлять какихъ нибудь корпорацій, въ которыхъ, подъ громкими именами науки и истины, прикрывались-бы какія нибудь сдѣлки, имѣющія одинъ лишь только мелочной личный, а не общественный, интересъ. Точно также, ни подъ какимъ предлогомъ, нельзя допускать въ нихъ рѣшенія вопросовъ, направленныхъ къ тому, чтобы, вѣсто оспориванія мнѣній, идей, осуждать различныхъ лицъ. Личность каждаго члена, даже и посторонняго лица, должна быть въ нихъ не прикосновенна; въ противномъ случаѣ подобныя бесѣды будутъ носить на себѣ самый темный отпечатокъ щепетильности, кляузничества и многихъ другихъ нравственныхъ недуговъ человѣческихъ. Подобнаго рода выходы, къ сожалѣнію, успѣли уже подорвать у насъ довѣріе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ обществъ. Если такіе съѣзды могутъ у насъ осуществиться, то надобно желать, чтобы всѣ пренія въ нихъ были ведены съ благородствомъ и чистосердечіемъ. Въ нихъ должна господствовать одна идея—это жела-

ніе споспѣшествовать полезному общественному дѣлу всѣми, зависящими отъ личности каждаго, мѣрами. При такихъ только условіяхъ каждый охотно согласится предъавлять на судъ общественный свои ошибки и недоразумѣнія; а ежели онѣ вкоренились въ насъ и сдѣлались его убѣжденіями, то развѣ только сильная ограниченность ума и необыкновенное упрямство или ложное самолюбіе помѣшаютъ ему отказаться отъ нихъ, какъ скоро общественнымъ сужденіемъ будетъ доказана вся ихъ шаткость и неосновательность. Допуская и это неблагоприятное условіе, которое можетъ встрѣтиться въ каждомъ совѣщаніи, нельзя однакоже предположить, чтобы оно не было полезнымъ для успѣха общаго дѣла, по той простой физической причинѣ, по какой чорный цвѣтъ бываетъ ясно различаемъ только въ томъ случаѣ, ежели онъ окруженъ предметами другихъ цвѣтовъ, и чѣмъ болѣе между ними бѣлыхъ, тѣмъ рѣзче онъ выдается между ними, тогда какъ во мракѣ, въ темнотѣ онъ остается безразличнымъ, не производя ни малѣйшаго впечатлѣнія въ нашихъ глазахъ.

Въ послѣднее время наше правительство само начало вызывать общественное мнѣніе для разрѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, а именно: объ улучшеніи быта крестьянъ, финансовой системы и способовъ для содержанія почтовыхъ станцій для удобнѣйшаго переѣзда пассажировъ на почтовыхъ лошадяхъ. Это служитъ только подтвержденіемъ того важнаго значенія, какое имѣютъ об-

щественныя совѣщанія. Въ такихъ бесѣдахъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней можно услышать и усвоить себѣ огромную массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, можно коснуться такихъ вопросовъ, которые иному и въ цѣлую жизнь не пришли бы въ голову. Однимъ словомъ: чѣмъ больше лицъ будетъ участвовать въ совѣщаніи, тѣмъ всестороннѣе и обширнѣе можетъ быть разобранъ каждый вопросъ и тѣмъ вѣрнѣе можетъ быть оцѣнено его относительное достоинство.

Не знаю, достаточно ли мнѣ удалось объяснить здѣсь значеніе общественныхъ совѣщаній при рѣшеніи различныхъ общепользныхъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ я могу здѣсь засвидѣтельствовать, что бы шій въ Кіевѣ съѣздъ естествоиспытателей былъ вполне благотворнымъ и вѣроятно во всѣхъ присутствовавшихъ въ немъ сочленахъ оставилъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Впослѣдствіи въ этихъ моихъ путевыхъ замѣткахъ я буду еще имѣть случай возвратиться къ нему и укажу на важнѣйшіе его результаты.

Обращаюсь къ другой цѣли моего путешествія. Оно состояло въ томъ, чтобы ознакомиться съ юго-западною частію Орловской губерніи въ естественно-историческомъ и сельскохозяйственномъ отношеніи. Эта полоса губерніи, въ сравненіи съ восточною ея половиною, представляетъ много рѣзкихъ отличій. Для ознакомленія съ нею необходимо было избѣгать большихъ дорогъ и ѣздить по проселочнымъ. Въ этомъ отношеніи большое содѣйствіе ока-

залъ мнѣ г. управляющій Орловскою удѣльною конторою, **Ө. М. Лазаревскій**. Узнавши о моемъ желаніи посѣтить часть губерніи, въ которой сосредоточены всѣ удѣльныя имѣнія, онъ предложилъ мнѣ, проѣхать по всѣмъ приказамъ и осмотрѣть: сельскія училища, фруктовые сады, учреждаемые при приказахъ, удѣльные лѣса, образцовые пчельники и вообще обратить вниманіе на разныя отрасли сельскаго хозяйства удѣльныхъ крестьянъ.

Такое предложеніе я не могъ иначе принять, какъ съ особеннымъ удовольствіемъ и искреннѣйшею признательностію, потому что оно доставляло мнѣ гораздо болѣе случаевъ и возможности въ достиженіи моей цѣли, нежели какъ я могъ предполагать, задумывая только планъ моей поѣздки.

И такъ обращаюсь къ моему путешествію, которое до Кіева я совершилъ вмѣстѣ съ приглашеннымъ на съѣздъ г. старшимъ учителемъ Орловской губернской гимназіи **І. И. Азаркевичемъ**.

ГЛАВА II.

Выѣздъ изъ Орла. Село Лаврово. Какъ расположены въ немъ крестьянскія строенія въ отношеніи безопасности ихъ отъ пожаровъ. Чѣмъ отличаются издали селенія государственныхъ крестьянъ? Почему въ нашихъ городахъ не разводятъ древесныхъ аллей вдоль улицъ? Размышленіе о томъ, съ какою цѣлю вбиты колья ракитъ по берегу р. Орлика въ Орлѣ. Село Никольское. Кому оно прежде принадлежало? Церковь въ этомъ селѣ. Кѣмъ и когда она построена. Внутреннее устройство и украшенія ея. Рукописное Евангеліе. Дѣвица Анна Лопухина. Что сдѣлано нынѣ изъ господскаго дома въ этомъ селѣ? Сады села Никольскаго. Вѣковые дубы. Красная роща. Торфъ. Жерновой камень. Странствующій прядильщикъ. Размышленіе о крестьянскихъ школахъ удѣльнаго вѣдомства. Какое вообще онѣ произвели на меня впечатлѣніе. Какъ разсуждаютъ нѣкоторые крестьяне по поводу обученія дѣтей ихъ грамотѣ? Отчего наши крестьяне остаются въ полудикомъ состояніи? Кто виноватъ въ этомъ? Какія впечатлѣнія произвели на крестьянъ новыя объ нихъ Положенія? Что должно дѣлать землевладѣльцамъ для поддержанія своихъ хозяйствъ на прочныхъ основаніяхъ? Школа въ селѣ Никольскомъ. Каковы въ ней успѣхи учениковъ и ученицъ?

Къ числу господствующихъ у насъ предрассудковъ принадлежитъ и тотъ, что не должно пускаться въ путь по понедѣльникамъ, изъ опасенія какого нибудь несчастія. Точно также многіе вѣрятъ, что встрѣча съ духовными лицами также служить предвѣстникомъ несчастія. Мы выѣхали въ понедѣльникъ; встрѣтились въ городѣ съ однимъ

изъ такихъ лицъ, а при выѣздѣ за заставой еще съ двумя. Иной, съ страха, послѣ такихъ встрѣчъ, тотчасъ воротился бы домой; но мы продолжали свой путь въ полной увѣренности, что ни поне-дѣльники, ни встрѣча съ духовными особами не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на судьбу людей, какъ это и оправдалось на самомъ дѣлѣ, потому что наше путешествіе началось и окончилось самымъ благополучнѣйшимъ образомъ, такъ что даже и на почтовыхъ станціяхъ мы не имѣли никакихъ приключеній и ни малѣйшей задержки въ полученіи лошадей.

Переѣхавши мостъ на Окѣ, находящійся на Гати, мы повернули влѣво по проселочной дорогѣ въ село *Лаврово*, которое отстоитъ отъ Орла въ 17 верстахъ и населено государственными крестьянами. Оно расположено на ровной низменной мѣстности, отличающейся значительною сыростию. По видимому тамъ долженъ находиться торфъ и весьма было бы интересно сдѣлать его розысканіе. Ежели онъ за-легалъ тамъ въ значительномъ количествѣ и окажется годнымъ на топливо, то доставка его въ Орелъ, сильно нуждающійся въ болѣе дешевомъ топливѣ, могла бы стоить очень незначительныхъ издержекъ, потому что, кромѣ сухопутной его доставки, мнѣ кажется, можно бы воспользоваться близостию р. Оки къ этому селу и сплавлять торфъ по ней весною вскорѣ послѣ разлива, на соединенныхъ попарно между собою плоскодонныхъ лодкахъ.

Лаврово принадлежит къ числу самыхъ большихъ селъ въ Орловскомъ уѣздѣ. Оно расположено весьма хорошо въ отношеніи безопасности отъ пожаровъ, потому что избы и прочія крестьянскія строенія въ немъ размѣщены на нѣсколькихъ отдѣльныхъ участкахъ, довольно далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго; кромѣ того на этихъ участкахъ возлѣ строеній насажено множество ракъ въ одинъ, въ два и даже въ нѣсколько рядовъ. Густо-разросшіяся кроны этихъ деревьевъ очень успѣшно могутъ противодѣйствовать распространенію огня. Вообще можно сказать, что во всѣхъ почти деревняхъ здѣшней губерніи, населенныхъ государственными крестьянами, на посадку ракъ для подобной цѣли обращается большое вниманіе, такъ что издали можно уже отличать эти деревни по густой зелени ракъ, въ которой скрываются крестьянскія жилыя и не жилыя строенія. Въ удѣльныхъ имѣніяхъ на разведеніе этихъ деревьевъ обращено вниманіе только въ послѣдніе три года. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьянскія строенія болѣею частію остаются совершенно открытыми, такъ что не мѣшало-бы обратить на это вниманіе и побуждать временно-обязанныхъ крестьянъ къ разведенію ракъ вокругъ своихъ строеній. Мнѣ кажется, что и въ городахъ можно-бы послѣдовать этому примѣру и разсаживать раки или другія деревья, отличающіяся густою зеленою, вдоль улицъ. На главныхъ улицахъ, застроенныхъ двухъ-этажными домами и не имѣющихъ достаточной ширины, устрой-

ство древесныхъ аллей затруднительно и даже невозможно; но въ болѣе отдаленныхъ городскихъ частяхъ, гдѣ живутъ преимущественно самые бѣдные люди въ деревянныхъ домахъ, подобныя аллеи были-бы истиннымъ благодѣяніемъ. Такъ напр. въ самомъ Орлѣ, за Окою и Орликомъ, въ 1-й и 2-й городскихъ частяхъ, есть нѣсколько широкихъ улицъ, на которыхъ почти не встрѣчаются каменные строения. Если-бы вдоль ихъ были посажены даже ракиты, то это было-бы и полезною защитой отъ огня, и превосходнымъ украшеніемъ и, наконецъ, эти деревья доставляли-бы овоею тѣнью много защиты отъ солнечнаго зноя. Кстати позволю себѣ высказать здѣсь мое мнѣніе относительно произведенной въ нынѣшнюю осень посадки ракитовыхъ черенковъ возлѣ места по берегу р. Орлика. Съ какою цѣлію насажены такіе толстые колья? Ежели для укрѣпленія береговъ, то этого недостаточно, потому что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы посадить ихъ въ три раза ближе другъ къ другу и въ нѣсколько рядовъ въ очередномъ порядкѣ, такъ, чтобы черенки каждаго слѣдующаго ряда находились бы въ промежуткахъ между черенками предыдущаго ряда. Года черезъ три или четыре они дѣйствительно могли бы своими корнями сильно скрѣпить береговую почву. Но вотъ въ чемъ вопросъ: ежели въ слѣдующую весну будетъ большой разливъ р. Орлика, подобный тому, какой былъ въ 1854 и 1855 годахъ, то не ужели эти колья могутъ выдержать напоръ на нихъ льда? Мнѣ кажется, что они всѣ уплывутъ и ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣетъ. Но положимъ, что

ледъ уснѣетъ пройти прежде наибольшаго разлива, что также случается, и не повредитъ этихъ колевъ, а между тѣмъ вода поднимется на столько, что закроетъ ихъ совершенно. Кто же можетъ поручиться, что при переправѣ народа чрезъ Орликъ на плоскодонныхъ лодкахъ, которая нѣбудь изъ нихъ не наткнется на колъ и . . . что тогда будетъ? Навѣрное опрокинется, а спасать унавашихъ въ воду во время полноводья будетъ очень затруднительно и даже невозможно. Поэтому мнѣ кажется, что ежели имѣется въ виду укрѣпленіе береговъ рѣки, то лучше бы насадить лозу въ нѣсколько рядовъ, и это очень легко сдѣлать, потому что по берегамъ этой рѣки, выше города, она растетъ въ большомъ изобиліи и весною, съ полнымъ успѣхомъ, можетъ быть пересажена съ цѣльными корнями, или, если угодно, то одними только черенками. Плывшій по рѣкѣ ледъ не поломаетъ ея вѣтвей, но только пригнетъ ихъ къ землѣ на время, а для лодокъ съ людьми не будетъ ни малѣйшей отъ нея опасности.

Если же посадка ракидовыхъ черенковъ сдѣлана съ цѣлію украшенія этихъ береговъ, когда эти черенки разростутся въ большія деревья, то въ такомъ случаѣ не лучше ли замѣнить ихъ цѣльными молодыми деревцами, съ вѣтвями и корнями, которыя примутся скорѣе и не будутъ представлять большой опасности при переправѣ на лодкахъ чрезъ рѣку во время полнаго ея разлива, потому что ихъ вершины будутъ болѣе гибки, а при значительномъ ростѣ будутъ выдаваться изъ воды.

Въ 10 часовъ вечера мы прибыли въ село Никольское, принадлежавшее нѣкогда первой супругѣ Петра I Евдокіи Лопухиной. Въ немъ находится каменная церковь съ вызолоченными главами и шпильмъ на колокольнѣ, построенная въ 1772 году бояриномъ Петромъ Лопухинымъ. На слѣдующее утро мы слушали въ ней раннюю обѣдню. Внутренность храма раздѣлена на два этажа. Нижній этажъ не отличается никакими особенно замѣчательными украшеніями. Полъ въ немъ каменный изъ квадратныхъ плитъ, вытесанныхъ изъ плотнаго известняка и выкрашенныхъ масляною краскою темносѣраго цвѣта. Въ 1858 году живопись на стѣнахъ этого этажа подновлена, по видимому, какимъ нибудь доморощеннымъ иконописцемъ; но отъ сырости масляныя краски трескаются и отдѣляются отъ стѣнъ. Этотъ этажъ предназначенъ былъ для крестьянъ, а въ верхнемъ молились бывшіе владѣльцы этого села, сначала Лопухины, потомъ графиня Орлова-Чесменская, послѣ которой Никольское село перешло въ удѣльное вѣдомство. Въ верхнемъ этажѣ храма иконостасъ вызолоченный; въ немъ находится нѣсколько иконъ итальянской живописи, а прочіе обыкновеннаго византійскаго стиля. Оклады на нѣсколькихъ иконахъ серебряныя, также и церковныя сосуды. Надъ иконостасомъ помѣщены вырѣзанныя изъ дерева изображенія святыхъ. Евангеліе въ серебряномъ окладѣ хорошаго чекана, съ аметистами. Оно рукописное и всѣ листы въ немъ украшены коймами, довольно искусно росписанными золотомъ, киноварью и другими красками. Изъ находящейся

на поляхъ его надписи видно, что, оно разрисовано было дворовымъ человѣкомъ боярина Петра Лопухина Ивашкой фамилію котораго мы не могли разобрать.

Въ нижнемъ этажѣ этой церкви, съ правой стороны, похоронена послѣдняя владѣлица села Никольскаго изъ фамиліи Лопухиныхъ, дѣвица Анна Лопухина, умершая въ 1813 году.

На противоположной сторонѣ площади, находящейся передъ церковью былъ большой каменный господскій домъ, который, лѣтъ пять тому назадъ, былъ разобранъ и изъ кирпичей его выстроены: приказъ, сельское училище и домъ для депутата удѣльнаго вѣдомства. Судя по остаткамъ фундамента, можно было заключить, что барскій домъ былъ очень великъ.

«Sic transit gloria mundi», подумалъ я, смотря на эти развалины большаго зданія, въ которомъ нѣкогда жили припѣваючи и въ полномъ довольствѣ прежніе владѣльцы этого имѣнія; а нынѣ отъ всей ихъ роскоши и блеска, которыми они себя окружали, уцѣлѣли только церковь, да могила послѣдней владѣлицы села по прямому поколѣнію.

Около дома находится большой садъ, въ которомъ отъ прежнихъ деревьевъ сохранились однѣ только старыя липовыя аллеи. Нынѣ въ немъ посажено нѣсколько сотъ молодыхъ прививковъ. Почва и мѣстоположеніе сада, обращеннаго склономъ къ юго-востоку, представляютъ самыя выгоднѣйшія

условія для успѣшнаго разведенія фруктовыхъ деревьевъ.

Возлѣ приказа недавно разведенъ еще небольшой фруктовый садъ. Уходъ за молодыми прививками въ этихъ садахъ порученъ одному удѣльному крестьянину, обучавшемуся садоводству въ орловскомъ садовомъ питомникѣ. Но сверхъ этого на него возложена еще обязанность объѣзжать и осматривать сады, устроиваемые при всѣхъ приказахъ въ здѣшней губерніи, съ тою цѣлю, чтобы приучить удѣльныхъ крестьянъ къ садоводственнымъ занятіямъ. Цѣль прекрасная! Но едва ли она можетъ быть достигнута безъ значительныхъ на это издержекъ, которыя, по моему мнѣнію, должны состоять въ томъ, чтобы при каждомъ приказѣ находился отдѣльный практическій садоводъ изъ крестьянъ, который-бы спеціально уже занимался однимъ только этимъ дѣломъ. Но этого въ настоящее время еще невозможно привести въ исполненіе, по неимѣнію такихъ людей.

По выходѣ изъ церкви, мы замѣтили возлѣ нея нѣсколько дубовыхъ бревенъ, заготовленныхъ для постройки усыпальницы. Огромные размѣры ихъ въ отрубѣ заставили насъ приостановиться и сосчитать на нѣсколькихъ изъ нихъ древесные слои, числомъ которыхъ опредѣляется возрастъ каждаго дерева, потому что болѣе одного слоя древесины въ годъ не вырастаетъ. По счету оказалось, что эти бревна имѣли отъ 120 до 140 лѣтъ. Возрастъ почтенный! Впервые еще случилось намъ увидѣть

столь старыя деревья въ орловскомъ уѣздѣ. Ихъ срубили въ принадлежащей селу дубовой рощѣ, называемой *красною*.

— «Отчего такъ называется эта роща?» — спросилъ я провожавшаго насъ крестьянина.

— «Да ее споконъ вѣка такъ у насъ называютъ.» — отвѣчалъ онъ.

— «Нѣтъ ли въ ней сосенъ и елей?» — спросилъ я, потому что краснымъ лѣсомъ у насъ обыкновенно называютъ хвойныя породы деревьевъ.

— «Прежде были, а нынче нѣтъ» — отвѣчалъ онъ, «можетъ еще найдется штукъ съ двадцать елей во всемъ лѣсу.» —

На этомъ основаніи можно было заключить, что нѣкогда въ этой рощѣ господствовали хвойныя деревья, отъ которыхъ она и получила свое названіе; но съ уничтоженіемъ лѣсовъ они вырубались на разныя постройки и такимъ образомъ почти окончательно исчезли.

Принимая въ соображеніе присутствіе елей въ этой мѣстности, любящихъ сырую почву, я спросилъ:

— «Нѣтъ ли торфа въ окрестностяхъ села?» —

— «Есть,» — отвѣчалъ нашъ спутникъ, «за нѣсколько лѣтъ его копали у насъ для винокуреннаго завода помѣщика Г., но послѣ перестали.» —

— «Отчего-же?» —

— «Да оттого, что плохо горитъ, очень рыхлѣ и ломокъ.» —

— «Нѣтъ-ли у васъ еще жерноваго камня?» —

— «Есть и камень, въ Троицкомъ лѣсу.» —

— «Далеко отъ деревни?» —

— «Да версты съ три будетъ.» —

— «Ломаютъ его тамъ на жернова?» —

— «Нѣтъ, нынѣ не ломаютъ, запрещено, потому что портили лѣсъ, въ которомъ его брали.» —

Разговаривая такимъ образомъ, я замѣтилъ возлѣ одной избы небольшую прядильню, устроенную для витья веревокъ. Женщина вертѣла колесо, а крестьянинъ медленно подвигался назадъ, оборотясь къ нему лицомъ и держа въ рукахъ порядочный клокъ пеньки, изъ которой свивалась веревка.

Въ Орловской губерніи витьемъ веревокъ обыкновенно занимаются городскіе жители изъ мѣщанъ, но не крестьяне, и потому встрѣча съ прядильщикомъ въ деревнѣ меня заинтересовала.

— «Многіе изъ вашихъ крестьянъ занимаются пряжею веревокъ?» — спросилъ я нашего проводника.

— «У насъ этимъ дѣломъ не занимаются, это не здѣшній прядильщикъ,» — отвѣчалъ онъ.

— «Откуда же онъ?» —

— «Должно быть изъ Орла?» —

Въ это время мы подошли къ прядильнѣ и я обратился съ вопросами къ самому прядильщику, который объяснилъ мнѣ, что онъ орловскій мѣщанинъ и съ женою своею, да дочерью, лѣтъ 13-ти, ѣздитъ на заработки каждое лѣто по деревнямъ и занимается витьемъ веревокъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. Прибывши въ какую нибудь

деревню, онъ устанавливаетъ свою прядильню и остается на мѣстѣ гдѣ двѣ недѣли, а гдѣ и цѣлый мѣсяцъ, пока есть работа. Крестьяне, имѣющіе нужду въ веревкахъ, приносятъ къ нему свою пеньку и съ пуда ея, за свитые изъ нея веревки, платятъ ему отъ 25 до 30 коп. сер.

Такъ разъѣзжаютъ по деревнямъ бѣднѣйшіе прядильщики, не имѣющіе средствъ устроивать въ городахъ свои собственные большія прядильни.

Въ 9 часовъ мы отправились въ сельское училище, которое въ то время помѣщалось въ крестьянской избѣ, по случаю починокъ, производившихся въ нарочно устроенномъ для этого домѣ.

До нынѣшняго путешествія я мало еще былъ знакомъ съ крестьянскими школами; только въ прошедшемъ году мнѣ удалось побывать въ одномъ изъ такихъ училищъ, учрежденномъ для дѣтей государственныхъ крестьянъ въ селѣ Каменкѣ Елецкаго уѣзда. Но тамъ я былъ, такъ сказать, мимоходомъ, какъ совершенно постороннее лицо и потому не считалъ себя вправе подробнѣе ознакомиться въ немъ съ познаніями учениковъ и съ методомъ ихъ обученія. Но въ настоящее время, я былъ уже въ нѣкоторомъ родѣ посѣтителемъ полуофициальнымъ, въ слѣдствіе чего имѣлъ полную возможность узнать: въ какой степени въ сельскихъ школахъ достигается цѣль распространенія грамотности въ народѣ, какіе употребляются для этого методы и въ какой мѣрѣ они способствуютъ развитію понятій крестьянскихъ дѣтей. —

Признаюсь откровенно, что мои ожиданія въ этомъ отношеніи были очень скромны: я надѣялся въ этихъ училищахъ встрѣтить только нѣкоторыхъ изъ дѣтей, знающихъ общеупотребительныя молитвы, умѣющихъ бойко читать, да кое-какъ писать и, пожалуй, еще твердо заучившихъ наизусть четыре дѣйствія ариметическія. Такія знанія считаются обыкновенно у насъ очень достаточными при опредѣленіи дѣтей высшихъ нашихъ сословій въ первыя классы среднихъ учебныхъ заведеній, какъ гражданскихъ такъ и военныхъ. Но, къ искреннѣйшему моему удовольствію, я долженъ былъ въ послѣдствіи сознаться въ томъ, что мои надежды и предположенія были уже слишкомъ ограниченными. Сельскія школы удѣльнаго вѣдомства произвели на меня очень пріятное впечатлѣніе, и потому я считаю не лишнимъ сообщить объ нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ этихъ замѣткахъ, въ полной увѣренности, что за это не посѣтуютъ на меня тѣ читатели ихъ, которые, не изъ одного слѣпаго подражанія модѣ, но въ душѣ убѣждены въ пользѣ и крайней необходимости распространенія грамотности въ средѣ нашего полудикаго крестьянскаго населенія. Правда, что не всѣ изъ посѣщенныхъ мною школъ доведены до одинаковой степени своего благоустройства: есть между ними и отличія въ этомъ отношеніи. Но для безпристрастнаго объ этомъ сужденія, надобно принять во вниманіе одно, очень важное впрочемъ, обстоятельство, состоящее въ томъ, что надлежащія заботы и попеченія объ нихъ осуществились только въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ,

благодаря тому вниманію, какое обращается на нихъ со стороны г. управляющаго орловской удѣльной конторой. Въ столь короткое время не возможно достигнуть одинаковыхъ успѣховъ во всѣхъ школахъ, которыя открывать еще не такъ трудно; но несравненно труднѣе находить хорошихъ для нихъ учителей и умѣть направлять ихъ такъ, чтобы они не только учили, такъ сказать, механически, но умѣли бы развивать мыслящія способности учениковъ. А это дѣло не легкое, особенно съ крестьянскими дѣтьми, которые поступаютъ въ школы совершенно безъ всякаго къ тому подготовленія, а въ семьяхъ своихъ слышатъ и усваиваютъ себѣ множество нелѣпѣйшихъ предразсудковъ и суевѣрій, и нерѣдко встрѣчаютъ со стороны своихъ отцовъ, матерей и прочей родни явное противудѣйствіе въ обученіи грамотѣ. — «На что намъ грамота! Мы и безъ нея прожили свой вѣкъ, слава тебѣ Господи, не худо! Грамотные работать не станутъ, да и обезспѣютъ, коли будутъ сидѣть за книгами — «Такъ обыкновенно разсуждаютъ многіе крестьяне-старики въ тѣхъ мѣстностяхъ здѣшней губерніи, гдѣ нынѣ открываютъ для дѣтей ихъ школы, и чѣмъ далѣе отъ родовъ отстоятъ ихъ селенія, тѣмъ чаще и в большей степени обнаруживается въ нихъ такое отвращеніе отъ грамотности.

Такъ прожилъ нашъ народъ цѣлыя столѣтія. Оттого нашъ крестьянинъ, при всѣхъ природныхъ дарованіяхъ своихъ, мало чѣмъ отличается отъ дикаря. Глушь, въ которой онъ живетъ, опутала его

своими сѣтами; съ ней онъ свыкъся, какъ узникъ съ темницей, проспавши 40 лѣтъ въ заточеніи. Болѣзненное впечатлѣніе производитъ солнечный свѣтъ на глаза этого послѣдняго; точно также беспокоитъ и тревожитъ свѣтъ просвѣщенія перваго. Какимъ же образомъ могутъ развиваться понягія у нашихъ крестьянъ, когда они, живя вдали отъ сколько нибудь развитыхъ людей, ни отъ кого не могутъ заимствовать свѣжихъ, здоровыхъ мыслей? Оттого они рабы всевозможныхъ предразсудковъ и суевѣрій, оттого они и отличаются своимъ легкомысліемъ, съ которымъ, безъ дальнихъ разсужденій, поддаются на выдумки злонамѣренныхъ людей, распускающихъ иногда въ средѣ ихъ самые нелѣпѣйшіе слухи. Даже религіозныя вѣрованія нашихъ крестьянъ состоятъ болѣе въ соблюденіи извѣстныхъ церковныхъ обрядовъ; но истины евангельскія остаются для нихъ темными, непонятными. Многіе изъ крестьянъ, по своей безграмотности, не знаютъ, какъ должно, самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ, по тому что они слушаютъ ихъ только въ храмахъ; но не каждый въ состояніи выучить такимъ образомъ молитвы. Не разумѣя славянскаго языка, крестьянинъ не понимаетъ многого, что слышитъ во время церковнослуженія. И какъ много у насъ находится еще селеній, которыя значительно удалены отъ церквей. Вотъ еще важное препятствіе тому, что крестьяне не могутъ постоянно посѣщать ихъ въ праздничные дни. Оттого у нихъ нѣтъ прочныхъ нравственныхъ убѣжденій, которыя бы служили для

нихъ руководителями на пути ихъ жизни. Если иной безграмотный и вполнѣ невѣжественный крестьянинъ не дѣлаетъ зла, не воруетъ, не грабитъ, то такъ поступаетъ онъ не по внутреннему убѣжденію въ гнусности порока, не по внушенію своей совѣсти, но изъ страха наказанія.

Но виноватъ-ли онъ въ этомъ? Не болѣе-ли виновны въ столь слабомъ развитіи въ немъ нравственныхъ началъ тѣ просвѣщенные люди, которые въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій смотрѣли на крестьянъ только какъ на рабочія силы, которые отступились отъ нихъ, не хотѣли просвѣщать ихъ, презирали ихъ, чуждались и не щадили ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда могли извлекать при этомъ какія либо личныя для себя выгоды. За чѣмъ-же ставить въ упоръ крестьянину, что онъ грубъ, невѣжественъ, что онъ не уважаетъ чужой собственности и легче поддается разнымъ порокамъ, которые доводятъ его до преступленій? Можетъ ли онъ имѣть должное уваженіе къ чужой собственности, когда онъ самъ не пользовался всею своею собственностію, добытою тяжкими, безъисходными трудами. Имѣемъ-ли мы право упрекать его въ грубости чувствъ, даже вовсе не признавать ихъ въ немъ, когда онъ самъ выросъ и вѣками воспитался подъ игомъ деспотизма и самоуправства, когда онъ за каждую вину, иногда самую ничтожную, подвергался только тѣлеснымъ наказаніямъ, а не другимъ болѣе мягкимъ исправительнымъ мѣрамъ? Можно-ли удивляться тому, что онъ такъ мало иногда дорожитъ своею честію, своимъ добрымъ име-

немъ, когда уничтожали въ немъ малѣйшіе признаки самоуваженія и человѣческаго достоинства, какъ скоро онъ осмѣливался ихъ обнаруживать, били его за это, и онъ не смѣлъ возвысить голоса въ свою защиту, подѣ страхомъ быть отданнымъ въ солдаты, или пойти на поселеніе въ тундры далекой Сибири.

Смотря такимъ образомъ съ исторической точки зрѣнія на умственное и нравственное развитіе нашего крестьянина, нельзя ему одному ставить въ упрекъ ту ограниченность въ этихъ отношеніяхъ, на какой онъ находится нынѣ. Рабство и униженіе оставили на немъ сильный отпечатокъ своего гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ нѣсколько столѣтій. По этому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ настоящее время, когда крестьяне освобождены изъ подѣ этого гнета, когда въ нихъ пробудилось чувство самопознанія, они проявляютъ иногда это чувство своей личной самостоятельности въ рѣзко грубыхъ чертахъ. Многіе это ставятъ имъ въ упоръ, какъ будто бы это составляетъ неотъемлемую принадлежность крестьянскаго характера. Часто раздаются теперь жалобы, что съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ, эти послѣдніе не хотятъ знать своихъ бывшихъ владѣльцевъ; не ломаютъ шапокъ предъ ними; не показываютъ слѣпо каждому ихъ требованію и нерѣдко оказываютъ съ своей стороны явное противодѣйствіе въ строгомъ и точномъ исполненіи своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ новыми отно-

шеніями къ своимъ владѣльцамъ. Все это справедливо; но прибавимъ къ этому, что это суть только частныя, исключительныя явленія, но не общія. Эти явленія въ большей части случаевъ находятся въ совершенной зависимости отъ минувшихъ отношеній крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ и потому составляютъ только слѣдствія историческаго развитія крестьянскаго вопроса. Есть много владѣльцевъ, которые до освобожденія крестьянъ отличались кроткимъ, человѣколюбивымъ съ ними обращеніемъ, которые своими справедливыми и благоразумными требованіями постоянно внушали къ себѣ любовь и довѣріе. При такихъ условіяхъ переходъ къ новому порядку взаимныхъ отношеній крестьянъ къ помещикамъ совершился тихо, спокойно, безъ всякихъ признаковъ взаимной вражды и ненависти, которыя безъ предшествовавшихъ причинъ и не могли-бы обнаруживаться. Но ежели нынѣ существуютъ гдѣ-либо подобныя грустныя отношенія, то не благоразумнѣе-ли теперь же позаботиться объ измѣненіи ихъ въ болѣе благопріятныя? Но для этого необходимы нѣкоторыя уступки. Кто-же долженъ сдѣлать ихъ?— На этотъ вопросъ можно отвѣчать только примѣромъ: если между дѣтьми возникаетъ ссора, то для восстановленія мира, обыкновенно совѣтуютъ старшимъ изъ нихъ, уступить младшимъ, какъ менѣе разумнымъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ благоразумнѣе будетъ, если землевладѣльцы сдѣлаютъ уступки крестьянамъ. Сельское хозяйство можно сравнить со зданіемъ; а кому неизвѣстно, что каждое зданіе

требуетъ прочнаго основанія; въ противномъ случаѣ оно можетъ сразу упасть и разрушиться окончательно. Что-же должно служить основаніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ не крѣпкая нравственная связь помѣщика съ крестьянами? Ежели они будутъ дружно помогать ему, тогда и все хозяйство его будетъ держаться на незыблемомъ основаніи; чѣмъ тверже эта опора, тѣмъ выше можно будетъ возводить его. Нѣтъ сомнѣнія, что эта задача чрезвычайно трудная, но однако же не невозможная. Для достиженія ея необходимы не только матеріальныя пожертвованія, но и нравственныя: надобно уменьшить тутъ свое высокомеріе, надменность, неуемѣстную гордость, тщеславіе; надобно искоренить въ себѣ всякую идею презрѣнія, которое такъ часто проявляется въ отношеніяхъ между землевладельцами и крестьянами; однимъ словомъ: необходимо смотрѣть на крестьянъ человѣчнѣе и всѣми мѣрами заботиться и содѣйствовать къ распространенію между ними просвѣщенія, на сколько это возможно при настоящемъ порядкѣ вещей. Чѣмъ чаще будутъ являться въ крестьянской средѣ грамотныя и сколько нибудь развитыя личности, тѣмъ скорѣе возбудится въ насъ самихъ большее къ нимъ уваженіе. Вотъ какого рода жертвы необходимы. Кто не знаетъ изъ исторіи, что славнѣйшіе полководцы были тѣ, которые имѣли нравственное вліяніе на предводимыя ими арміи, и какъ не рѣдки примѣры, что самыя многочисленныя арміи были побѣждаемы и дѣло проигрывалось, какъ скоро вожди ихъ не имѣли никакого вліянія на духъ, на волю, на нрав-

ственные чувства своих подчиненныхъ. Точно такія-же отношенія между землевладѣльцами и крестьянами должны существовать и въ сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ трудъ физическій играетъ очень важную роль. Но велика разница между трудомъ невольнымъ, такъ сказать, машинальнымъ, и трудомъ, основаннымъ на искреннемъ желаніи трудиться. Крестьяне обязаны работать для своего владѣльца за получаемый ими отъ него надѣлъ земли; но пусть-же этотъ трудъ будетъ основанъ на взаимномъ согласіи, на взаимной пріязни, но не на однихъ только обязательныхъ отношеніяхъ. Тогда онъ будетъ несравненно болѣе плодоноснымъ, нежели въ этомъ послѣднемъ случаѣ.

Вотъ почему намъ кажется, что при нынѣшнемъ переворотѣ въ сельскомъ быту землевладѣльцамъ не должно окончательно разрывать свою связь съ крестьянами, но напротивъ, надобно всѣми мѣрами заботиться о скрѣпленіи ея. Легко махнуть на все рукою, отказаться отъ всего; но вѣдь надобно подумать о томъ: какой вредъ, какія разстройства могутъ произойти въ сельскомъ хозяйствѣ тѣхъ владѣльцевъ, которые совершеннымъ отчужденіемъ своимъ отъ крестьянъ, заставляютъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на совершенно постороннихъ, бесполезныхъ, даже враждебныхъ для себя лицъ. При своей необразованности и грубости нравовъ крестьянамъ всего легче будетъ дѣлать имъ съ своей стороны тысячи различныхъ непріятностей, даже убытковъ, въ устраненіи которыхъ едва-ли въ состояніи бу-

дутъ помогать самыя строгія полицейскія мѣры. Развѣ мы не видимъ примѣровъ въ частныхъ семействахъ, гдѣ чрезмѣрно строгій, суровый и жестокий нравъ отца отравляетъ всю жизнь цѣлой семьи и дѣлаетъ ее самою тягостною, безотраднсю. Изъ опасенія его гибва, каждый членъ такой несчастной семьи старается схитрить, обмануть его, чтобы не подвергнуться непощаднымъ его упрекамъ, а иногда и наказанію. Тутъ нѣтъ ни чистосердечія, ни любви, ни взаимной привязанности; но вмѣсто ихъ господствуютъ скрытность, отвращеніе, непріязнь и даже проявляется жажда мщенія.

Но довольно. Къ этому неисчерпаемому вопросу я буду еще имѣть случай возвратиться, а теперь закончу эту главу описаніемъ того, что мы встрѣтили въ сельской школѣ *Никольскаго приказа*.

Обученіемъ мальчиковъ въ ней занимается молодой священникъ этого села, отецъ Теофилъ, а дѣвочки отдѣльно учатся у его жены чтенію, писму и нѣкоторымъ рукодѣльямъ, какъ то: вязанью чулокъ, шпилью бѣлья и вышиванію крестьянскихъ полотенцевъ. Но на этотъ разъ тѣ и другія были собраны вмѣстѣ въ просторной крестьянской избѣ. Мальчики, какъ въ этой, такъ и во всѣхъ прочихъ школахъ удѣльнаго вѣдомства раздѣляются на три класса: младшій, средній и старшій. Къ первому принадлежатъ вновь поступившіе мальчики, которые только начинаютъ учиться грамотѣ; ко второму причисляются умѣющіе уже читать по складамъ; а къ третьему такіе, которые вполне удовлетвори-

тельно читаютъ, пишутъ и знаютъ четыре арифметическія дѣйствія.

Мальчики обучаются по извѣстному методу Золотова. Читаютъ по русски и по славянски весьма удовлетворительно; но важнѣе всего то, что многіе изъ спрошенныхъ нами учениковъ довольно хорошо умѣли прочитанное рассказать своими словами. Точно также они могли объяснить содержаніе и значеніе заповѣдей. Молитвы знаютъ твердо и произносятъ ихъ внятно и довольно отчетливо. Двое изъ вызванныхъ мною лучшихъ учениковъ довольно хорошо писали на классной доскѣ подъ диктовку; другіе исправляли ошибки въ правописаніи, которое преподается имъ практически, на сколько это возможно безъ употребленія особыхъ грамматическихъ правилъ. Нѣкоторые изъ учениковъ весьма удовлетворительно рассказывали отрывки изъ священной исторіи, которую отецъ Теофилъ излагаетъ имъ, принаравляясь къ понятіямъ и оборотамъ рѣчи, господствующимъ въ крестьянскомъ быту. Арифметическія задачи рѣшали скоро и отчетливо на классной доскѣ и, сверхъ этого, многіе ученики очень удовлетворительно дѣлали сложеніе и вычитаніе на счетахъ.

Мы осмотрѣли ученическія тетради, которыя вообще всѣ отличались чистотою и опрятностію; скорописный почеркъ многихъ учениковъ показался намъ весьма удовлетворительнымъ.

Послѣ этого мы ознакомились съ познаніями двочекъ. Числомъ ихъ было 15, а по возрасту онѣ

были не старѣе 12 лѣтъ. Всѣ онѣ довольно хорошо знали общеупотребительныя молитвы и заповѣди, которыя, также какъ и мальчики, умѣли объяснять своими словами; а это служить самымъ лучшимъ доказательствомъ тому, что онѣ не выдолбили ихъ только наизусть, но понимаютъ ихъ значеніе. Почти всѣ онѣ читали по русски и по славянски удовлетворительно, а нѣкоторыя изъ нихъ могли рассказывать прочитанное своими словами.

Весьма пріятное впечатленіе на насъ произвели бойкіе и смѣлые отвѣты учениковъ и ученицъ этой школы, ясно доказывающіе, что они здѣсь не загнаны, не напуганы, но, напротивъ, пользуются самымъ гуманнымъ съ ними обращеніемъ своихъ почтенныхъ наставника и наставницы. Понравилась мнѣ также откровенность одной дѣвочки, лѣтъ 11-ти, которая, при объясненіи значенія осьмой заповѣди, на мой вопросъ: «не крада-ли ты чего?», тотчасъ покраснѣвши отвѣчала: «крала».

Всѣхъ учениковъ въ этой школѣ по списку считалось 62 человека. Но въ лѣтнее время, когда бываетъ много работы у крестьянъ, это число нѣсколько уменьшается, потому что у нѣкоторыхъ крестьянъ не достаетъ рабочихъ рукъ и они тогда нуждаются въ помощи своихъ дѣтей. Съ іюля мѣсяца, впрочемъ, классныя занятія въ этихъ школахъ прекращаются на время сѣнокоса и уборки хлѣба съ полей.

Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчу здѣсь, въ заключеніе объ этой школѣ, что въ ней обращает-

ся должное вниманіе на ясное пониманіе того, что читается или выучивается учениками и ученицами. Дай Богъ, чтобы въ этомъ отношеніи было сдѣлано въ ней еще болѣе успѣховъ, потому что такимъ только путемъ и возможно развивать мыслящія способности дѣтей, а не однимъ только механическимъ чтеніемъ и зубреніемъ на память, безъ всякаго смысла и толку.

ГЛАВА III.

Выѣздъ изъ с. Никольскаго. Граница мѣловой формаци. Кромь. Село Колки. Деревня Брусовецъ. Дмитровскъ. Станціи: Упорой и Березовская. Торфъ. Крестьяне Сѣвскаго уѣзда. Сѣвскъ. Почва въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Отличительные признаки чернозема. Есмань. Глуховъ. Глуховская фарфоровая глина. Кролевецъ. Дикорастущая груша за станціей Алтиновкой. Батуринъ. Борзна. Нѣжинъ. Козелецъ. Саранча. Бровары.

Изъ села Никольскаго мы отправились далѣе по проселочной дорогѣ въ г. Кромь. Погода была пасмурная; холодный сѣверо-западный вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу такъ сильно, что и теплыя шинели не совсѣмъ отъ него насъ защищали. При выѣздѣ изъ села мы ѣхали опушкою Красной рощи, за которою встрѣчались еще и другія рощицы. Господствующую въ нихъ породу составляли дубовыя деревья, въ числѣ которыхъ находилось довольно много старыхъ дубовъ, не моложе восьмидесятилѣтняго возраста. Было уже 6-е іюня, а между тѣмъ листовыя почки на этихъ деревьяхъ едва только начинали разворачиваться, между тѣмъ какъ росшія въ сосѣдствѣ съ ними бѣлѣкорыя березы были покрыты довольно крупною яркозеленою листвою. Холодная погода усыпила насѣкомыхъ: не видно было ни одного мотылька, ни одной пчелки. Только изрѣдка раздавался въ рощѣ то однообразное staccato зяблика, то заунывная пѣсня овсянки. На сосѣднихъ поляхъ крестьяне пахали и борошили землю для посѣва овса.

На половинѣ пути между Никольскимъ селомъ и Кромами мы переѣхали въ бродъ черезъ Оку и поднялись на довольно высокій лѣвый ея берегъ. Отсюда вся мѣстность до самыхъ Кромъ очень однообразна: куда не взглянешь, вездѣ видна волнообразная равнина, покрытая зелеными озимями, очертывающимися съ узкими и широкими темносѣрыми полосами полей, вспаханныхъ для посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Вблизи Оки почва сѣрѣе отъ значительной примѣси къ ней песку и тощѣе, чѣмъ на томъ пространствѣ, которое мы проѣхали, начиная отъ Орла. Изрѣдка кое-гдѣ выдавались на горизонтѣ небольшія рощицы возлѣ деревень; иногда выглядывала церковь, то господскій домъ со службами, когда мы поднимались на небольшія холмистыя возвышенія, то опять исчезали, когда приходилось спускаться въ небольшія лощины, пересѣкаемые проселочною нашею дорогою. Верстахъ въ шести не доѣзжая Кромъ, по обрыву одного оврага, мы замѣтили небольшіе пласты мѣловой глины. Слѣдовательно здѣсь находится юговосточная граница мѣловой формациі, распространенной во всей западной и югозападной полосѣ Орловской губерніи.

Наконецъ мы прибыли въ Кромы. Это такой-же плохой городокъ, какъ и Малоархангельскъ, и ежели есть въ чемъ нибудь различіе между ними, то развѣ только въ томъ, что чрезъ Кромы проходитъ курское шоссе, по которому ежедневный проѣздъ пассажировъ въ diligencсахъ и на почтовыхъ, да длинныя вереницы обозовъ съ телѣгами разнообра-

вять картину провинціальной жизни. Все здѣсь погружено въ одни только мелочныя житейскія заботы, которыя съ каждымъ днемъ повторяются на тотъ же ладъ, съ постояннымъ однообразіемъ и скукою, точь въ точь, какъ мельничное колесо, которое вертится на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не подгніетъ, да не изотрется его ось. А между тѣмъ Кромь одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ не только въ Орловской губерніи, но и въ цѣлой Россіи. Хотя въ *«Памятной книжкѣ орловской губерніи»* на 1860-й годъ и сказано, что «основаніе Кромъ надобно полагать между 1594 и 1601 годами;» но это ошибочное заключеніе. Названіе Кромъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ упоминается уже въ 1147 году. Вотъ что сказано относительно Кромъ въ *«Повѣствованіи о Россіи»* Арцыбашева: (*)

«Святославъ (Олеговичъ), прибывшій въ Деягорскъ, завладѣлъ всѣми Вятичами до Брянска и Воробіины по Деснѣ, до Магоща и Мценска. Вскорѣ пришли къ этому князю Бродники и множество Половцевъ съ его дядями, также Глѣбъ сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ. Съ ними и княземъ Владиміромъ пустился Святославъ ко Мценску, гдѣ дарилъ много союзныхъ князей, своихъ спутниковъ и двинулся въ Кромь противъ Изяслава Давидовича, отправившагося изъ Новгорода—Сѣверскаго къ Чернигову. Въ Кромахъ застало Святослава посольство отъ Владиміра брата Изяславова и отъ сына Всеволодова.»

(*) Томъ I. Москва 1838 г. стр. 101—102.

Изъ этого можно заключить, что Кромы существовали вѣроятно еще за долго до 1147 года. Въ началѣ XVII столѣтія Кромы снова являются на сцену въ исторіи нашего отечества, какъ укрѣпленный уже городъ. Такъ, въ концѣ 1604 года Кромы, слѣдуя примѣру другихъ городовъ, сдаются Дмитрію самозванцу (*). Въ 1605 году этотъ городъ съ находившеюся при немъ крѣпостію былъ осаждаемъ войсками Бориса Годунова. Слѣдующій эпизодъ, заимствованный нами изъ «*Повѣствованія о Россіи*» (**), даетъ нѣкоторое понятіе объ историческомъ значеніи этого города:

«Двинувшись изъ Радогощской крѣпости, Россійское ополченіе осадило Кромы въ великій постъ и стало разить изъ пушекъ. Тамъ находился Θεодоръ Ивановичъ Шереметевъ, сражаясь безпрестанно съ возмутителями; самый же упомянутый городъ занималъ измѣнникъ, Григорій Акинѣевъ, съ донскими казаками и атаманомъ ихъ Корелою, бывшимъ въ Польшѣ у самозванца. Видя упорное сопротивленіе осажденных и значительный уронъ своихъ, военачальники Россійскіе послали, ночью зажечь крѣпость, что и исполнилось. По сгорѣніи Кромъ, воины царскіе, взошедши на осыпи, не допущены были къ ней мятежниками, хотя и жестоко тѣснимыми; а Михаилъ (Глѣбовичъ) Салтыковъ, не посоветовавшись съ Боярами и способствуя Разстригѣ,

(*) Арцыбашево. Повѣствованіе о Россіи. Т. III. Москва. 1843 г. стр. 83.

(**) Idem. стр. 88.

свелъ осаждающихъ съ осыпей (чѣмъ воспрепятствовалъ завоеванію крѣпости). »

По смерти Царя Бориса Феодоровича Годунова (13 апрѣля 1605 г.), Бояре и народъ въ Москвѣ нарѣкли Царемъ сына его Феодора Борисовича и присягнули ему въ вѣрности. Послѣ этого Царь Феодоръ тотчасъ послалъ Новгородскаго митрополита Исидора, съ Бояриномъ Княземъ Михайломъ Петровичемъ Катыревымъ Ростовскимъ и Петромъ Басмановымъ къ полкамъ, находившимся подъ Кромами, для приведенія ихъ къ присягѣ на вѣрноподданство. Они присягнули. Басмановъ принялъ надъ ними главное начальство; а Боярамъ же Князьямъ Феодору Ивановичу Мстиславскому, Василію и Дмитрію Ивановичамъ Шуйскимъ, приказано было ѣхать оттуда въ Москву. Какъ только они уѣхали, Басмановъ съ Князьями Голицыными, Салтыковымъ и пѣкоторыми дѣтьми боярскими измѣнили своей присягѣ и перешли съ войсками на сторону Дмитрія самозванца. Прочіе воеводы и ратники, не желая слѣдовать ихъ примѣру, побѣжали въ Москву. Лжедмитрій тотчасъ воспользовался этимъ неожиданнымъ для себя счастіемъ; явился въ Кромахъ и оттуда, чрезъ Орелъ, направилъ путь свой къ Москвѣ. (*)

Въ 1606 году, въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, Кромы снова подверглись нападенію мятежника Ивана Болотникова, бывшаго приверженцемъ втораго самозванца.

(*) Повѣствованіе о Россіи. Т. III. стр. 90—92.

Послѣ этого смутнаго времени названіе Кромъ не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, изъ чего можно заключить, что этотъ городъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ, которое продолжается и въ настоящее время.

Изъ Кромъ мы снова поѣхали по проселочной дорогѣ и въ 3 часа по полудни прибыли въ обширное село *Колки*, населенное государственными крестьянами. Оно раздѣлено на нѣсколько участковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго улицами и переулками. Строенія въ немъ довольно плохія, но густо обсажены раkitами. Избы въ немъ небольшія и не представляютъ никакихъ особенностей въ сравненіи съ другими селами. Каждая изба проходными сѣньми, чрезъ растворенныя двери которыхъ постоянно дуетъ сквозной вѣтеръ, дѣлится на двѣ половины: теплую и холодную. Въ послѣдней, по обыкновенію, помѣщается все крестьянское имущество, уложенное въ сундукахъ, поставленныхъ другъ на друга. Чѣмъ многочисленнѣе семья, тѣмъ больше въ ней находится такихъ сундуковъ. Лѣтомъ въ этихъ половинахъ спятъ преимущественно молодые члены семействъ, а зимою онѣ служатъ и кладовыми.

Пока искали для насъ лошадей, я вошелъ въ одну избу и засталъ въ ней только четырехъ дѣтей: три дѣвочки, не старѣе 11 лѣтъ, пряли замашку, а ихъ трехлѣтній братишка, сидя на скамьѣ, постукивалъ деревяною ложкою лезшаго къ нему котенка, хотѣвшаго полакомиться пшениною кашею, которую этотъ мальчикъ выкапывалъ изъ по-

ставленнаго передъ нимъ глинянаго горшечка. Отцы и матери этихъ дѣтей были на работѣ: первые въ полѣ, а послѣднія пололи гряды на своемъ огородѣ, находившемся позади избы. Душный и непріятный воздухъ этой, жарко натопленной, избы скоро заставилъ меня выйти изъ нея вонъ. Мы прошлись вдоль одной улицы и замѣтили во всѣхъ почти избахъ и на заваленкахъ передъ ними женщинъ и дѣвочекъ, прявшихъ замашку. Это обратило на себя наше вниманіе, и одинъ крестьянинъ, къ которому мы обратились съ распросами, объяснилъ намъ, что разведеніе конопли составляетъ главнѣйшій предметъ занятій всѣхъ жителей этого села. Земли у нихъ мало и потому все свое стараніе они прилагаютъ къ обработкѣ своихъ коноплянниковъ.

Изъ с. *Колковъ*, опять проселкомъ, потянулись мы въ деревню *Брусовецъ*, находящуюся на берегу небольшой рѣчки *Неживки*. На нашемъ пути это былъ послѣдній изъ притоковъ окскаго бассейна, потому что далѣе, на половинѣ дороги къ Дмитровску, мѣстность склоняется къ западу и всѣ рѣчки въ этомъ направленіи устремляются къ р. Деснѣ.

По пути мы встрѣчали много полей, засѣянныхъ горохомъ; потомъ верстъ пять мы ѣхали по обширной равнинѣ, засѣянной одною рожью, однообразная зелень которой наконецъ утомила наше зрѣніе. Въ 12 верстахъ отъ Дмитровска мы выѣхали на большую дорогу. Она довольно песчаная и трудна для скорой ѣзды. Съ правой ея стороны тянутся сплошные лиственные лѣса; въ нихъ господствуетъ

дубъ, растущій въ смѣшеніи съ осиною, липою, ясенемъ, березою, кленомъ и разнаго рода кустарниками.

Въ Дмитровскѣ мы пріѣхали довольно поздно и остановились ночевать на почтовой станціи, которая для уѣзднаго города очень хороша и просторна.

Дмитровскъ принадлежитъ къ числу новыхъ городовъ въ здѣшней губерніи. Въ 1782 году онъ образованъ изъ села, принадлежавшаго князю Кантемиру. (*) Оно называлось Дмитровкою, почему въ простомъ народѣ и до сего времени этотъ городокъ извѣстенъ подъ этимъ послѣднимъ названіемъ. Въ царствованіе Павла I онъ былъ упраздненъ, но въ 1802 году вновь наименованъ городомъ. Онъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и имѣетъ нѣсколько очень порядочныхъ новыхъ домовъ вдоль главной улицы, служащей и почтовымъ трактомъ въ направленіи къ Сѣвску. Въ сравненіи съ Кромами, онъ опрятнѣе, новѣе и имѣетъ большее число каменныхъ строеній.

Не много времени оставалось до открытія засѣданій естествоиспытателей въ Кіевѣ, и потому мы рѣшились ѣхать отсюда на почтовыхъ прямо къ Кіеву и въ 6 часовъ утра отправились далѣе.

За Дмитровскомъ дорога такая же песчаная, какъ и по сю сторону. Съ правой ея стороны тянутся лиственные лѣса. Мѣстами виднѣлись глубокія долины, изобилующія торфомъ, который въ очень не-

(*) Памятная книжка Орловской губерніи на 1860 годъ. стр. 29.

многихъ еще мѣстахъ этого уѣзда разрабатывается въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и преимущественно въ такихъ, гдѣ существуютъ винокуренные заводы, на которыхъ онъ употребляется на топливо, вмѣсто дровъ.

Слѣдующая станція *Упорой* находится въ имѣніи графини фонъ-Г., замѣчательномъ чрезвычайно красивымъ своимъ мѣстоположеніемъ, паркомъ, садомъ и постройками господской усадьбы. Все это расположено на высокомъ мѣстѣ вблизи небольшой рѣчки, которая голубою змѣйкою извивается вдоль обширныхъ сѣнокосныхъ луговъ, изобилующихъ торфомъ.

За Упороемъ начинается Сѣвскій уѣздъ. Отсюда до слѣдующей станціи *Березовской* мѣстность ровная, состоящая изъ пахатныхъ полей, прѣдка очеркующихся съ небольшими дубовыми рощицами, очень незначительнаго возраста. Эту равнину впоперекъ дороги пересѣкаетъ рѣчка *Усожа* съ весьма низменными берегами, густо поросшими камышами, въ которыхъ гнѣздится множество дикихъ утокъ и другихъ птицъ, живущихъ на болотахъ и вообще около воды. Эта рѣчка впадаетъ въ р. Неруссу и на всемъ своемъ протяженіи изобилуетъ торфомъ. Относительно Дмитровскаго и Сѣвскаго уѣздовъ вообще можно замѣтить, что они изобиловали прежде хвойными лѣсами, внутри которыхъ существовали непроходимыя топи и болота, и потому въ обоихъ этихъ уѣздахъ торфъ встрѣчается почти вездѣ по низменнымъ мѣстамъ. Когда-то примутся за его разработку?

Крестьяне Сѣвскаго уѣзда своимъ мелкимъ неказистымъ видомъ и всею своею виѣшнею обстановкою живо напомнили намъ бѣлоруссовъ: небольшой ихъ ростъ, тощія вытянутыя физіономіи, съ рѣдкими, остроконечными бородками какъ то жалко выглядывали изъ подъ бѣлыхъ войлочныхъ колпаковъ, походившихъ на низенькіе, опрокинутые на головы гречишники. Произношеніе ихъ сильно отзывается бѣлорусскимъ. Лошаденки у нихъ мелкія, худыя; овѣ еле-еле тащили небольшія, дряблыя телѣги, установленныя на тонкихъ колесахъ съ ободранными ободами, которые всегда у нихъ дѣлаются безъ шинъ; да и въ цѣлой телѣжкѣ не найдется ни одного желѣзнаго гвоздя.

Въ 2 часа по полудни мы прибыли въ Сѣвскъ. Этотъ городъ расположенъ на высокомъ мысу, образовавшемся при впаденіи рѣчки Марицы въ р. Сѣвъ. Онъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ, какъ это можно заключить изъ того, что названіе его упоминается въ историческихъ лѣтописяхъ уже въ 1146 году. Когда Великій Князь Кіевскій Ізяславъ II Мстиславичъ собирался осадить Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ находился преслѣдуемый имъ Князь Святославъ Олеговичъ, то этотъ послѣдній отправился къ Карачеву, «взявъ съ собою жену свою, дѣтей и невѣстку, супругу Игореву. Нѣкоторые изъ дружины уѣхали съ нимъ, другіе остались; Новгородцы же Сѣверскіе послали сказать Великому Князю, Даниловичамъ и Святославу Всеволодовичу, что сынъ Олеговъ оставилъ ихъ и отправился въ

Карачевъ. Тогда возгордившійся и разгоряченный Изяславъ Давидовичъ сказалъ братіи: «позвольте мнѣ идти за нимъ: я захвачу его жену, дѣтей и имущество, если онъ убѣжитъ отъ меня самъ.» — Испросивъ позволеніе, Изяславъ взялъ у Великаго Князя Воеводу Шварина, а у братіи дружину и отправился изъ Путивля чрезъ Сѣвскъ въ Болдыжъ. (*)

Во время похода Дмитрія самозванца въ Москву, Сѣвскъ считался одною изъ сильныхъ крѣпостей. Такъ въ дневникѣ Марины Мнишекъ и Пословъ Польскихъ находятся, между прочимъ, слѣдующія объ этомъ свѣдѣнія:

«Наши подступили къ третьей Русской крѣпости, Новгородку, которую стрѣльцы, числомъ до тысячи, обороняли упорно; осада сей крѣпости продолжалась восемь недѣль. Между тѣмъ 31 декабря 1604 года подошло на помощь Русскимъ до 40,000 человекъ: наши, при помощи Божіей, разбили ихъ. Во время отдыха послѣ сей битвы, прислано извѣстіе изъ города Путивля (который можетъ выставить до 40,000 войска), о желаніи жителей его покориться Царевичу и сдать городъ: Путивльскіе воеводы были приведены связанные. Съ такимъ же предложеніемъ явились посланные изъ сильныхъ крѣпостей: Кромъ, Рыльска, Орла, Сѣвска и многихъ другихъ: всѣ они присягнули Царевичу, а воеводъ заключили въ оковы.» (**)

(*) Повѣствованіе о Россіи. Т. I. стр. 97.

(**) Сказанія современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ. Часть IV. стр. 5. Спб. 1834 г.

Въ царствованіе Петра I въ Сѣвскѣ существовали още всѣ укрѣпленія, состоявшія изъ деревянныхъ стѣнъ, башень, воротъ, осадныхъ орудій и проч., которыя уже начинали приходить въ разрушеніе. Указанія объ этомъ находятся въ весьма любопытной статьѣ, помѣщенной въ 14, 21 и 22 № № Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1839 года, подъ заглавіемъ: «Г. Сѣвскъ въ 1698 году.» Къ сожалѣнію, мы не нашли въ этихъ вѣдомостяхъ окончанія этой статьи, заимствованной изъ рукописи, составленной по повелѣнію Императора Петра Великаго, въ теченіи 1697 и 1698 годовъ. Эта рукопись, какъ сказано въ началѣ статьи, передана была для храненія въ Орловскую публичную библіотеку. Существуетъ ли она теперь, — намъ неизвѣстно.

Со времени Петра I вѣроятно эти укрѣпленія не были возобновляемы, какъ и въ другихъ городахъ этой губерніи, гдѣ они существовали, и потому разрушились и исчезли; уцѣлѣли только однѣ земляныя насыпи, которыя видны въ Сѣвскѣ при вѣздѣ въ него изъ Орла.

Въ настоящее время Сѣвскъ не представляетъ никакого особеннаго интереса, даже и въ торговомъ отношеніи. Жителей въ немъ считается до 7,000. Дома ихъ большею частію деревянные; каменныхъ не наберется и трехъ десятковъ. Церквей 12; изъ нихъ 10 каменныхъ, а двѣ деревянные. Сверхъ того въ немъ находится одинъ каменный мужской монастырь, въ которомъ весьма тѣсно размѣщены небольшія деревянные кельи. Не такъ давно выстро-

ны въ немъ камонныя торговыя лавки. Всѣ, безъ исключенія, улицы въ Сѣвскѣ не имѣютъ мостовой, и вѣроятно некогда не будутъ вымощены, потому что весь Сѣвскій уѣздъ находится на мѣловой формациі, характеризующейся въ западной полосѣ Орловской губерніи почти совершеннымъ отсутствіемъ плотныхъ горныхъ породъ, вмѣсто которыхъ значительную мощность представляютъ въ ней мѣловыя глины, мѣлъ и пески, составляющіе подпочву. Эти естественныя условія не могли не отразиться на самомъ характерѣ почвъ этой полосы. Хотя онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и довольно плодородны; но ихъ ни какъ нельзя называть черноземомъ, находящимся въ восточной и юговосточной частяхъ Орловской губерніи, особенно въ уѣздахъ: Малоархангельскомъ, Ливенскомъ и Елецкомъ, въ которыхъ толщина его простирается до одного аршина и болѣе, между тѣмъ какъ въ уѣздахъ: Орловскомъ, Кромскомъ, Мценскомъ и отчасти въ Дмитровскомъ черноземъ чаще имѣетъ толщину, не превышающую трехъ четвертей аршина. Отличительные его признаки суть слѣдующіе: онъ буровато-чернаго цвѣта въ обыкновенномъ состояніи; но когда смоченъ дождемъ, то дѣлается темнѣе, почти чернымъ. Верхній слой его отъ разрастающихся въ немъ корней различныхъ травъ значительно разрыхляется, а нижній постоянно сохраняетъ свою вязкость и липкость отъ присутствія въ немъ глинистыхъ частицъ. При глубокомъ вспахиваніи онъ не рассыпается, но дѣлится

на большіе и малые куски. Во время продолжительныхъ засухъ лѣтомъ, также и отъ сильныхъ морозовъ зимою, черноземъ растрескивается въ различномъ направленіи, подобно рѣчному илу, остающемуся на неизменныхъ рѣчныхъ берегахъ послѣ ихъ разлива. Замѣчательно также, что отъ дѣйствія продолжительныхъ морозовъ, черноземъ теряетъ свой черный цвѣтъ и получаетъ сѣроватый оттѣнокъ. При растираніи его пальцами, онъ дѣлится на небольшія крупинки и тонкій, нѣжный порошокъ. Въ водѣ онъ растворяется и, отстоявшись, даетъ осадокъ, состоящій изъ очень мелкаго песку, сверху котораго осаждаются нѣжная бурая наплывъ. При разсматриваніи его въ микроскопъ, въ немъ можно отличать остатки бурыхъ клочковидныхъ частицъ, смѣшанные съ очень мелкими неорганическими веществами. Такого рода почва не требуетъ частаго удобренія, которое было-бы вреднымъ для разводимыхъ на ней полевыхъ растений и потому черноземныя поля остаются по десяти и болѣе лѣтъ безъ всякаго удобренія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ южныхъ нашихъ губерніяхъ, вовсе не удобряются, но для отдыха по нѣскольку лѣтъ ихъ оставляютъ не запаханными.

Окрестности Сѣвска низменные, болотистыя, и не смотря на то, что онъ находится при двухъ рѣчкахъ, въ нихъ однако-же очень мало воды; по-этому на р. Сѣвѣ устроена плотина для удержа-нія большаго количества воды, необходимой для жителей.

Въ Сѣвскѣ мы замѣтили нѣсколько старыхъ деревянныхъ домовъ, выстроенныхъ вѣроятно лѣтъ за 50 или болѣе. Они отличаются отъ новыхъ довольно значительною своею величиною и въ особенности толщиною бревенъ, подобныхъ которымъ нынѣ весьма рѣдко можно встрѣчать, по причинѣ быстраго истребленія лѣсовъ въ Орловской губерніи. Малую величину домовъ новѣйшей постройки въ этомъ городѣ мы объяснили тѣмъ, что прежніе жители Сѣвска были несравненно богаче настоящихъ, а строевой матеріалъ дешевле, и потому въ старину жили роскошнѣе и просторнѣе. Впрочемъ Сѣвскъ, ни прежде, ни теперь, не отличался особеннымъ развитіемъ въ немъ торговли, болѣе всего упрочивающей благосостояніе городовъ. Въ немъ бывають два раза въ году ярмарки: *десятая* въ 10-ю пятницу послѣ Пасхи и *Временная* 28 октября; но ихъ нельзя назвать значительными, потому что на нихъ привозится товаровъ не болѣе какъ на 150 тысячъ руб. сер. Если бы рѣка Сѣвъ была судоходною, то, быть можетъ, торговля въ Сѣвскѣ могла бы развиться въ большемъ размѣрѣ; но безъ этого условія, также и по причинѣ географическаго положенія этого города, трудно предположить, чтобы въ послѣдствіи онъ могъ-бы получить какое либо значеніе въ торговомъ или промышленномъ отношеніи. Въ настоящее время въ Сѣвскѣ находится пять мыловаренныхъ и шесть кожевенныхъ заводовъ.

Въ Сѣвскомъ уѣздѣ, раскинутомъ на пространствѣ 3221 квадр. версты (*), считается подъ лѣ-

(*) Памятная книжка Орлов. губ. на 1860 г. стр. 47

сами до 109,034 квадратных десятинь (*). Лѣса эти большею частию представляютъ смѣсь лиственныхъ древесныхъ породъ съ хвойными; но есть и чистые хвойные, состоящіе изъ одной только сосны. Ель встрѣчается весьма немногими, единично растущими деревьями только въ сѣверной части уѣзда, близъ границы его съ Трубчевскимъ уѣздомъ. Въ южной части и далѣе, въ Черниговской губерніи, она нигдѣ не попадаетъ, такъ что Сѣвскій уѣздъ можно считать крайнимъ предѣломъ географическаго распространенія этой лѣсной породы къ югу.

Въ 7 часовъ вечера мы прибыли на первую станцію Черниговской губерніи, называемую *Есмань*. Нѣсколько опрятныхъ, выбѣленныхъ мѣломъ маза-нокъ напомнили намъ, что мы находимся въ Мало-россіи. Тутъ зазвучало и пѣвучее малороссійское нарѣчіе. Очень нѣжнымъ оно показалось мнѣ, когда заговорила возлѣ меня красивая молодая малороссіянка съ кузнецомъ, починявшимъ въ своей кузницѣ, противъ станціи, колесо моего тарантаса. Разговоръ ихъ былъ самый обыденный; но онъ врѣзался въ моей памяти по внѣшней обстановкѣ, при которой онъ происходилъ. Передаю его на русскомъ языкѣ:

— «У тебя ключъ, Ваня?» — сказала она.

— «Нѣтъ.» —

— «Да ты его взялъ.» —

— «Нѣтъ, не бралъ.» —

(*) Idem. стр. 47.

— «Поищи въ карманѣ, онъ у тебя.» —

— «Нѣтъ его у меня,» отвѣчалъ онъ съ улыбкою, умильно поглядывая на стройную деревенскую красавицу.

— «Миленькій, родненькій, отдай мнѣ его скорѣе.» —

— «Не отдамъ, постой лучше здѣсь возлѣ меня.» —

— «Голубчикъ мой, я бы рада быть цѣлый день съ тобою, да нѣкогда: скоро коровы придутъ съ поля,» отвѣчала она, впиваясь въ него своими блестящими карими глазами и положивши руку на плечо кузнецу, который, подбоченясь стоялъ возлѣ горна и поворачивалъ желѣзную шину, раскалявшуюся на угляхъ.

Я увѣренъ, что они готовы были броситься другъ другу въ объятія, еслибы не мѣшало имъ мое присутствіе.

Наконецъ онъ отдалъ ей ключъ, и она, засмѣявшись, побѣжала въ свою мазанку.

— «Это жена твоя?» — спросилъ я кузнеца.

— «Жена.» —

— «Давно ты женатъ на ней?» —

— «Недѣли двѣ будетъ,» — отвѣчалъ онъ улынувшись.

Послѣ этого отвѣта ясно было, что они наслаждаются еще медовымъ мѣсяцемъ. Сколько было поэзіи въ этомъ простомъ разговорѣ! Въ немъ каждое слово произносилось подъ обаяніемъ самой страстной любви, высказывавшейся во всей полнотѣ свѣ-

жей, молодой жизни. А какъ часто многіе, съ высоты своего искусственнаго величія, смотрятъ съ полнымъ пренебреженіемъ на простую крестьянскую жизнь, и не подозреваютъ, а чаще не хотятъ понять, что и въ ней, подъ грубой крестьянской одеждой, быются тѣ-же сердца и тѣ-же чувства волнуютъ кровь какъ и у всѣхъ смертныхъ.

Эта сцена, случайно подвернувшаяся на пути, напомнила мнѣ печальную картину похоронной процессіи, въ которой я участвовалъ въ Орлѣ 2-го мая. Вы удивляетесь, читатель, этому переходу отъ жизни къ смерти? Но это дѣйствительно было такъ. И смерть имѣетъ свою поэзію, смотря потому, кто и какъ расстаётся на вѣки съ этимъ міромъ, что уносить съ собою и что оставляетъ послѣ себя. Эта картина, такъ живо представившаяся въ моемъ воображеніи, — были проводы гроба, въ которомъ, черезъ Орелъ, везли тѣло пѣвца Украйны, Тараса Григорьевича Шевченка, на его родину, на курганъ у берега Днѣпра. Въ Есмани я только понялъ, что надобно быть въ Малороссіи, надобно слышать этотъ прекрасный, нѣжный языкъ, чтобы вполне уметь цѣнить и понимать этого народнаго украинскаго поэта.

Въ десятомъ часу вечера мы пріѣхали въ Глуховъ. Было такъ темно, что съ трудомъ можно было различать городскія строенія. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ рѣзче замѣтенъ переходъ отъ дня къ ночи.

Почтовая станція помѣщается въ очень небольшомъ деревянномъ домикѣ. Не знаю, гдѣ нахо-

дѣтъ себѣ пріютъ проѣзжіе, особенно дамы, ежели остаются здѣсь вочевать. Вѣроятно имъ приходится отыскивать гостиницу или помѣщенія въ частныхъ домахъ, у евреевъ, составляющихъ почти половину народонаселенія въ этомъ городѣ, который показался намъ довольно большимъ, потому что мы долго ѣхали по улицамъ, перемѣнивши лошадей на станціи. Вездѣ царствовала тишина и только на противоположномъ концѣ города, возлѣ послѣднихъ избышекъ, мы слышали крикъ какой то женщины, которую тормозили два солдата.

Въ 8-ми верстахъ за Глуховомъ, близъ деревни *Апаловки*, по обѣимъ сторонамъ дороги, добывается извѣстная въ Россіи глуховская фарфоровая глина. Огромное ея количество отправляется въ Москву, С. Петербургъ, Кіевъ и другія мѣста на фарфоровые и фаянсовые заводы. Ее выкапываютъ изъ глубины около двухъ сажень. Чтобы имѣть къ ней доступъ, то дѣлаютъ подземные ходы. Работа производится только зимою, потому что лѣтомъ дѣлаются обвалы, подъ которыми не разъ уже погибали рабочіе. Кромѣ того въ лѣтнее время въ этихъ ямахъ отдѣляется значительное количество угольной кислоты, отъ которой гаснетъ огонь, а люди задыхаются и тотчасъ умираютъ. Оттого крестьяне ближайшихъ деревень не охотно нанимаются на эту работу, иногда и вовсе отъ нея отказываются.

На другой день, въ 4 часа утра, мы прибыли въ красивый малороссійской городъ *Кролевецъ*. Дома въ немъ большею частію деревянные, хорошей ар-

хитектуры; они выкрашены желтобурою масляною краскою и почти вездѣ окружены превосходными высокими пирамидальными тополями, ясенемъ съ красивыми перистыми листьями и широколиственнымъ яворомъ (*Acer pseudoplatanus* L.); изрѣдка между ними попадались высокія деревья береста (*Ulmus campestris* L.)

Кролевецъ замѣтителенъ своею ярмаркою, для которой выстроено въ немъ множество деревянныхъ лавокъ, также выкрашенныхъ масляною краскою изъ охры. Эти лавки расположены правильными рядами и каждый изъ нихъ имѣетъ свое специальное названіе по тѣмъ товарамъ, которые въ немъ продаются. Начиная отъ Кролевца и до самого Кіева вся мѣстность представляетъ обширную равнину, такъ что по всей дорогѣ намъ почти не встрѣчалось ни значительныхъ возвышеній, ни глубокихъ овраговъ. Чѣмъ болѣе мы удалялись отъ Орла, тѣмъ становилось теплѣе, и во всей окружающей насъ природѣ мы замѣчали вліяніе болѣе южнаго климата. Съ восходомъ солнца начали отдѣляться пары изъ рыхлой черноземной почвы и въ отдаленіи представлялись въ видѣ бѣлыхъ туманныхъ полосъ, въ которыхъ отражались находившіяся далеко за ними группы деревьевъ. Крестьянскія избы въ селеніяхъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, были вымазаны глиной и выбѣлены мѣломъ; печныя трубы въ нихъ почти вездѣ были деревянныя, сколоченныя изъ длинныхъ досокъ. Кровли на нихъ сдѣланы изъ соломы съ глиною. На поляхъ малороссы пахали землю плуга-

ми, запряженными парю, иногда двумя парами воловъ. За станціей Алтиновкой, находящейся въ 18 верстахъ отъ Кролевца, по обѣимъ сторонамъ дороги, въ лиственныхъ лѣсахъ очень часто намъ встрѣчались огромныя дикорастущія грушевыя деревья (*Pyrus communis* L.). Дубы въ этихъ лѣсахъ уже были покрыты молодыми листьями. Но мы замѣтили, что многіе изъ молодыхъ дубковъ были значительно повреждены холодами въ теченіи минувшей суровой зимы. Замѣчательно однакоже то обстоятельство, что въ Орловской губерніи дубовыя деревья нимало не пострадали въ эту зиму, хотя морозы у насъ достигали до 30 градусовъ. Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что одна и таже древесная порода, растущая въ болѣе южномъ климатѣ, бываетъ болѣе изнѣжена и потому не можетъ выдерживать необыкновенно рѣзкихъ переменъ температуры.

Въ 10 часовъ утра мы подѣхали къ рѣкѣ Сейму, на противоположномъ, высокомъ берегу который расположенъ городъ Батуринъ, бывшій нѣкогда резиденціею Гетмана Мазепы. Дворецъ его уцѣлѣлъ и до настоящаго времени, хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при немъ. Рѣка Сеймъ довольно широка; течетъ быстро и развѣтвлена на нѣсколько рукавовъ, между которыми находятся низменные острова. Здѣсь мы замѣтили бѣлаго аиста. Эта красивая большая птица въ Орловской губерніи не встрѣчается; но она очень обыкновенна въ южныхъ нашихъ губерніяхъ, въ Литвѣ, Польшѣ, также въ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ.

Въ шести верстахъ за Батуриномъ находится знаменитое училище пчеловодства, основанное покойнымъ Прокоповичемъ, а нынѣ принадлежащее г. Великдану, который съ такою же любовію, какъ и его предшественникъ, занимается этою полезнѣйшею отраслію сельскаго хозяйства.

Въ 30 верстахъ за Батуриномъ находится небольшой городокъ *Борзна*. На площади, противъ почтовой станціи, на которой мы остановились, была ярмарка для продажи скота. Большею частію продавались на ней крестьянскія коровы и лошади; но послѣднихъ было очень мало. Посѣтители этой ярмарки были почти исключительно крестьяне, да евреи. Мы думали пообѣдать на станціи, но намъ рѣшительно отказали во всемъ, даже въ бѣломъ хлѣбѣ, котораго тамъ не оказалось. Мы спросили: нѣтъ-ли въ городѣ гостинницы или трактира? И этого не было. Еще болѣе въ непріятномъ положеніи находилась одна проѣзжая дама съ своею двухъ-лѣтнею дочерью. Это бѣдное дитя плакало, потому что хотѣло ѣсть. Съ большимъ трудомъ, наконецъ, нашли для него, за гривенникъ, у одной еврейки стаканъ козьего молока.

Въ сумерки мы прибыли въ Нѣжинъ. Этотъ городъ довольно обширенъ и красивъ. Въ немъ много каменныхъ строеній. Онъ расположенъ среди обширной равнины, на которой, въ окрестностяхъ города, нѣжинскіе жители разводятъ табакъ, огурцы и другія огородныя овощи. Послѣ жаркаго, яснаго дня, пріятная прохлада навѣвала на насъ,

когда мы ѣхали по этой равнинѣ. Множество богомольцевъ и въ особенности богомолковъ, шедшихъ къ Кіеву, тянулись группами по дорогѣ, торопясь засвѣтло дойти до ночлега въ Нѣжинѣ. Этотъ городъ замѣчателенъ разнообразіемъ національностей, его населяющихъ. Въ немъ находятся малороссы, поляки, греки, евреи и великороссіяне. Кромѣ того въ окрестностяхъ [его] кочуютъ цыгане, которыхъ мы замѣтили въ таборѣ, раскинутомъ недалеко отъ дороги при въѣздѣ въ городъ. Мы въ немъ не останавливались, и перемѣнивши лошадей, тотчасъ поскакали далѣе. Я нарочно употребляю это выраженіе, потому что везшій насъ ямщикъ, молодой парень, лѣтъ 18, началъ гнать лошадей безъ милосердія. Нѣсколько разъ я просилъ его ѣхать тише; но это не помогало.—«Дорога тутъ ровная, бояться нечего,» отвѣчалъ онъ мнѣ—и, черезъ нѣсколько минутъ, когда мы были почти на выѣздѣ изъ послѣднихъ предмѣстій на противоположной сторонѣ города, онъ вдругъ исчезъ съ козелъ. Въ одно мгновеніе мы вскочили съ своихъ мѣстъ и начали кричать на лошадей, чтобъ онъ остановился, потому что и возжей не было, чтобы удержать ихъ. Мы были въ полной увѣренности, что подъ тарантасомъ волочится избитый и изломанный трупъ этого несчастнаго. Въ это время лошади приостановились и мы чрезвычайно обрадовались, когда увидѣли, что нашъ ямщикъ здоровымъ и невредимымъ висѣлъ на оглоблѣ, ухватившись за нея руками и ногами. Слава Богу, что онъ отдѣлался однимъ стра-

хомъ и не погнѣвъ такъ, ни за что, ни про что, а изъ одной своей удачи.

Это случилось съ нимъ потому, что плѣть, которою онъ погонялъ лошадей, концемъ своимъ попала въ колесо передка, а другой конецъ ея висѣлъ у него на рукѣ на крѣпкомъ ремнѣ, который не порвался, но потянулъ его за собою. Послѣ этого онъ сталъ ѣхать тише, да и дорога была песчана и тяжела.

— «За чѣмъ ты такъ гналъ своихъ лошадей?» — спросилъ я у него, послѣ этой тревоги.

— «Да мнѣ хотѣлось догнать другаго ямщика, который повезъ проѣзжаго, чтобы назадъ вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ его телѣгѣ. Верхомъ скоро не уѣдешь, а на телѣгѣ спокойнѣе; да къ тому-же завтра у насъ ярмарка,» отвѣчалъ ямщикъ, рисковавшій для этого удовольствія сломить себѣ шею.

Рано утромъ при восходѣ солнца мы въѣхали, въ Козелецъ, послѣдній на нашемъ пути уѣздный городокъ Черниговской губерніи. Отсюда устроено шоссе, по которому до самого Кіева, туда и обратно, цѣлыми толпами, почти непрерывно, шли богомолки и богомольцы со всѣхъ концовъ Россіи, лежащихъ сѣвернѣе Кіева. Между слѣдующими двумя станціями: *Калитянскимъ* и *Богдановскимъ* хуторами, по протяженіи 3-хъ верстъ, а потомъ, чрезъ небольшой промежутокъ, еще на полторы версты, все шоссе было покрыто сплошною массою молодой пѣшей саранчи (*), собравшейся сюда изъ окрест-

(*) Пѣшею она называется потому, что въ этомъ періодѣ ея жизни, она не имѣетъ еще крыльевъ, А. Т.

ныхъ полей, которыя въ то время были вспаханы и не представляли для нея никакой растительной пищи. Цѣлыми массами, на право и на лѣво, прыгала она, стараясь спастись отъ лошадей и экипажа. Ее легко можно-бы было тогда уничтожить, раздавливая на шоссе деревянными цилиндрическими катками; но по видимому, мѣстными жигелями не было на это обращено вниманія; вслѣдствіе чего она и произвела потомъ тамъ значительныя опустошенія, какъ было объ этомъ сообщено въ газетахъ.

Верстахъ въ двухъ, не доѣзжая до послѣдней станціи передъ Кіевомъ, мы увидѣли съ правой стороны горизонта высокую колокольню знаменитой Кіевопечерской лавры и чрезъ нѣсколько минутъ, ровно въ полдень остановились въ Браварахъ. Отсюда оставались еще 24 версты до Кіева.

ГЛАВА IV.

Выѣздъ изъ Броваровъ. Старая дорога. Первые впечатлѣнія при видѣ Кіева. Богомольцы. Цѣпной мостъ на Днѣпрѣ. Прибытіе въ Кіевъ. Краткій историческій очеркъ Кіева.

— «Не припречь-ли вамъ еще пару лошадей, а то тяжело будетъ ѣхать по пескамъ,» — сказалъ мнѣ станціонный смотритель въ Броварахъ, прочитавши мою подорожную.

— «По какимъ пескамъ? развѣ по шоссе нельзя ѣхать?» — возразилъ я ему на это.

— «По шоссе проѣдете семь верстъ, а далѣе нельзя, потому что его починяютъ; надобно будетъ свернуть на старую дорогу, а тамъ пески такіе что колеса вязнутъ въ нихъ по самыя ступицы.» —

— «Да къ чему-же? мой тарантасъ очень легокъ, а поклажа въ немъ состоитъ изъ самыхъ необходимыхъ дорожныхъ принадлежностей,» — возразилъ я ему снова, полагая, что въ этомъ предложеніи смотрителя станціи заключается какая нибудь прижимка, какъ это весьма часто случается у насъ на руси.

— «Какъ вамъ угодно,» отвѣчалъ онъ, «но только будетъ тяжело лошадямъ, особенно въ такую жару; долго будете ѣхать; вѣдь вы приплатите за одну только лошадь, а припрягутъ вамъ пару, на 8-й верстѣ, гдѣ у насъ нарочно для этого поставлены лошади въ запасъ.» —

Мы согласились, и, заплативши за четыре лошади, поѣхали на тройкѣ по весьма хорошему и очень широкому шоссе, болѣе чѣмъ вдвое превышающему обыкновенныя наши шоссеиныя дороги. Это шоссе, какъ я слышалъ въ Броварахъ, первоначально было устроено дворянствомъ Кіевской губерніи, на собственный его счетъ, а потомъ перешло въ вѣдомство путей сообщеній. Съ тѣхъ поръ и начались его ремонтировки.

На 8-й верстѣ нашъ ямщикъ повернулъ на право, на старую дорогу, и остановилъ лошадей возлѣ одной избы. Здѣсь припрягли намъ пару порядочныхъ клячей и на одну изъ нихъ усѣлся другой ямщикъ, довольно безтолковый малороссіанинъ, который, какъ послѣ оказалось, еще начиналъ только учиться исправленію форейторской должности.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось встрѣтить такую отвратительнѣйшую дорогу, по какой намъ пришлось тогда ѣхать. Она извилистами проведена черезъ старый сосновый лѣсъ и состоитъ изъ одного сыпучаго песку, въ которомъ колеса нашего экипажа хотя и не вязли по самыя ступицы, но углублялись на цѣлую треть своихъ поперечниковъ. Мы обогнали и встрѣтили нѣсколько обозовъ, изъ которыхъ одни едва тянулись, другіе стояли, потому что везшія ихъ лошади окончательно выбились изъ силъ: нѣкоторыя изъ нихъ попадали и были при послѣднемъ издыханіи, а двѣ и совсѣмъ околѣли. Несчастные извозчики принужде-

ны были по одиночкѣ перетаскивать свои возы по нѣкоторымъ мѣстамъ, гдѣ были самые глубокіе пески, и для этого къ каждому переднему возу припрягали по двѣ лошади отъ слѣдующихъ телѣгъ, да еще сами помогали имъ, и такимъ только образомъ едва-едва подвигались впередъ, благодаря ремонтнровкѣ шоссейной дороги, которая при значительной своей ширинѣ могла-бы, какъ намъ казалось, быть исправляема сперва съ правой, а потомъ съ лѣвой стороны, — чтобы не прекращать по ней ѣзды.

Наконецъ-то, черезъ три часа, мы выѣхали изъ этого лѣсу на покатый склонъ обширной прибрежной долины и передъ нами открылась великолѣпная панорама Кіева, широко раскинутого по высокимъ крутымъ горамъ противоположнаго праваго берега р. Днѣпра. Все забыто: и пески, и шоссейная ремонтнровка, и фореиторъ съ парюю сѣрыхъ своихъ коней, которые не тянули, а только такъ себѣ шли, да кое гдѣ бѣжали въ прыпрыжку впереди тарантаса. Глаза наши разбѣгались передъ очаровательною картиною, какой мнѣ нигдѣ не случалось еще видѣть. Сколько можно было обнять глазами противоположный намъ горизонтъ, — все это было покрыто красивыми разнообразными зданіями, которыя чередовались съ златоглавыми церквями и мѣстами рѣзко выдавались изъ густой зелени, покрывавшей склоны и вершины гористой приднѣпровской мѣстности. Приближаясь къ Днѣпру, мы проѣхали черезъ небольшое предмѣстіе, состоявшее изъ грязныхъ,

старыхъ и кое-гдѣ полуразвалившихся лачугъ, представлявшихъ самый странный и печальный контрастъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было предъ нами впереди. Сильный и непріятный запахъ далъ намъ почувствовать, что тутъ живутъ евреи, которыхъ мы скоро и увидѣли по дорогѣ чрезъ это селеніе. Но скоро все это мы оставили за собою и выѣхали на шоссе, проведенное по искусственной насыпи низменнаго рѣчнаго берега. Густая, почти сплошная толпа шедшихъ на поклоненіе мощамъ св. угодниковъ и возвращавшихся обратно людей со всѣхъ концовъ Россіи покрывала эту дорогу. Большинство ихъ составляли женщины. Многія изъ нихъ, въ отдаленіи, купались группами въ днѣпровскихъ рукавахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Иныя, сидя около кустовъ, пониже насыпи, переодѣвались въ праздничные свои костюмы. Хромые, слѣпые и разнаго рода калѣки обоего пола составляли отдѣльныя группы: одни шли, другіе отдыхали подъ тѣнію густо-зеленыхъ старыхъ ракичь, насажденных по обѣимъ сторонамъ этой длинной дамбы. Разнообразіе фізіономій и одеждъ было поразительное. Тутъ можно было встрѣтить всѣ оттѣнки, какими отличаются жители разныхъ губерній нашихъ, начиная съ сѣверныхъ и восточныхъ предѣловъ европейской Россіи — до Днѣпра. Быть можетъ, въ числѣ ихъ находились представители и за-уральской стороны. Подобное движеніе богомольцевъ было и по всѣмъ другимъ дорогамъ, ведущимъ къ Кіеву, но не въ такомъ уже значительномъ количествѣ, какъ по

этому шоссе. Эти путешествія ихъ продолжаются ежедневно, съ ранней весны до поздней осени, сначала въ возрастающемъ, а потомъ въ убывающемъ порядкѣ, который въ лѣтніе мѣсяцы достигаетъ наибольшей своей числовой величины. Въ послѣдствіи я слышалъ въ Кіевѣ, что и не запомнить, когда стекалось въ немъ такое огромное количество богомольцевъ, какъ въ нынѣшнемъ году. Причина этого явленія находилась въ тѣсной зависимости съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Благодарные крестьяне со всѣхъ концовъ Россіи стекались въ Кіевъ помолиться за своего Царя-освободителя.

Скоро мы подъѣхали къ великолѣпному мосту, который, по всей справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Онъ виситъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ огромнымъ каменнымъ устоямъ, построеннымъ по берегамъ и по срединѣ рѣчнаго русла. Каждое звено этихъ цѣпей состоитъ изъ толстыхъ и широкихъ желѣзныхъ полосъ, сложенныхъ вмѣстѣ, кажется, по шести штукъ, и обращающихся концами своими на массивныхъ желѣзныхъ осяхъ. По обѣимъ сторонамъ его устроены тротуары для пѣшеходовъ. Ѣздить по немъ дозволяется только шагомъ, чтобы не приводить его въ сильное колебаніе, которое можетъ быть опаснымъ при громадной тяжести этого моста, стоявшаго миллионы. Величественный Днѣпръ, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, спокойно уноситъ подъ нимъ свои воды, отличающіяся свѣтло-кофейнымъ своимъ цвѣтомъ. Вправо отъ моста виднѣлись на рѣкѣ па-

роходы, байдаки и другія суда, стоявшія у пристани около *Подола*; кое-гдѣ мелькали лодки, казавшіяся слишкомъ миниатюрными на широкой поверхности Днѣпра, который въ то время еще не былъ въ своихъ обычныхъ берегахъ послѣ весенняго разлива.

За мостомъ мы повернули на право и версты двѣ ѣхали вдоль каменной набережной въ направленіи къ *Старому Кіеву*, составляющему среднюю часть нынѣшняго города. *Кіево-Печерскъ* съ своею крѣпостію и лаврою оставался позади, за нами, а впереди, въ самой глубинѣ фона, раскрывавшейся предъ нами картины, пестрѣли многочисленные зданія Подола, раскинутаго по низменной прибрежной днѣпровской долинѣ. Съ приближеніемъ къ горѣ, на вершинѣ которой находится бронзовая статуя, изображающая великаго князя Владиміра съ крестомъ въ рукѣ, поставленная въ память крещенія имъ народа въ Днѣпрѣ, набережная дѣлалась многолюднѣе, особенно потому, что въ этомъ мѣстѣ, на Днѣпрѣ, находилось много обширныхъ деревянныхъ купалень, въ которыя тогда во множествѣ стекались кіевляне. Наконецъ мы начали подниматься въ самый городъ по длинному и довольно отлогому спуску, сначала въ направленіи къ югу, а потомъ, по другому къ востоку и черезъ четверть часа остановились въ гостинницѣ *Россія*, находящейся на базарной площади, вблизи самой главнѣйшей улицы, называемой *Крещатицкою*. Многолюдство города, прекрасныя строенія, церкви съ вызолоченными куполами, движеніе народа, стукъ эки-

нажей по каменнымъ мостовымъ изъ булыжника, нарядные дамскіе костюмы, отличавшіеся новизною моды и изящною отдѣлкою, особенно когда они облекали красивыя формы и фizioноміи, которыхъ такъ много въ Кіевѣ, — все это живо напомнило мнѣ нашу столичную жизнь, отъ которой я давно уже отвыкъ, проживши почти полжизни въ Орлѣ. Кіевъ живописенъ въ высшей степени и въ этомъ отношеніи, на мой взглядъ, превосходитъ обѣ наши столицы. Онъ не имѣетъ значительной ширины, но растянута вдоль Днѣпра, верстъ на 12, по высокимъ горамъ, между которыми встрѣчаются отлогіе и крутые склоны, застроенные и незастроенные, съ новыми и старыми зданіями, съ садами и дикорастущими деревьями и кустарниками. Нашъ Орелъ кажется слишкомъ малымъ, бѣднымъ и однообразнымъ; провинціальный его характеръ очень рѣзко выдается при сравненіи съ Кіевомъ, который, впрочемъ, носитъ на себѣ особенный отпечатокъ, представляющій смѣсь глубокой старины и новѣйшаго вкуса, обусловливаемого въ немъ вліяніемъ западноевропейскаго просвѣщенія. Но всего этого не возможно передать на словахъ: надобно увидѣть его собственными глазами, чтобы придти въ то восторженное состояніе, въ какомъ находились мы по прибытіи въ этотъ прекрасный городъ. Десятидневнаго моего пребыванія, при постоянномъ участіи въ засѣданіяхъ естество-испытателей, оказалось слишкомъ недостаточно для того, чтобы можно было сколько нибудь ознакомиться со множествомъ заклю-

ляющихся въ немъ достопримѣчательностей, имѣющихъ важное историческое значеніе. По этому я и не беру на себя смѣлости объ нихъ распространяться; но ограничусь однимъ бѣглымъ историческимъ взглядомъ на этотъ городъ, въ надеждѣ, что это будетъ не безынтересно для нѣкоторыхъ читателей этихъ замѣтокъ.

Кіевъ находится по $50^{\circ} 27'$ сѣв. шир. и $48^{\circ} 10'$ вост. долготы.

Истинное время его основанія въ точности неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Кіевъ существовалъ за 1000 лѣтъ до нашего времени и потому онъ древнѣе цѣлой Россіи. Вотъ что сказано въ «Повѣтствованіи о Россіи» Арцыбашева (Кн. I. стр. 17.), относящемся къ 864 году исторіи нашего отечества: «Двое изъ Варяговъ, прибывшихъ съ Рюрикомъ, Аскольдъ и Диръ, огорченные уповательно тѣмъ, что не получили помѣстьевъ, выпросились у князя ѣхать съ родомъ своимъ въ Константинополь, отправились Днѣпромъ, усмотрѣли на горѣ маленькій городокъ и спросили: «чей онъ?» отвѣтствовано было, что соорудили его братья Кій, Щекъ и Хоривъ, которыхъ нѣтъ уже на свѣтѣ, и что граждане съ родомъ помянутыхъ основателей, платятъ дань Козарамъ».

Лѣтописцы повѣтствуютъ, что Кій построилъ городъ, или замокъ, на горѣ Сборичевъ надъ Днѣп-

ромъ, въ томъ мѣстѣ, которое находится между нынѣшними *Крещатицкимъ* и *Андреевскимъ* спусками къ берегу рѣки. Такимъ образомъ произошло названіе Кіева.

Съ 882 года Кіевъ сдѣлался мѣстомъ пребыванія русскихъ князей.

Въ 988 году Великій Князь Владиміръ I Святославичъ, завладѣвши греческимъ городомъ Корсуномъ (нынѣшній Херсонъ), принялъ тамъ христіанскую вѣру и возвратившись оттуда въ Кіевъ «повелѣлъ изрубить и сжечь кумиры; Перуна же, привязавъ къ хвосту лошадиному, тащить въ Почайну, а ея въ Днѣпръ и бить палками».

«Истребивъ кумиры, Владиміръ послалъ объявить во всемъ городѣ слѣдующее: «кто завтра не явится къ рѣкѣ—богатый или убогій, нищій или рабочій—тотъ будетъ мнѣ противникомъ.» Народъ радостно послѣдовалъ волѣ и примѣру Государя: безчисленное множество людей, всякаго возраста, стеклось у Днѣпра, гдѣ находился уже Владиміръ съ духовенствомъ Корсунскимъ и своею супругой. Граждане Кіевскіе вступили въ воду—иные по груди, иные по шею—и нѣкоторые держали младенцевъ; а священники читали молитвы (крещенія), послѣ чего окрестившійся народъ отправился домой.» (*)

(*) Арцыбашева Повѣствованіе о Россіи Т. I. стр. 51.

Съ этого времени христіанство начало распространяться въ Кіевѣ.

При Ярославѣ І Владиміровичѣ, въ 1037 году, Кіевъ сдѣлался столицею современной ему Россіи; тогда въ немъ была построена крѣпость съ золотыми воротами и храмъ Св. Софіи. На золотыхъ воротахъ, развалины которыхъ сохраняются и въ настоящее время, Ярославъ соорудилъ церковь благовѣщенскую и учредилъ въ Кіевѣ митрополію. Софійскій храмъ былъ построенъ имъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ Печенегами. Великій Князь Ярославъ въ послѣдствіи былъ погребенъ въ немъ, и надъ его могилой, въ одномъ лѣвомъ придѣлѣ алтаря, находится мраморный надгробный его памятникъ.

Въ 1240 году татарскій ханъ Батый взялъ Кіевъ, разграбилъ, сжегъ и опустошилъ его. Съ того времени Кіевъ съ приднепровьемъ утратилъ свое политическое значеніе, а въ 1315 г. подпалъ подъ власть литовскаго князя Гедимина и присоединился къ литовскому княжеству. Въ 1386 г., онъ сдѣлался подвластнымъ Польшѣ, когда литовскій князь Ягелло, вступивши въ бракъ съ польскою королевою Ядвигой, соединилъ Литву съ Польшею.

Въ 1392 г. двоюродный братъ Ядвиги, Витовтъ, отнялъ литовское княжество у Ягелло. При немъ Литовско-Русская православная церковь, отдѣлившись отъ Московской, назначила особаго митрополита,

который началъ именоваться «Кіевскимъ и всея Россіи.» Послѣ Витовта Кіевъ съ великимъ княжествомъ литовскимъ нѣсколько разъ подчинялся власти польскихъ королей и, наконецъ, на Люблинскомъ сеймѣ (въ 1569 г.), вмѣстѣ съ литвою, былъ окончательно присоединенъ къ Польшѣ.

Въ концѣ XVI столѣтія православіе, угнетаемое въ Кіевѣ подѣ вліяніемъ іезуитовъ, нашло себѣ защитниковъ въ малороссійскихъ казакахъ, получившихъ свое окончательное устройство при Стефанѣ Баторіѣ. Козаки, за вѣру и православіе, воевали съ поляками, подѣ предводительствомъ своихъ гетмановъ. Въ половинѣ XVII вѣка гетманъ Богданъ Хмельницкій, начальствуя *гайдамаками*, взволновалъ всю Малороссію, которая въ 1654 году отдала себя подѣ покровительство Россіи. Вслѣдствіе этого за обладаніе Малороссіей начались войны Россіи съ Польшею, а въ 1686 году, во время правленія Софьи Алексѣевны, Кіевъ съ большею частію Малороссіи былъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Съ тѣхъ поръ начались въ немъ различныя преобразованія и улучшенія, продолжающіяся и до настоящаго времени. Одно изъ важнѣйшихъ учрежденій въ Кіевѣ составляетъ основаніе университета св. Владиміра, совершенное 27 іюля 1834 г. Кіевскій университетъ произвелъ огромное вліяніе на распространеніе просвѣщенія въ этомъ краю, который съ самаго начала существованія Россіи подвергался смутамъ и неурядицѣ, поддерживавшимъ только грубость нравовъ и невѣжество въ народѣ. Въ настоя-

щее время Кіевскій университетъ со славою сопер-
ничаетъ съ лучшими изъ нашихъ университетовъ.
Съ учрежденіемъ его, въ Кіевѣ возникло нѣсколько
среднихъ учебныхъ заведеній для дѣтей обоего по-
ла, и эти заведенія, въ свою очередь, подъ благот-
ворнымъ вліяніемъ на нихъ университета, постоянно
улучшаются и умножаются, слѣдуя по неизмѣнной
стезѣ, какую указываетъ имъ истинное образованіе,
обусловливающее собою всѣ блага внутренняго и
внѣшняго нашего существованія.

ГЛАВА V.

Кіевскія купальни. Насмные экипажи. Базаръ. Крещатицкая улица. Университетъ. Первое свиданіе съ нѣкоторыми естествоиспытателями. Профессорская лекторія. Открытіе засѣданій естествоиспытателей. Краткій очеркъ засѣданій научныхъ и педагогическихъ. Мысли о необходимости естественныхъ наукъ для воспитанія дѣтей. Какимъ наукамъ у насъ отдается предпочтеніе въ этомъ отношеніи. Какое участіе принимала кіевская публика въ засѣданіяхъ естествоиспытателей.

По прїѣздѣ въ Кіевъ, мы тотчасъ отправились въ купальни. Онѣ устроены весьма хорошо и очень опрятны. Надъ каждою изъ нихъ находятся надписи съ обозначеніемъ мужскихъ и женскихъ отдѣленій, общихъ и отдѣльных номеровъ. Для спуска въ нихъ съ высокой набережной сдѣлано нѣсколько деревянныхъ лѣсенокъ съ небольшими ступенями, а съ наружной стороны, вдоль каждой купальни, устроены досчатые тротуары съ перилами; на концахъ ихъ, въ крытыхъ помѣщеніяхъ, сидятъ хозяева или ихъ прикащики для сбора денегъ за купанье. Мы вошли въ одну купальню, и хозяйка ея, одѣтая барыней, потребовала съ насъ за отдѣльный номеръ 20 коп. сер. Внутренній бассейнъ въ немъ былъ такъ обширенъ, какъ въ цѣлой орловской купальнѣ; но въ немъ не было ни малѣйшей щели въ плотно сколоченныхъ изъ досокъ стѣнахъ, такъ что купающіеся въ нихъ, особенно дамы, не могли находиться въ столь непріятномъ положеніи, въ какомъ бывають иногда наши дамы въ орловскихъ купаль-

няхъ, обшитыхъ полуразорваннымъ тряпьемъ, плохо прикрывающимъ ихъ отъ нескромныхъ взглядовъ мужчинъ. Днѣпровская вода, не смотря на свѣтло-кофейный цвѣтъ свой, особенно замѣтный въ большой массѣ, очень чиста и отличается умѣренной теплотою, зависящею отъ быстроты ея теченія. Но не смотря на удобство купалень, чистоту воды и освѣжающую ея температуру, многіе изъ жителей отдаленныхъ отъ Днѣпра частей города вовсе не пользуются купаньемъ, исключая только тѣхъ, которые имѣютъ собственные свои экипажи. Въ этомъ отношеніи Кіевъ представляетъ большія неудобства, особенно во время пожаровъ, потому что иногда случается ѣздить за водою версты за три и болѣе и при томъ по весьма гористымъ мѣстностямъ. Нѣшкомъ ходить въ Кіевѣ весьма утомительно, потому что многія улицы протянуты по склонамъ горъ, на которыхъ построенъ этотъ городъ. Наемныхъ экипажей много, но не каждый въ состояніи ими пользоваться по причинѣ довольно высокой за наемъ ихъ цѣны. Эти экипажи тамъ двоякаго рода: пролетки парныя и въ одну лошадь и небольшія польскія телѣжки. Эти послѣднія бываютъ большею частію безъ ресоръ, иногда и на лежащихъ ресорахъ; онѣ выкрашены черною масляною краскою и покрыты лакомъ, такъ что по внѣшнему своему виду довольно опрятны. Возницъ ихъ обыкновенно называютъ въ Кіевѣ *пльтухами*, что соотвѣтствуетъ названію *санекъ* въ великороссійскихъ губерніяхъ. За наемъ пролетки, запряженной парой лошадей, извозчики

берутъ въ часть отъ 40 до 60 коп. сер.; въ одну лошадь—30 коп. сер., а пѣтухи по 20 коп. сер. Хотя у каждаго изъ нихъ на висящемъ на спинѣ номеръ и обозначена установленная такса, по расчету за часъ, но они не соблюдаютъ ее въ точности, и измѣняютъ, сообразуясь съ разстояніями и мѣстностями, куда желаютъ ѣхать пассажиры.

По возвращеніи съ купанья, я рѣшился весь вечеръ провести въ своемъ номерѣ, чтобы отдохнуть послѣ непрерывнаго, почти трехъ суточного путешествія. Гостинница *Россія* хорошо устроена. Номера въ ней очень чисты и снабжены весьма удобною мебелью изъ краснаго дерева; служители расторопные, вѣжливые и въ достаточномъ количествѣ; для дамъ, останавливающихся въ этой гостинницѣ, находится женская прислуга. Цѣна за номеръ въ сутки отъ одного до трехъ рублей серебромъ.

На слѣдующій день, рано по утру, я былъ пробужденъ непривычнымъ для ушей стукомъ экипажей и говора народа. Взглянувши въ окно, я увидѣлъ, что на площади былъ базаръ въ полномъ разгарѣ. По срединѣ ея производилась торговля разными сельскими продуктами, привезенными и принесенными крестьянами изъ сосѣднихъ деревень. Это было наканунѣ *Троицына дня*, и потому многія телѣги были нагружены свѣжими срубленными деревьями; на другихъ находились однѣ только небольшія древесныя вѣтви, которыя покупались вѣроятно небогатыми горожанами. Было еще нѣсколько возовъ съ травою и длинными листьями ароматическаго

аира (*Calamus aromaticus*), которыми въ Кіевѣ въ этотъ день посыпаютъ полы въ церквяхъ и въ нѣкоторыхъ домахъ.

Въ мясныхъ лавкахъ, находящихся передъ окнами гостинницы *Россіи*, толпилось множество народа; въ томъ числѣ было много дамъ, приходившихъ пѣшкомъ и пріѣзжавшихъ туда въ коляскахъ, на пролеткахъ и въ польскихъ телѣжкахъ. Мясныя лавки въ Кіевѣ очень опрятны; всѣ хезяева ихъ и прикащики были въ чистыхъ бѣлыхъ фартукахъ съ рукавами, сшитыхъ такимъ образомъ, что они покрывали всю переднюю часть тѣла, начиная отъ шеи до колѣнъ и всю спину. Торговля въ этихъ лавкахъ производится обыкновенно до 10 часовъ утра, а позже этого времени остаются только немногія изъ нихъ открытыми до вечернихъ сумерекъ. Но ихъ не прежде запираютъ, пока не будутъ вымыты въ нихъ столы и скамейки и вычищенъ соръ, который тотчасъ и вывозится въ назначенныя для этого мѣста. Послѣ полудня на всей базарной площади точно также сметается весь соръ.

Напившись чаю, который былъ очень вкусенъ, будучи настояннымъ на прекрасной мягкой днѣпровской водѣ, мы отправились взглянуть на ближайшія къ гостинницѣ части города и направили путь нашъ на *Крещатицкую улицу*, которая считается самою лучшею въ Кіевѣ. Длина ея до 2-хъ верстъ, а ширина почти въ два раза болѣе большой *болховской* улицы въ Орлѣ. Тротуары на ней широкіе и ров-

ные: они сдѣланы изъ квадратныхъ известковыхъ плитъ. Вдоль наружныхъ краевъ ихъ, по обѣимъ сторонамъ этой улицы, насажены красивѣйшія деревья бѣлыхъ акацій, на которыхъ въ то время уже отцвѣтали большія бѣлыя кисти душистыхъ цвѣтовъ. Почти всѣ дома на Крещатицкой улицѣ каменные, двухъ и трехъ-этажные, самой новѣйшей архитектуры. Всѣ они заняты различными магазинами, весьма хорошо убранными, чистыми и свѣтлыми, потому что всѣ окна въ нихъ большія и нерѣдко съ цѣльными зеркальными стеклами. Въ числѣ ихъ находится шесть книжныхъ магазиновъ: въ однихъ изъ нихъ продаются книги только на русскомъ языкѣ, а въ другихъ на французскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ. Кромѣ того тамъ находится по нѣскольку модныхъ магазиновъ, чайныхъ, съ галантерейными вещами, суконныхъ, ювелирныхъ, табачныхъ, съ дѣтскими игрушками, дамскою обувью, фаянсовые магазины и въ одномъ изъ нихъ почти исключительно, продаются только фаянсовые издѣлія съ извѣстнаго *Межигорскаго* завода, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева, и различныя вещи изъ богемскаго хрусталя, по весьма умѣренному цѣнамъ. Между магазинами встрѣчаются кондитерскія, винныя погреба, мастерскія: портныхъ, сапожниковъ, токарей и проч., и проч. Однимъ словомъ: на этой улицѣ, похожей на Невскій проспектъ въ С. Петербургѣ, можно найти самые разнообразныя предметы, которые, какъ намъ сказали, продаются однако дороже,

нежели на Подоль, гдѣ помѣщается гостинный дворъ и сосредоточена вся торговля цѣлаго города.

На противоположномъ концѣ своемъ Крещатицкая улица пересѣкается бульваромъ, вдоль котораго, съ каждой стороны, въ два ряда насажены превосходнѣйшія аллеи изъ высокихъ старыхъ пирамидальныхъ тополей. Бульваръ этотъ тянется версты на три; мѣстами его прорѣзываютъ улицы, которыя въ этой части Кіева довольно широки и застроены каменными домами. Черезъ три улицы, параллельныя Крещатицкой, ежели идти бульваромъ на право, находится обширное зданіе университета св. Владиміра противъ большой площади, которая, на противоположномъ бульвару концѣ своемъ, застроена небольшими деревянными домами; за ними находится оврагъ съ маленькимъ ручейкомъ, а далѣе видѣются пустыри, ничѣмъ не застроенной городской земли. Въ весьма небольшомъ разстояніи отъ университета построены прекрасныя и обширныя зданія обѣихъ кіевскихъ гимназій. Противъ 1-й гимназій, находящейся на углу между бульваромъ и пересѣкающей его, кажется, Софійской улицей, находится пансіонъ для дѣвицъ; за нимъ училище графини Левашовой, потомъ *Русская гостинница*, въ которой, со дня открытія засѣданій, постоянно обѣдали за общимъ столомъ всѣ участвовавшіе на съѣздѣ естествоиспытатели. Эта гостинница помѣщена на углу другой улицы, направляющейся къ Крещатицкой. На ней опять встрѣтились намъ разныя магазины, пансіонъ для дѣвицъ, женская гимназія и еще какая-то школа. Однимъ

словомъ: вблизи университета сосредоточены разныя среднія и низшія учебныя заведенія. Но мнѣ показалось это не совсѣмъ удобнымъ, потому что изъ отдаленныхъ частей города, въ особенности съ Подола, весьма затруднительно ходить дѣтямъ въ открытыя изъ этимъ заведеній. Въ послѣдствіи я слышалъ, что существуетъ уже предположеніе объ учрежденіи 3-й гимназіи на Подолѣ.

Въ 11 часовъ мы отправились съ визитомъ къ профессору К. О. Кесслеру, имѣющему квартиру въ зданіи университета. Тамъ намъ сказали, что надобно подняться на 4 й этажъ, въ рабочій зоологическій кабинетъ профессора, въ которомъ онъ постоянно занимается своими учеными изслѣдованіями. Насилу мы добрались туда съ помощію одного молодого человѣка, который съ полною готовностію провелъ насъ по разнымъ корридорамъ и лѣстницамъ до самыхъ дверей небольшой комнаты, съ одной стороны уставленной полками съ книгами естественно-историческаго содержанія, а съ прочихъ скелетами позвоночныхъ животныхъ, чучелами и разными зоологическими препаратами. За небольшимъ столомъ, самой простой работы, бесѣдовалъ тамъ извѣстнѣйшій и трудолюбивѣйшій изъ русскихъ зоологовъ съ однимъ изъ прибывшихъ прежде насъ естествоиспытателей.

Свиданіе съ давно знакомымъ намъ профессоромъ было самое пріятное и дружеское. Разумѣется, что рѣчь зашла объ открытіи нашихъ засѣданій. Карлъ

Федоровичъ объявилъ намъ, что по случаю праздника и потому, что многіе изъ ожидаемыхъ имъ естествоиспытателей еще не прибыли, открытіе послѣдуетъ 12 іюня. При этомъ онъ вручилъ намъ печатныя программы засѣданій и билеты для входа во всѣ кабинеты университета, въ библіотеку и профессорскую лекторію. Вскорѣ за нами пришли еще два преподавателя, прибывшіе изъ Полтавской и Новгородъ-Сѣверской гимназій. Мы познакомились и разговоръ завязался. Говорили, между прочимъ, о крайне недостаточныхъ учебныхъ пособіяхъ нашихъ гимназій и въ особенности по преподаванію естественныхъ наукъ. При этомъ я вспомнилъ, что въ Орловской публичной библіотекѣ совершенно безъ всякой пользы помѣщается порядочная коллекція чучелъ птицъ, живущихъ въ нашемъ отечествѣ, и нѣсколько экземпляровъ весьма интересныхъ ископаемыхъ остатковъ, исчезнувшихъ съ лица земли допотопныхъ животныхъ. Тамъ очень рѣдкіе посѣтители библіотеки едва удостоиваютъ ихъ своимъ вниманіемъ, между тѣмъ какъ это собраніе могло бы служить прекраснымъ пособіемъ для преподаванія зоологій въ Орловской гимназій, также очень бѣдной въ этомъ отношеніи. И что же будетъ съ этою коллекціей, ежели она надолго останется въ публичной библіотекѣ? Безъ надлежащаго знанія, какъ сберегать чучелы, онѣ навѣрное будутъ уничтожены молью и погибнуть безвозвратно.

Скоро къ нашему обществу присоединился еще преподаватель естественной исторіи въ 1-й Кіевской

гимназіи В. П. Девьенъ, съ которымъ мы встрѣтились какъ старые знакомые.

— «Гдѣ вы остановились?» спросилъ онъ у меня.

— «Въ гостинницѣ Россіи.» —

— «Вамъ далеко будетъ ходить оттуда въ университетъ; переѣзжайте ко мнѣ: я живу въ 1-й гимназіи.» —

— «Мы васъ можемъ стѣснить.» —

— «Ничего. Напротивъ, мнѣ будетъ очень пріятно; не знаю только останетесь ли вы довольны моею квартирою, въ которой я нарочно приготовилъ для васъ особое помѣщеніе.» —

Карлъ Федоровичъ Кесслеръ прибавилъ, что известный Кіевскій энтомологъ А. О. Ширмеръ, также ожидаетъ насъ къ себѣ.

При столь обязательныхъ предложеніяхъ, доставлявшихъ возможность ближе познакомиться съ разными учеными, мы не колебались въ выборѣ и, поблагодаривши В. П. Девьена за крайне обязательное его предложеніе, обѣщали черезъ два часа переѣхать къ нему изъ гостинницы.

Послѣ этого В. П. Девьенъ сообщилъ К. О. Кесслеру, что онъ хлопоталъ относительно общаго обѣда для всѣхъ естествоиспытателей и избралъ для этого *Русскую гостинницу*, какъ самую ближайшую къ университету. За 60 к. сер. съ персоны хозяинъ ея соглашался ежедневно подавать по пяти блюдъ къ обѣду и по чашкѣ кофе. Дешевизна этихъ условій насъ удивила; но между тѣмъ мы впоследствии были весьма довольны этими обѣдами за

общимъ столомъ, которые еще болѣе служили къ сближенію насъ между собою. Съ искреннѣйшею признательностію я вспоминаю нынѣ объ этой любезной заботливости и самомъ радушнѣйшемъ гостепріимствѣ, съ какими принимали всѣхъ насъ гг. профессоры университета и другіе изъ живущихъ въ Кіевѣ естествоиспытателей.

Почти весь этотъ день и слѣдующій за нимъ мы провели въ кругу профессоровъ физико-математическаго факультета и прибывшихъ въ Кіевъ естествоиспытателей.

Въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра, я отправился въ профессорскую лекторію, въ которой собираются профессоры университета для чтенія различныхъ періодическихъ изданій, по всѣмъ отраслямъ наукъ, выписываемыхъ на счетъ университетскихъ суммъ. Лекторія состоитъ изъ двухъ хорошо меблированныхъ комнатъ и передней. Въ первой изъ нихъ два длинные стола буквально были закрыты множествомъ журналовъ и другихъ періодическихъ изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Мнѣ любопытно было на первый разъ, по крайней мѣрѣ, поверхностно ознакомиться съ ихъ содержаніемъ и два часа времени я долженъ былъ употребить только на то, чтобы просмотрѣть ихъ заглавія и на скоро перелистовать очень немногія изъ этихъ изданій. Вотъ гдѣ можно слѣдить за всѣми современными новостями и открытіями! Прочіе изъ губернскихъ городовъ нашихъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, не представляютъ въ этомъ отно-

шеніи никакой возможности, потому что въ публичныхъ библіотекахъ ихъ почти всегда заключаются одни только русскія періодическія изданія, да и то весьма немногочисленные.

Въ половинѣ перваго часа мы собрались въ обширной библіотечной аванзалѣ, и ровно въ часъ засѣданіе было открыто Г. Управлявшимъ Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ І. Г. Михневичемъ, рѣчью, въ началѣ которой выражены были цѣль и значеніе нашего собранія слѣдующими словами:

«Мм. гг. — Взаимныя совѣщанія людей, имѣющихъ въ виду одинъ общій предметъ занятій и одну общую цѣль стремленій, полезны во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе въ дѣлѣ науки. Сближая лица, они способствуютъ имъ непосредственно и откровенно сообщать другъ другу свои взгляды на науку, свои употребляемые каждымъ способы, приемы и методы открытія и разъясненія научныхъ истинъ, свои наблюденія, опыты, выводы и замѣчанія, свои потребности, желанія, нужды и даже недостатки, подвергая ихъ общему суду, съ цѣлью воспользоваться знаніемъ [и опытностію другихъ, которымъ время, случай и средства благопріятствовали болѣе и лучше ознакомиться съ обширною областію человѣческаго вѣдѣнія. Такимъ образомъ, при помощи общихъ усилій, трудъ облегчается, горизонтъ знаній расширяется, и наука подвигается впередъ.»

Далѣе, въ своей рѣчи, Г. Управлявшій Округомъ также отчетливо изобразилъ то благотворное вліяніе, какое произвели съѣзды ученыхъ въ западо-

европейскихъ государствахъ, распространяя въ массѣ народа разнообразныя свѣдѣнія, передававшіяся живыми словами въ ихъ засѣданіяхъ, куда предоставляется свободный доступъ каждому, кого только интересуютъ успѣхи науки и благо челоувѣчества. За тѣмъ имъ было заявлено, что мысль о съѣздахъ для цѣлей паучныхъ и педагогическихъ принадлежитъ профессору К. О. Кесслеру, представившему свой проектъ по этому вопросу, бывшему попечителю, округа Н. И. Пирогову, который, постоянно дѣйствуя энергически на пользу науки, съ теплымъ участіемъ принялъ этотъ проектъ и исходатайствовалъ разрѣшенію г. министра народнаго просвѣщенія о приведеніи его въ исполненіе.

Эта рѣчь закончена была слѣдующими словами:

«Я считаю себя счастливымъ, что на мою долю досталась честь заявить вамъ, мм. гг., о настоящемъ открытіи этихъ засѣданій и передать вамъ желаніе возобновлять ихъ ежегодно въ бѣльшемъ и бѣльшемъ размѣрѣ, — желаніе, оставленное мнѣ тѣмъ, кто принималъ живѣйшее участіе въ учрежденіи этихъ собраній и чье отсутствіе для насъ теперь слишкомъ замѣтно.»

Послѣ этого слѣдовала рѣчь профессора К. О. Кесслера, изъ которой отрывокъ былъ приведенъ мною въ I главѣ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Вслѣдъ за этимъ, по приглашенію Г. Управляющаго Округомъ, были избраны два дѣлопроизводителя: первымъ — профессоръ Кесслеръ для научныхъ

засѣданій, вторымъ—г. Девѣнъ для педагогическихъ. По желанію ихъ, двое изъ присутствовавшихъ членовъ изъявили свое согласіе принять на себя званіе секретарей.

Съ этого дня засѣданія продолжались въ теченіи всей недѣли, съ 11 часовъ утра до 3-хъ по полудни.

Постараюсь, въ самомъ краткомъ очеркѣ, представить здѣсь, въ чемъ они заключались.

Научныхъ засѣданій было два, а педагогическихъ три и, въ заключеніе, 18 іюня было общее собраніе для закрытія засѣданій.

Въ научныхъ засѣданіяхъ нѣкоторые изъ членовъ сообщили результаты своихъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ естествознанія. Всѣ они напечатаны уже въ *«Извѣстіяхъ о съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ»*, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ отчету университета за 1860—61 годы.

Перечень ихъ слѣдующій:

1. О занятіяхъ въ лабораторіи Горыгорѣцкаго института, И. А. Тютчева.

2. Наблюденія надъ рыбами въ р. Окѣ и ея притокахъ въ окрестностяхъ г. Орла, А. С. Тарачкова.

3. О паразитахъ, встрѣчающихся въ слизи рта людей, С. И. Штейнберга.

4. О нѣкоторыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ исторіи размноженія рыбъ, К. О. Кесслера.

5. О яліяніи минувшей зимы на растительность,
О. И. Базинера.

6. О нахожденіи и распространеніи дикорасту-
щихъ деревьевъ и кустарниковъ въ губерніяхъ
Кіевского учебнаго округа, А. С. Роговича.

7. О способѣ образованія и географическомъ
распространеніи мочевыхъ конкрементовъ, А. А.
Кржижановскаго.

8. Предварительныя свѣдѣнія о кривіологическихъ
изслѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ чере-
повъ, И. С. Коперницкаго.

9. Нѣсколько замѣтокъ о фаунахъ вообще и о
Кіевской фаунѣ въ частности, К. О. Кесслера.

10. Объ устройствѣ сельскохозяйственнаго музея
при Горыгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ,
И. А. Стебута.

11. Нѣсколько словъ о преподаваніи химіи,
И. А. Тютчева.

Педагогическія засѣданія состояли въ разсужде-
ніяхъ о цѣли и способахъ преподаванія естествен-
ныхъ наукъ въ гимназіяхъ. Всѣ вопросы на нихъ
обсуждались во всѣхъ подробностяхъ посредствомъ
преній, въ высокой степени интересныхъ и поучи-
тельныхъ въ педагогическомъ отношеніи. Въ этихъ
бесѣдахъ принимали участіе извѣстные въ ученомъ
мірѣ и по педагогической своей дѣятельности про-
фессоры и преподаватели гимназій, въ числѣ кото-
рыхъ были опытные и съ отличной стороны заявив-
шіе уже свои педагогическія свѣдѣнія и только что

еще вступившіе на это поприще. Каждый изъ желавшихъ изложить какую нибудь мысль, взошедши на кафедру, смѣло и откровенно высказывалъ свое мнѣніе, свой взглядъ, или свой методъ преподаванія. Оппоненты, несогласавшіеся съ предложеннымъ мнѣніемъ или желавшіе развить его и дополнить своими идеями, поочередно выступали на сцену и точно также предлагали свои мысли на обсужденіе всѣхъ присутствовавшихъ членовъ. Такимъ образомъ педагогическія пренія имѣли чрезвычайно оживленный характеръ; но не смотря на это они были ведены съ благородствомъ и, чистосердечіемъ такъ что ни одного раза не проявлялось въ нихъ ни малѣйшей тѣни какихъ нибудь личныхъ столкновений.

Содержаніе этихъ бесѣдъ было слѣдующее: 1) какую главную цѣль должно имѣть въ виду при преподаваніи естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ; 2) въ какомъ объемѣ и по какому методу должны быть излагаемы въ гимназіяхъ естественныя науки, для того, чтобы наилучше могла быть достигнута предположенная отъ нихъ польза; 3) былъ составленъ примѣрный планъ распредѣленія естественныхъ наукъ по классамъ гимназическаго курса; 4) обсуждаемъ былъ вопросъ о томъ, существуютъ ли на русскомъ языкѣ сочиненія по естественнымъ наукамъ, годныя для того, чтобы съ пользою могли быть употребляемы учениками гимназій; (*) 5) первымъ и

(*) Относительно этого вопроса, по общему мнѣнію всѣхъ участвовавшихъ въ засѣданіяхъ, нельзя было указать ни на одно изъ такихъ сочиненій. А. Т.

вторымъ дѣлопроизводителями были представлены въ одномъ изъ засѣданій и болѣе или менѣе подробно разобраны многія ихъ лучшихъ руководствъ и спеціальныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, напечатанныя на иностранныхъ языкахъ и въ особенности на нѣмецкомъ, какъ наиболѣе полезныя и необходимыя для преподавателей гимназій; 6) рекомендованы лучшіе и по цѣнѣ своей болѣе доступные средства гимназій микроскопы, и именно: вѣнскаго ученаго Флоріана Геллера (Heller), котораго микроскопъ даетъ необыкновенно ясныя и отчетливыя изображенія предметовъ, при увеличеніи ихъ въ 450 разъ и стоитъ около 30 р. сер., и микроскопы Наше (Naschet), замѣчательные своимъ удобствомъ при производствѣ наблюденій; 7) сдѣланы были указанія относительно составленія коллекцій естественно-историческихъ произведеній, изъ которыхъ однѣ должны служить учебнымъ пособіемъ въ гимназіяхъ, а другія споспѣшествовать изученію тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ производятся изслѣдованія.

Изъ этихъ вопросовъ уже можно видѣть, что члены съѣзда, убѣжденные въ насущной необходимости преподаванія естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ и вообще въ дѣлѣ современнаго воспитанія, старались сколько возможно подробнѣе и разностороннѣе разсмотрѣть и способы, необходимыя для достиженія этой цѣли. Въ нашей общественной жизни еще мало распространено понятій о важности естественныхъ наукъ при воспитаніи дѣтей. Живя въ природѣ, многіе, кажется, совершенно

забываютъ объ ней, и не думаютъ о томъ, что все наше существованіе безусловно ей подчиняется. Оттого у насъ господствуетъ и почти вездѣ укоренилось мнѣніе, что первоначальное воспитаніе дѣтей должно состоять только въ томъ, чтобъ учить ихъ сначала чтенію и письму, а потомъ закону Божію, ариѳметикѣ, древнимъ и иностраннымъ языкамъ, исторіи и географіи. Мы думаемъ, что этого еще недостаточно, и вотъ на какомъ основаніи:

Цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы развить въ человѣкѣ нравственную и умственную стороны, или, другими словами: *сердце и разумъ*. Это развитіе должно быть начинаемо съ того времени, когда въ человѣкѣ проявляется только сознаніе, какъ о самомъ себѣ, такъ и обо всемъ, что его окружаетъ, слѣдовательно — съ дѣтскаго возраста. Обѣ эти стороны должны быть въ немъ развиваемы равномерно; въ противномъ случаѣ цѣль воспитанія не будетъ достигаема, потому что, на примѣръ, при большемъ развитіи ума и недостаткѣ нравственныхъ началъ, человѣкъ сдѣлается нравственнымъ уродомъ, эгоистомъ, въ которомъ заглухнутъ всѣ добрыя начала, каковы: любовь къ ближнимъ, кротость, милосердіе, состраданіе, снисходительность къ недостаткамъ другихъ и уваженіе къ личности каждаго, какаго-бы званія или состоянія онъ ни былъ, и напротивъ, разовьются: зависть, тщеславіе, корыстолюбіе, надменность, гордость и вообще всѣ темныя стороны человѣческаго сердца.

При такомъ взглядѣ на воспитаніе, разсмотримъ: въ какой степени ознакомленіе дѣтей съ окружаю-

щей ихъ природой можетъ удовлетворять этой двойной цѣли.

Съ первымъ проявленіемъ мышленія, каждое дитя болѣе всего обращаетъ вниманіе на окружающіе его предметы въ природѣ. Различныя животныя и растенія, встрѣчаемыя имъ на каждомъ шагу; разнообразныя явленія въ атмосферѣ и на поверхности земли, наконецъ видимыя имъ отдаленныя тѣла небесныя: солнце, луна и звѣзды, — все это его занимаетъ, дѣйствуя сначала на внѣшнія чувства, а вслѣдъ за тѣмъ и на мыслящія способности дитяти и его воображеніе. Счастливы оно, ежели родители или воспитатели сумѣютъ удовлетворять его любознательности и на множество вопросовъ, предлагаемыхъ имъ ребенкомъ, будутъ въ состояніи давать правильные отвѣты, которые удовлетворяли-бы вполне пытливости дѣтскаго ума. Уклоняться отъ подобныхъ отвѣтовъ, часто не зная какъ ихъ разрѣшить, и говорить: *«выростешь, тогда узнаешь»*, — значитъ, по нашему крайнему разумѣнію, заглушать и убивать мыслящія способности ребенка, отъучать его отъ наблюдательности, которая лучше всего способствуетъ логическому развитію ума и вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственныхъ началъ, которыя должны быть основаны не на одной только вѣрѣ, но на полномъ и сознательномъ убѣжденіи въ томъ, что есть добро и что зло. Само собою разумѣется, что при объясненіи явленій природы и устройства тѣлъ, ея составляющихъ, въ началѣ, по необходимости, надобно ограничивать свои объясненія, принаравляя ихъ къ степени развитія мыслящихъ способностей

ребенка; ихъ надобно излагать сколько возможно для него понятнѣе и проще; но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы эти объясненія нимало не противорѣчили основнымъ законамъ природы и современному состоянію естественныхъ наукъ, къ которымъ они относятся. Съумѣть объяснить дѣтямъ устройство и развитіе растений; дать понятіе объ организаціи тѣлъ разнообразныхъ животныхъ и показать, что всѣ они, какъ и мы сами, нуждаются въ пищѣ, и одарены чувствами, — вотъ первый шагъ къ тому, чтобы въ сердцахъ дѣтей укрѣпить и упрочить первыя религіозныя начала. Каждое дитя скоро пойметъ, что само оно изъ ничего не создается изъ ничего. Вслѣдствіе этого въ немъ разовьется и укрѣпится сознаніе въ томъ, что есть высшая сила, управляющая видимымъ нами міромъ.

Сколько мы видимъ дѣтей, которыя любятъ играть съ животными, т. е. мучить тѣхъ, которыя имъ подь силу и въ особенности насѣкомыхъ. Какія же выйдутъ изъ такихъ дѣтей взрослые люди? Не будутъ ли они также жестоки съ людьми, какъ были въ дѣтствѣ съ мухами, мотыльками и т. п. твореніями? А между тѣмъ какъ легко можно уничтожить въ нихъ эту жестокость права въ самомъ ея зародышѣ, умѣвши только разъяснить дѣтямъ, что и самыя маленькія, по видимому, ничтожнѣйшія животныя точно также чувствуютъ боль, какъ и каждый изъ людей. Это объясненіе дитя сразу пойметъ и не станетъ глумиться надъ животными. Вотъ начало его нравственнаго образованія, взятое прямо съ изученія природы.

Сколько пищи для дѣтскаго ума встрѣчается при самомъ поверхностномъ первоначальномъ знакомствѣ съ естественными науками. Видимый ими міръ не можетъ не интересоваться ихъ, не заставлятъ призадумываться надъ тѣмъ, что въ немъ происходитъ. Ясное пониманіе законовъ природы въ самомъ началѣ воспитанія служить къ правильному развитію дѣтскаго разума. Въ противномъ случаѣ, не понимая, не умѣя разъяснить себѣ видимыхъ въ природѣ явленій, единственно по недостатку руководителя въ этомъ отношеніи, дитя, невольнымъ образомъ, станетъ привыкать къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, которыя впослѣдствіи, въ возмужаломъ возрастѣ, постоянно будутъ склонять его къ мистицизму. Съ этимъ разовьется безусловное вѣрованіе разнымъ предразсудкамъ, вѣрованіе, которое всегда затемняетъ здравый смыслъ и даже весьма часто бываетъ причиною многихъ несчастій въ жизни.

Начальныя общія свѣдѣнія о природѣ могутъ сообщать дѣтямъ всѣ образованные родители и воспитатели; но при дальнѣйшемъ ходѣ воспитанія это знакомство съ природою должно быть поручаемо спеціалистамъ; въ противномъ случаѣ неточныя и неправильныя понятія о природѣ и ея явленіяхъ могутъ только послужить къ тому, что въ дѣтяхъ явится, со временемъ, недовѣріе къ познаніямъ своихъ наставниковъ; а гдѣ недовѣріе — тамъ нѣтъ успѣха въ воспитаніи.

Но кромѣ сильнаго вліянія естественныхъ наукъ на умственное и нравственное развитіе дѣтей при

ихъ воспитаніи, есть еще и матеріальныя выгоды въ ихъ изученіи. Человѣкъ безусловно подчиненъ дѣйствию внѣшнихъ условій въ окружающей его природѣ и изъ нея только и получаетъ все необходимое для своего существованія. Какъ же не имѣть ему понятія о томъ, что составляетъ основу благосостоянія всего человѣчества? Какого бы званія ни былъ человѣкъ, развѣ не встрѣтится ему въ жизни множество случаевъ, гдѣ ему необходимо будетъ имѣть дѣло прямо съ природой и отъ нея одной только ожидать удовлетворенія насущнымъ своимъ потребностямъ. Въ подобныхъ случаяхъ и начальныя свѣдѣнія въ естествознаніи, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, могутъ послужить точкой опоры, съ которой онъ будетъ въ состояніи, принявшись за дѣло, разширить въ послѣдствіи кругъ своей дѣятельности до какихъ угодно предѣловъ.

Естественныя науки способствуютъ увеличенію народнаго богатства, потому что открываютъ тысячи источниковъ, изъ которыхъ каждый членъ общества, каждый гражданинъ государства могутъ почерпнуть средства къ улучшенію собственнаго своего быта. Нынѣшній вѣкъ служитъ самымъ лучшимъ тому доказательствомъ, потому что только въ наше время поняли, что основательное изученіе природы можетъ служить самымъ вѣрнымъ источникомъ для улучшенія земледѣлія, промышленности, путей сообщеній и вообще всѣхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. И только вслѣдствіе сознанія этой пользы тысячи людей обратились къ изученію

естественныхъ наукъ. Этому примѣру послѣдовали и всѣ почти правительства европейскихъ государствъ, начавши всѣми мѣрами поощрять это стремленіе къ естествознанію. Такимъ образомъ, вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, преподаваніе естественныхъ наукъ вошло и въ дѣло воспитанія. Въ нашемъ отечествѣ эта потребность обнаружилась еще очень недавно. Оттого огромное большинство отживающаго у насъ свой вѣкъ поколѣнія, не имѣвшаго возможности, въ своей первой молодости, ознакомиться съ естественными науками, нынѣ не сознаетъ крайней въ этомъ необходимости; многіе даже находятъ страннымъ и бесполезнымъ это стремленіе къ изученію природы, и полагаютъ, что вся мудрость, всѣ знанія человѣка должны состоять преимущественно въ изученіи древнихъ мертвыхъ языковъ, которыхъ и произношеніе нынѣ для насъ совершенно неизвѣстно, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для ознакомленія съ древнею литературою, существовавшею еще до начала христіанской религіи. Мы нисколько не отвергаемъ, что эту литературу полезно знать образованному человѣку, но для того только, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о развитіи человѣчества вообще на земномъ шарѣ; въ нравственномъ же отношеніи и умственномъ, въ дѣлѣ воспитанія, знакомство съ бытомъ древнихъ народовъ, знакомство съ ихъ міѳологическими вѣрованіями едва-ли можетъ принести въ наше время существенную пользу?

Кромѣ древнихъ языковъ особенно важное значеніе придается необходимости изученія исторіи и географіи. Этимъ наукамъ начинаютъ обучать дѣтей въ самомъ раннемъ и нѣжномъ ихъ возрастѣ. Но въ чемъ состоитъ это обученіе? Исторію обыкновенно проходятъ съ ними, начиная съ древнѣйшихъ народовъ. Въ чемъ же она заключается?—Въ изложеніи войнъ и междуусобицъ нашихъ праотцевъ, въ изображеніи героевъ, всѣ достоинства которыхъ состояли только въ томъ, что они отличались необыкновенною отвагою, хитростію, иногда физическою силою, съ помощію которыхъ они счастливо воевали, ни за что, ни про что, преслѣдуя и разоряя слабѣйшихъ своихъ непріятелей. Въ такомъ родѣ излагается и дальнѣйшая исторія государствъ. О бытѣ народовъ, о характерѣ и степени ихъ образованія, о состояніи ихъ нравственности дѣтямъ никогда почти ничего не говорится; да и невозможно имъ объяснить этого, или по неимѣнію историческихъ данныхъ, или просто потому, что нравственные качества прежнихъ народовъ представляютъ такое безобразіе и развращеніе, что лучше вовсе умалчивать объ нихъ.

Изученіе географіи ограничивается почти всегда заучиваніемъ наизусть множества названій: рѣкъ, городовъ, морей, озеръ, острововъ, горныхъ хребтовъ и т. п. Несчастные дѣти выбиваются изъ силъ и совершенно бесполезно зубрятъ ихъ иногда по нѣскольку часовъ сряду, приготовляясь къ хорошимъ отвѣтамъ своихъ уроковъ, и ровно ничего не узна-

ютъ о природѣ, твердо заучиваемыхъ ими названій странъ и мѣстностей и о бытѣ и характерѣ народовъ, ихъ населяющихъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ все это забывается, и въ головахъ взрослыхъ уже людей остается очень мало изъ числа нѣсколькихъ тысячъ заученыхъ ими въ дѣтствѣ названій изъ географическихъ лексиконовъ, называемыхъ у насъ географіями.

Въ заключеніе, чтобы закончить рѣчь собственно о засѣданіяхъ естественныятелей въ Кіевѣ, скажу нѣсколько словъ о томъ, какое участіе принимала въ нихъ Кіевская публика.

Кромѣ лицъ, принадлежащихъ къ университету и гимназіямъ, ни въ одномъ засѣданіи нельзя было насчитать и десятка постороннихъ посѣтителей notwithstanding на то, что не было никакихъ затрудненій для свободнаго въ нихъ доступа. А между тѣмъ въ Кіевѣ считается около 60 тысячъ жителей. Какое же изъ этого можно вывести заключеніе, кромѣ только того, что въ массѣ народной у насъ еще не распространена любовь къ наукамъ, что мы еще такъ мало подготовлены къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ, что не находимъ въ себѣ, ни желанія, ни терпѣнія, чтобы сколько нибудь слѣдить за ихъ успѣхами. Пріѣзжіе фокусники собираютъ у насъ вокругъ себя толпы народа, который охотно платитъ имъ иногда баснословныя цѣны за ловкія ихъ представленія; а на даровое приглашеніе—по-слушать, что дѣлаютъ наши ученые труженики, мы даже жалѣемъ потерять нѣсколько часовъ времени, часто бесполезно нами проводимаго.

ГЛАВА VI.

Достопримѣчательности Кіева въ естественно-историческомъ отношеніи. Университетскіе кабинеты. Собранія насѣкомыхъ у частныхъ лицъ въ Кіевѣ. Значеніе этихъ кабинетовъ и собраній. Главнѣйшая цѣль изученія природы и вліяніе его на духовную сторону человѣка. Университетскій ботаническій садъ. Неуваженіе къ нему со стороны кіевской публики. Кіевскій садовый питомникъ. На какой степени развитія находится садоводство въ Россіи. Общее впечатлѣніе, произведенное на меня съѣздомъ естествоиспытателей. Выѣздъ изъ Кіева.

Не одними засѣданіями ограничивались взаимныя свиданія и бесѣды естествоиспытателей въ Кіевѣ. Почти все остальное время мы проводили вмѣстѣ, посѣщая кабинеты университета, ботаническій садъ, древесный питомникъ, или дѣлая экскурсіи въ ближайшихъ къ городу окрестностяхъ. Г.г. профессоры университета и другіе изъ кіевскихъ естествоиспытателей при всѣхъ этихъ случаяхъ были въ высшей степени любезны и внимательны къ своимъ гостямъ и пользовались каждою свободною минутою, чтобы знакомить насъ со всѣми достопримѣчательностями Кіева въ естественно-историческомъ отношеніи. Подъ ихъ руководствомъ мы успѣли болѣе или менѣе подробно осмотрѣть слѣдующіе кабинеты: зоологическій, анатомическій, сравнительно-анатомическій, минералогическій, ботаническій, физическій и нумизматическій.

Зоологическій кабинетъ помѣщается въ нѣсколькихъ обширныхъ залахъ, всѣ стѣны которыхъ за-

ставлены огромными шкапами, сверху до низу наполненными превосходными чучелами животных и препаратами ихъ въ спирту. Особенно замѣчательны въ немъ полныя коллекціи мѣстныхъ млекопитающихъ, птицъ, гадовъ и рыбъ; но кромѣ этого въ немъ заключается очень много представителей животныхъ со всѣхъ частей земнаго шара. Этотъ кабинетъ своимъ отличнымъ устройствомъ и свѣжестью сохраняющихся въ немъ коллекцій обязанъ неустаннымъ трудамъ профессора зоологіи К. Ѳ. Кесслера, который, въ теченіе 16-ти лѣтънаго своего пребыванія въ Кіевскомъ университетѣ, для пополненія его неоднократно предпринималъ ученые путешествія въ разныя губерніи Кіевского учебного округа, въ южную Россію и за границу. Многія изъ сохраняющихся въ этомъ кабинетѣ чучелъ животныхъ замѣчательны поразительнымъ сходствомъ своимъ съ живыми ихъ экземплярами, благодаря искусству г. Шустеруса, занимающагося при университетѣ ихъ приготовленіемъ.

Анатомическій и сравнительно-анатомическій кабинеты помѣщаются въ особомъ зданіи, находящемся не въ далекомъ разстояніи отъ университета. Тамъ же устроенъ анатомическій театръ, въ которомъ студентамъ медицинскаго факультета читаются лекціи анатоміи извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ профессоромъ А. П. Вальтеромъ. На устройство этого зданія со всѣми къ нему принадлежностями ассигновано было 150 тысячъ рублей серебромъ. Для анатомическихъ секцій служитъ обширная зала, въ

которой для освѣженія воздуха устроены каминны, а на потолокъ особаго рода вентиляторы. Анатомическій и сравнительно-анатомическій кабинеты помѣщаются въ средней части этого зданія въ двухъ большихъ и очень свѣтлыхъ залахъ. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ огромную коллекцію препаратовъ тѣла человѣческаго въ здоровомъ и болѣзненномъ его состояніяхъ; во второмъ находится богатое собраніе скелетовъ разнообразныхъ позвоночныхъ животныхъ. Профессоръ г. А. П. Вальтеръ такъ преданъ наукѣ, что для нея пожертвовалъ своею медицинскою практикою и все свое служеніе посвящаетъ только анатоміи и физиологіи. За то, говорятъ, лекціи этого ученаго профессора въ высшей степени поучительны и интересны. Съ своей стороны прибавлю, что онѣ должны отличаться ясностію, отчетливостію живостію изложенія, какъ это мы могли замѣтить, бывши въ анатомическомъ театрѣ, гдѣ А. П. Вальтеръ объяснилъ намъ, между прочимъ, нѣсколько новѣйшихъ изслѣдованій, относящихся къ физиологическимъ отправленіямъ органовъ кровообращенія и глаза. Устройство этого, въ высшей степени любопытнаго органа, намъ удалось еще разсмотрѣть у живаго человѣка и кролика, во 2-мъ научномъ засѣданіи, съ помощію *офтальмоскопа* (глазнаго зеркала), устройство котораго было тогда объяснено профессоромъ Х. Я. Гюббенетомъ.

Минералогическій кабинетъ, состоящій въ завѣдываніи профессора минералогіи г. К. М. Теофилактова, также замѣчателенъ разнообразіемъ и значительнымъ количествомъ минераловъ и различныхъ горныхъ по-

родъ. Въ немъ заключаются еще искусственные слѣпки и модели находимыхъ въ землѣ остатковъ, существовавшихъ нѣкогда на ней животныхъ. Слѣпки сняты съ ископаемыхъ, находящихся въ известнѣйшихъ европейскихъ музеумахъ, а модели изображаютъ въ маломъ размѣрѣ исчезнувшихъ съ лица земли огромныхъ допотопныхъ животныхъ. Онѣ восстановлены только по найденнымъ въ землѣ скелетамъ, по устройству которыхъ можно только вообразить себѣ дѣйствительныя внѣшнія формы тѣхъ животныхъ, которымъ они принадлежали.

Въ этомъ кабинетѣ находится еще нѣсколько шкаповъ, заключающихъ въ себѣ образцы горныхъ породъ, собранныхъ г. профессоромъ Теофилактовымъ въ губерніяхъ Кіевского учебнаго округа. Эти коллекціи весьма важны въ томъ отношеніи, что даютъ ясное понятіе о богатствѣ ископаемыхъ произведеній каждой губерніи этого округа. Весьма было-бы полезно составлять подобнаго рода коллекціи въ каждомъ губернскомъ городѣ при статистическихъ комитетахъ.

Ботаническій кабинетъ состоитъ изъ гербаріевъ, содержащихъ въ себѣ огромное количество сухихъ растеній, большая часть которыхъ принадлежитъ флорѣ кіевской и сосѣднихъ съ нею губерній. Завѣдывающій имъ профессоръ ботаники, г. А. С. Роговичъ, устроилъ въ немъ нѣсколько акваріевъ для наблюденій надъ живущими въ прѣсныхъ водахъ растеніями, и такими изъ нихъ, которыя размножаются вообще на сырыхъ мѣстахъ. Эти наблюденія производятся посредствомъ отличнаго Геллерова микроскопа, въ недавнее время пріобрѣтеннаго университетомъ.

Физическій кабинетъ помѣщается въ двухъ небольшихъ залахъ. Профессоръ физики, г. М. И. Талъзинъ, былъ такъ обязателенъ, что не только показалъ намъ всѣ замѣчательнѣйшіе въ немъ приборы, но и произвелъ нѣсколько любопытныхъ опытовъ, относящихся къ явленіямъ акустическимъ, оптическимъ и электромагнитнымъ.

Нумизматическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ очень большую коллекцію монетъ и медалей, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, также различныхъ древнія кольца, серги, глиняную посуду и разнаго рода оружіе. Въ немъ мы видѣли еще привезенную недавно изъ Египта мумію женщины, которая, съ помощію извѣстнаго древнимъ египтянамъ способа бальзамированія, сохранилась въ теченіи около 3000 лѣтъ. Она помѣщена въ особомъ ящикѣ съ вставленными въ крышѣ его стеклами. Часть повязокъ, которыми она была обернута при бальзамированіи ея тѣла, нарочно раскрыта на концѣ одной ноги и на верхней части лба, такъ, что можно видѣть кожу, которая имѣетъ цвѣтъ потемнѣвшаго нѣсколько пергамента. Возлѣ этой муміи поставлена глиняная гробница, въ которой она была погребена. Форма ея представляетъ фигуру спеленутаго чело-вѣка. Она сдѣлана изъ красной глины сходной съ трубочною. Головная часть гробницы раскрашена и изображаетъ форму лица. При этой муміи, по обычаю древнихъ египтянъ, боготворившихъ крокодиловъ, находились набальзамированныя тѣла этихъ животныхъ. Самое большое изъ нихъ длиною не болѣе аршина, а прочіе вершковъ

до пяти. Эти послѣдніе вѣроятно были взяты тотчасъ по выходѣ изъ яицъ, посредствомъ которыхъ обыкновенно размножаются крокодилы. Всѣ они сохраняются въ томъ же кабинетѣ.

Кромѣ этихъ кабинетовъ мы осматривали еще два огромныя собранія насѣкомыхъ, принадлежащія г. Г. И. Гохгуту, завѣдывающему университетскимъ ботаническимъ садомъ, и г. директору коммерческаго банка, А. О. Ширмеру. Каждая изъ этихъ коллекцій состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ различныхъ видовъ насѣкомыхъ, собранныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта. По свѣжести экземпляровъ и отличному сохраненію, ихъ можно считать одними изъ лучшихъ энтомологическихъ собраній въ Россіи. Смотри на огромныя формы тѣла нѣкоторыхъ изъ находящихся въ нихъ насѣкомыхъ, на ихъ блестящіе металлическіе цвѣта, представляющіе всевозможные оттѣнки самыхъ яркихъ красокъ, невольнымъ образомъ мы переносились мыслями въ тропическіе поясы земнаго шара, представляющіе всю роскошь, все богатство и разнообразіе природы, достигающей въ этихъ странахъ наибольшаго предѣла въ своей красотѣ и совершенствѣ.

Всѣ эти кабинеты и коллекціи поучительны въ высшей степени даже и для того, кто хотя и не знакомъ съ естественными науками, но не съ холоднымъ взглядомъ смотритъ на природу. У кого воображеніе не подавлено тяжелымъ гнетомъ обыденной матеріальной нашей жизни, тотъ можетъ представить себѣ, что всѣ эти предметы, или со-

ставляли части обитаемой нами планеты, каковы: минераллы и горныя породы, или жили и развивались на ней при различныхъ условіяхъ разнообразныхъ климатовъ и мѣстностей. Станнымъ и жалкимъ казался мнѣ пришедшій тогда на мысль вопросъ, не рѣдко предлагаемый естествоиспытателямъ людьми, непосвященными въ изученіе природы и несочувствующими красотамъ ея, вопросъ, обыкновенно выражаемый такъ: *«скажите намъ, чѣмъ полезны для человека всѣ эти творенія?»* Такой узкій и эгоистическій взглядъ на природу показываетъ только недостаточную степень умственного и нравственного развитія въ человѣкѣ, который, кромѣ пользы для себя, ничего другаго не видитъ и не желаетъ видѣть въ окружающемъ его мірѣ. Вѣдь каждое животное умѣетъ пользоваться другими животными или растеніями: оно питается, дѣлаетъ себѣ гнѣздо или какое нибудь жилище для вывода новаго поколѣнія, или только для собственнаго своего самосохраненія. Но какое изъ животныхъ понимаетъ то, что происходитъ въ окружающей его природѣ? Интересуютъ-ли его разнообразіе и красоты ея? Задастъ-ли оно себѣ вопросъ: по какимъ законамъ совершаются видимыя имъ, но непонятныя для него явленія въ природѣ? Наконецъ, возбуждаются ли въ немъ видимый имъ міръ какія либо религіозныя чувства и понятія? Положительно отвѣчаемъ: нѣтъ, потому что, въ противномъ случаѣ, отъ нашего вниманія не могли-бы ускользнуть даже малѣйшіе признаки въ животныхъ подобнаго созна-

нія или мышленія. Для чего же намъ унижать въ себѣ собственную нашу природу, отрицать свое достоинство и превосходство предъ всѣми животными въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, стараясь отыскивать въ природѣ только то, что можетъ доставить намъ новое блюдо пищи, новый кусокъ ткани для нашей одежды, или новый матеріалъ для постройки жилищъ нашихъ и ихъ украшенія? Нѣтъ, не въ этомъ состоитъ важнѣйшая цѣль изученія природы. Это было-бы слишкомъ унижительно, какъ для нея самой, такъ и для человѣка, одареннаго обширнымъ разумомъ и глубокими чувствами, съ помощію которыхъ онъ можетъ постоянно находить для себя несравненно болѣе нравственнаго и умственнаго наслажденія въ созерцаціи и изученіи видимаго имъ міра. Наши органы чувствъ воспринимаютъ всѣ впечатлѣнія, производимыя на нихъ безконечнымъ его разнообразіемъ, а разумъ старается найти единство въ этомъ разнообразіи и открывать законы, по которымъ совершается непрерывный рядъ видимыхъ нами явленій. Вооружившись телескопомъ, человѣкъ проникаетъ далеко въ глубину безпредѣльнаго пространства, въ область звѣзднаго міра, и убѣждается въ томъ, что ему нѣтъ предѣловъ, а между тѣмъ всѣ видимыя въ немъ міры управляются тѣми же законами тяготѣнія, какимъ подчинена и вся наша солнечная система, небольшое звѣно которой составляетъ обитаемая нами планета. Съ помощію микроскопа человѣкъ отыскиваетъ новую жизнь, новыя организмы въ тѣхъ малыхъ пространствахъ, которыя, для про-

стаго глаза, невооруженнаго этимъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ ума человѣческаго, кажутся однородною, безцвѣтною и безжизненною матеріей. И эти организмы представляютъ намъ такое же разнообразіе въ своемъ строеніи и такую стройность и цѣлесообразность, какія видитъ и невооруженный микроскопомъ глазъ въ окружающихъ его тѣлахъ природы. Эти малые организмы также подчиняются извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ, дѣйствующимъ на нихъ по однимъ и тѣмъ-же непремѣннымъ, вѣчнымъ законамъ природы. Такое только созерцаніе природы возвышаетъ нашъ духъ, наши нравственные силы и доставляетъ намъ самое высокое, благороднѣйшее наслажденіе, достойное того великаго разума, которымъ природа одарила человѣка; оно вызываетъ въ насъ тысячи новыхъ идей и успокоиваетъ сердце, не рѣдко глубоко потрясающееся отъ вліянія на него необузданныхъ страстей, которыя иногда бываетъ не въ силахъ подчинить себѣ холодный нашъ разумъ. Матеріалистъ, незнакомый съ окружающею его природой и потому не находящій въ ней ни малѣйшаго духовнаго наслажденія, падаетъ часто подъ бременемъ различныхъ обстоятельствъ, которыя случайно разстраиваютъ его вещественныя блага, состоявшія въ богатствѣ и роскоши, которыми онъ окружилъ себя и потомъ вдругъ ихъ лишился. Въ умѣ и сердцѣ своемъ онъ чувствуетъ одну пустоту; тяжела ему становится безотрадная жизнь, которую онъ убивалъ въ самомъ себѣ, покорствуя только своимъ страстямъ и удовлетворяя однимъ только тѣлеснымъ своимъ наслажденіямъ. Печально

и жалко существованіе подобнаго человѣка, потому что въ окружающей его природѣ онъ не находитъ уже никакого для себя наслажденія: она представляется ему, какъ и самъ онъ себѣ, іероглифомъ, не имѣющимъ ни смысла, ни значенія.

Чтобы заключить обзоръніе естественно-историческихъ достопримѣчательностей Кіева, скажу нѣсколько словъ и состояніи и степени развитія въ немъ садоводства. Во всѣхъ подробностяхъ мы осмотрѣли тамъ два главнѣйшихъ сада, устроенные съ двойною цѣлю: ботаническій, находящійся при университетѣ для преподаванія ботаники студентамъ, и образцовый садовый питомникъ, учрежденный министерствомъ государственныхъ имуществъ для распространенія въ томъ краю улучшенныхъ плодовыхъ деревьевъ и другихъ садовыхъ вообще и огородныхъ произведеній.

Ботаническій садъ при университетѣ основанъ 15-ть лѣтъ тому назадъ. Мѣстность, имъ занимаемая, прежде представляла обширный пустырь, слишкомъ въ 20 десятинъ, прорѣзанный оврагами, поросшими бурьяномъ и разными сорными травами. Въ настоящее время на ней разведено болѣе 5000 различныхъ видовъ растений. Прекрасный умеренно-теплый климатъ Кіевской губерніи весьма благопріятенъ для садоводства; но для полнаго въ этомъ дѣлѣ успѣха необходимы еще основательное знаніе и любовь къ нему. Этими качествами и отличается, состоящій при университетѣ ученый садовникъ г. Г. И. Гохгутъ, который, при

содѣйствіи бывшаго прежде въ университетѣ профессора ботаники, г. Р. Э. Траутфеттера, и нынѣшняго его намѣстника, г. А. С. Роговича, въ короткій промежутокъ времени устроилъ и привелъ этотъ садъ въ такое отличное состояніе. Въ немъ акклиматизировано уже болѣе 600 видовъ различныхъ деревьевъ и кустарниковъ, до того времени бывшихъ почти неизвѣстными или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало распространенными въ частныхъ кievскихъ садахъ. Цѣлая аллея дикихъ каштановыхъ деревьевъ (*Aesculus Hippocastanum* L.) и близкихъ къ нимъ видовъ *Павии* (*Pavia flava* DC. et *P. rubra* L.) даютъ уже прохладную тѣнь подъ своими густыми полушаровидными кронами. Другія аллеи состоятъ изъ акацій: бѣлыхъ (*Robinia Pseudoacacia* L.), красныхъ (*R. hispida* L.) и розовыхъ (*R. viscida* Vent.), или представляютъ смѣсь различныхъ древесныхъ породъ, изъ числа которыхъ замѣчательны: *китайскій ясень* (*Ailantus glandulosa*), вышиною до двухъ сажень, *и абъ обыкновенный* (*Carpinus Betulus* L.) и американскій (*C. americana* Michx.), *каштанъ сладкій* (*Castanea vesca* G.), различные виды *клена* (*Acer austriacum* Frott., *A. macrophylla* Pursh. *A. monspessulanum* L., *A. obtusatum* Kit. *A. saccharinum* L., и другіе), прекрасныя *ясени* (*Fraxinus americana* L., *F. lentiscifolia* Desf., *F. macrophylla* W., *F. oxycarpa*, *F. pubescens*, etc.) *медичи* (*Gleditschia chinensis* L., *G. ferox* Desf., *G. horrida* W., *G. triacanthos* L.), деревья *грецкихъ ореховъ* (*Juglans cinerea* L., *J. nigra* L., *J. regia* L.), красныя акклиматизированныя

виды тополей, дуба, чинара, хвойныя деревья, и проч. и проч. Возлѣ нихъ, или на отдѣльныхъ участкахъ красиво сгруппированы различные кустарники, въ числѣ которыхъ считается до 120 разновидностей однихъ только розовыхъ кустовъ. Считая излишнимъ исчислять ихъ, замѣчу только, что въ этомъ саду, на открытомъ воздухѣ, растутъ и созрѣваютъ шпанскія вишни, абрикосы и нѣкоторые сорта винограда, которые въ орловскомъ климатѣ могутъ существовать только подъ особеннымъ прикрытіемъ и защитою даже и въ лѣтнее время. Въ этомъ саду находится большая оранжерея, замѣчательная весьма хорошими экземплярами пальмъ и другихъ растеній тропическаго климата. При ней находится домъ, занимаемый г. Гохгутомъ и его помощниками. На содержаніе всего сада, оранжереи, теплицъ, на жалованье садовнику и его помощникамъ отпускается въ годъ 3000 руб. сер. Эта сумма слишкомъ еще недостаточна для такого огромнаго заведенія, которое ежегодно пополняется вновь выписываемыми изъ лучшихъ заграничныхъ садовыхъ заведеній растеніями и, сверхъ того, требуетъ значительнаго числа рабочихъ рукъ для поддержания его въ хорошемъ состояніи. По этому для усиленія финансовыхъ средствъ этого заведенія, въ немъ начали было производить продажу различныхъ комнатныхъ растеній и доступъ въ него сдѣлали совершенно свободнымъ для публики. Хотя этотъ опытъ и оказался выгоднымъ, но, къ сожалѣнію, кievская публика не умѣла оцѣнить его и на дѣлѣ показала, что у насъ еще не вошло въ обычай

селято уважать чужую собственность, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она составляетъ собствен- ность общественную, или, какъ обыкновенно выра- жаются, *казенное имущество*. Многіе изъ посѣти- телей и посѣтительницъ этого сада, безъ зазрѣнія совѣсти, рвали тамъ цѣлыми букетами растенія и весьма часто лишали профессора батаники всякой возможности пользоваться разцвѣтавшими экземпля- рами рѣдкихъ растеній при изложеніи этой науки студентамъ университета. Въ нѣкоторые изъ празд- ничныхъ дней случалось, что сторожа въ этомъ саду отнимали у прогуливавшихся отъ 200 до 300 бу- кетовъ. Мы сами были тому свидѣтелями и въ на- шихъ глазахъ было отнято нѣсколько букетовъ у дамъ и мужчинъ, въ то время, когда, подъ руковод- ствомъ профессора А. С. Роговича, мы осматривали этотъ садъ, составляющій достояніе науки и пото- му заслуживающій наибольшаго къ себѣ уваженія. Послѣ такихъ печальныхъ опытовъ, доказывающихъ еще слишкомъ недостаточное у насъ развитіе истин- ной цивилизаціи, съ будущей весны предположено прекратить въ немъ продажу цвѣточныхъ растеній, а для публики предоставлять входъ въ него только по именнымъ билетамъ. Въ орловскомъ городскомъ саду, хотя и весьма бѣдномъ красивыми цвѣточными растеніями, подобнаго рода явленія, къ сожалѣнію, так- же случаются, а потому и въ немъ необходимость заста- вила прибавить къ столбамъ надписи, съ обозначеніемъ штрафной цѣны за каждый сорванный цвѣтокъ. Когда же у насъ общественная цивилизація достигнетъ той степени совершенства, что не будетъ никакой надоб-

ности помѣщать въ публичныхъ мѣстахъ подобнаго рода оскорбительныхъ объявленій и предостереженій?

Кіевскій садовый питомникъ находится верстахъ въ семи отъ университета. Имъ завѣдуетъ директоръ, г. О. И. Базилеръ, который въ засѣданіяхъ естественспытателей принималъ самое теплое участіе и прочелъ весьма любопытную свою статью, подъ заглавіемъ: «Вліяніе минувшей зимы на растительность». Въ ней, между прочимъ, заключается одно весьма важное для русскихъ вообще садоводовъ практическое наблюденіе, которое я считаю необходимымъ сообщить здѣсь, словами автора этой статьи, для свѣдѣнія всѣхъ любителей садоводства въ Орловской губерніи.

«Не только въ кіевскомъ древесномъ питомникѣ», говоритъ г. Базилеръ, «но и въ другихъ садахъ, замѣчено, что у многихъ деревьевъ, которыя въ послѣдствіи пропали до нижней части ствола, верхняя часть кроны и даже оконечности вѣтвей, самыя нѣжныя части ихъ, были совершенно здоровы еще въ февралѣ мѣсяцѣ послѣ сильныхъ морозовъ, такъ что прутки, срѣзанные въ это время для прививки, принялись и развились хорошо на привитыхъ ими дичкахъ, между тѣмъ какъ маточныя деревья, съ которыхъ они были срѣзаны, высохли въ послѣдствіи до нижней части ствола. Здоровое состояніе верхней части кроны доказывается еще и тѣмъ, что у этихъ самыхъ деревьевъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня м. (когда уже не было

утренниковъ) на оконечностяхъ вѣтвей развились не только листья, но даже цвѣты, которые конечно въ скоромъ времени высохли, потому что оставались безъ пищи изъ нижнихъ частей ствола. При осмотрѣ этихъ деревьевъ оказалось, что немного выше того мѣста, до котораго деревья стояли въ снѣгу, именно на высотѣ отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршина отъ почвы, кора и заболонь на стволѣ и на нижней части вѣтвей почернѣли и сгнили, между тѣмъ какъ выше и ниже этого мѣста кора и заболонь остались совершенно здоровыми. (*) Это странное явленіе я объясняю себѣ слѣдующимъ образомъ.»

«Замороженные части организма, какъ у животныхъ такъ и у растений, оживляются только при медленномъ и постепенномъ оттаиваніи, между тѣмъ какъ при быстромъ переходѣ отъ мороза къ теплу онѣ подвергаются разложенію, называемому гангреной или гнойнымъ ракомъ, обжогою и пр. Въ Кіевѣ, подъ 50° широты, солнечные лучи имѣютъ большую нагревательную силу въ теченіи всей зимы, особенно съ половины января мѣсяца, такъ что въ ясные дни, даже при значительныхъ холодахъ, въ полдень снѣгъ всегда таетъ на крышахъ домовъ. (**) Теплота, производимая въ какомъ либо предметѣ солнечными лучами, должна значительно увеличиться, если на этотъ предметъ, сверхъ пря-

(*) Точно такое же явленіе въ минувшую весну замѣчено было и въ орловскихъ садахъ А. Т.

(**) Въ Орлѣ таяніе снѣга на крышахъ рѣдко начинается въ половинѣ января, но почти всегда съ февраля мѣсяца. А. Т.

мыхъ лучей, падаютъ еще и лучи, отражаемые другими предметомъ. Снѣгъ же, окружающій деревья, представляетъ собою бѣлую и гладкую поверхность, сильно отражающую падающіе на нее солнечные лучи, вслѣдствіе чего сѣрая кора деревьевъ, близъ поверхности снѣга, должна въ ясные дни значительно нагреваться.»

«Изъ всѣхъ деревьевъ всего болѣе подвергались этой порчѣ ствола, на высотѣ отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршинъ отъ почвы, грушевыя и черешневые деревья, равно какъ яворъ и ясень.»

«Изъ этого должно вывести правило, которое особенно важно для садоводства въ Россіи, чтобы при сильныхъ морозахъ, около болѣе нѣжныхъ древесныхъ породъ, снѣгъ прикрывать листомъ, навозомъ или какимъ либо другимъ предметомъ, не отражающимъ солнечныхъ лучей, или же обставлять деревья камышемъ или соломой.»

Кіевскій садовый питомникъ занимаетъ до 20 десятинъ пространства. Мѣстоположеніе его довольно ровное. Почва сѣропесчаная, малоплодоносная, и потому требующая довольно сильнаго удобренія; она нѣсколько лучше только въ самой нижней части питомника, прилегающей къ небольшой рѣчкѣ. Тамъ устроены огороды и на нѣкоторыхъ участкахъ разведены ягодные кусты.

Этотъ питомникъ основанъ еще очень недавно; но несмотря на это, онъ замѣчателенъ отличнымъ въ немъ порядкомъ, богатствомъ и разнообразіемъ разведенныхъ въ немъ фруктовыхъ

деревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, превосходными сортами огородныхъ овощей и многочисленностію акклиматизируемыхъ въ немъ деревьевъ и кустарниковъ, служащихъ для украшенія садовъ и парковъ. Знаніе дѣла и неутомимая дѣятельность г. директора этого сада видны въ немъ на каждомъ шагѣ. Нѣсколько часовъ времени мы употребили на обзоръ находящихся въ немъ плантацій, школъ для прививковъ, огородовъ, парниковъ, теплицы, въ которой находится уже весьма много молодыхъ цвѣточныхъ растеній, предназначаемыхъ для продажи, и, по всей справедливости, смѣло могу сказать, что изъ числа извѣстныхъ мнѣ подобнаго рода казенныхъ заведеній, это былъ первый питомникъ, въ которомъ во всѣхъ отношеніяхъ видны: безъ укоризненной добросовѣстности, весьма хорошій уходъ за растеніями и стараніе о разведеніи возможно большаго числа лучшихъ заграничныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, пріобрѣтаемыхъ у извѣстнѣйшихъ европейскихъ помологовъ.

Арбореты и школы плодовыхъ прививковъ занимаютъ въ этомъ питомникѣ значительное пространство, и не смотря на то, что онъ существуетъ около 8 лѣтъ, эти плантаціи замѣчательны уже многочисленнымъ разнообразіемъ разводимыхъ въ нихъ сортовъ деревьевъ, посаженныхъ правильными рядами на нѣсколькихъ участкахъ. Тамъ строго наблюдается, чтобы въ каждомъ ряду находился одинъ только сортъ деревьевъ, названіе котораго крупными буквами написано на ерибитыхъ

къ небольшимъ столбикамъ досчечкахъ, находящихся въ началѣ и концѣ каждого ряда. Въ плодовыхъ школахъ, кромѣ этихъ надписей, еще къ каждому прививку привязаны въ разныхъ мѣстахъ по два ярлыка съ надписями названій того сорта, къ которому онъ принадлежитъ. Такая предосторожность весьма необходима для того, чтобы въ случаѣ потери одного ярлыка, которая легко можетъ случиться при обрѣзкѣ сучьевъ на прививкѣ, могъ бы оставаться еще другой. Вообще относительно правильныхъ названій каждого сорта деревьевъ въ кievскомъ питомникѣ соблюдается примѣрная точность, которая, конечно, лучше всего привлечетъ къ нему довѣріе покупателей, которые, послѣ поресадки изъ него плодовыхъ прививковъ въ свои сады, не будутъ въ послѣдствіи разочаровываться самымъ не-пріятнѣйшимъ образомъ, получая съ нихъ вовсе не тѣ плоды, какихъ нѣсколько лѣтъ придется ожидать, какъ это весьма не рѣдко случается въ другихъ подобнаго рода питомникахъ.

Во время посѣщенія нами этого питомника, въ немъ находилось 16 отдѣленій съ плодовыми прививками. Каждое изъ нихъ занимаетъ 400 квадр. саж. пространства и состоитъ изъ 60 рядовъ прививковъ, по 90 штукъ въ каждомъ. Большая часть этихъ прививковъ принадлежитъ къ лучшимъ иностраннымъ и частию русскимъ сортамъ. Съ этою цѣлю г. Базинеръ выписываетъ изъ за границы черенки, и, смотря по времени ихъ полученія, или прямо прививаетъ къ дичкамъ, или, при поздней ихъ къ

нему доставкѣ, сажаетъ ихъ въ особаго рода парники, у которыхъ, вмѣсто рамъ со стеклами, сдѣланы сплетенныя изъ хвороста крышки, подъ защитою которыхъ черенки укореняются и даютъ побѣги, а потомъ пересаживаются въ грунтъ, чтобы въ послѣдствіи служить для прививки.

На постоянныхъ мѣстахъ въ питомникѣ находится 800 маточныхъ плодовыхъ деревьевъ, отличающихся прямыми штамбами и красивыми кронами, потому что тамъ обращается надлежащее вниманіе на правильную обрѣзку всѣхъ вообще прививковъ, что составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій рациональнаго плодоводства. По этому, не смотря на огромное количество прививковъ въ этомъ питомникѣ, простирающееся, какъ сообщилъ намъ г. Базинеръ, до 150 тысячъ, всѣ они, при надлежащемъ за ними уходѣ, растутъ прямо и не представляютъ никакого безобразія во внѣшнемъ своемъ видѣ.

До сего времени продажа прививковъ въ этомъ питомникѣ еще не начиналась, потому что лучшіе сорта ихъ пріобрѣтены и привиты только въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, послѣ поѣздки г. Базинера за границу, куда онъ былъ командированъ по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, для пріобрѣтенія въ извѣстнѣйшихъ помологическихъ заведеніяхъ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ. Послѣ испытанія, въ какой степени эти сорта могутъ выдерживать климатъ кіевской губерніи, г. Базинеръ предполагаетъ начать ихъ продажу не ранѣе, какъ черезъ три или четыре года. При

такихъ условіяхъ можно надѣяться, что этотъ питомникъ, современемъ, сдѣлается центромъ, изъ котораго будутъ распространяться лучшіе сорта плодовыхъ деревьевъ и другихъ растеній не только въ кievской, но и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Но въ настоящее время, не смотря на всѣ благопріятныя климатическія условія этого края, при которыхъ, въ частныхъ кievскихъ садахъ, на открытомъ воздухѣ, безъ всякаго укутыванія на зиму, успѣшно растутъ крымскіе яблоки и груши, грецкій орѣхъ, айва, черешни, абрикосы и отлично созреваютъ ранніе сорта винограда, изъ кievской губерніи не только не вывозятся на продажу плоды въ другія губерніи но и въ самый Кіевъ ихъ получаютъ изъ могилевской, курской, орловской и другихъ мѣстъ, какъ замѣтилъ это г. Базинеръ въ своей рѣчи, читанной имъ въ первомъ собраніи кievскихъ любителей садоводства. Это явленіе служитъ доказательствомъ тому, что садоводство въ кievской губерніи, какъ и вообще въ нашемъ отечествѣ не достигло еще надлежащей степени развитія. Плодовыхъ садовъ у насъ много, но хорошихъ сортовъ плодовъ въ нихъ весьма мало. Чтобы въ этомъ удостовѣриться, довольно обратить вниманіе на фруктовую торговлю въ Орлѣ, которая на Ильинской площади начинается съ августа мѣсяца и продолжается до начала зимы. Вѣдь рѣдко можно встрѣтить тамъ порядочные сорта яблокъ или грушъ; о вишняхъ, сливахъ и другихъ фруктахъ мѣстнаго произведенія и говорить нечего, потому что они

вообще очень дурны и представляют самые низкіе сорта, которые въ порядочныхъ садахъ и разводить не слѣдуетъ. Между лѣтними сортами яблокъ и грушъ встрѣчаются еще порядочные; но число зимнихъ сортовъ самое ничтожное. Груши *безсп- мянки* и *козики* едва сохраняются до конца декабря; но будучи для этого слишкомъ рано сняты съ деревьевъ, отличаются дурнымъ вкусомъ и жесткостію; а изъ яблокъ лучшими зимними сортами считаются: *антоновка*, *склянка*, *горьковатое украинское* и *апортовое*. Все это зависитъ оттого, что владѣльцы садовъ почти не входятъ ни въ какія сношенія съ извѣстными заграничными и русскими помологическими заведеніями, опасаясь рискованной затратою самыхъ незначительныхъ на это суммъ, какія потребовались бы на пріобрѣтеніе черенковъ плодовыхъ деревьевъ, вмѣсто готовыхъ уже прививковъ, которые, по причинѣ значительныхъ разстояній, дѣйствительно обходятся дорого, а не рѣдко и погнбають въ дорогѣ. Такое явленіе нельзя однако-же объяснить экономическими расчетами или просто нежеланіемъ нашихъ любителей садоводства пріобрѣтать улучшенные сорта плодовыхъ деревьевъ и другихъ растений для своихъ садовъ, потому что нѣкоторые факты этому противорѣчатъ. Такъ напр. нѣкоторые изъ орловскихъ жителей не жалѣли платить баснословныхъ цѣнъ за плодовые прививки и другія растенія заѣзжимъ въ Орелъ иностраннымъ шарлатанамъ, которые, пользуясь малымъ распространеніемъ специальныхъ

свѣдѣній по садоводству въ Россіи, постоянно выставляютъ въ своихъ лавкахъ раскрашенные изображенія несуществующихъ, но ими самими выдуманныхъ плодовъ и цвѣтовъ, разумѣется, всегда громадныхъ размѣровъ и съ фантастическими названіями, и такимъ образомъ, на эту удочку иногда очень удачно ловятъ легковѣрныхъ любителей садоводства. Подобнаго рода кочующіе аферисты нѣсколько разъ уже появлялись въ Орлѣ и торговали недурно всякимъ хламомъ, какой скупали иногда и въ русскихъ небольшихъ садовыхъ заведеніяхъ, попадавшихся имъ по пути изъ одной губерніи въ другую и выдавали за заграничныя. Въ 1857 году здѣсь былъ даже и извѣстный Мартенъ, который однако-же бѣжалъ изъ Орла, узнавши, что въ московскихъ вѣдомостяхъ онъ былъ выведенъ на свѣжую воду редакціей журнала Россійскаго Общества любителей садоводства, поспѣшившей предупредить русскую публику о всѣхъ его продѣлкахъ въ Москвѣ. Ежели такимъ спекулянтамъ удастся наживать у насъ порядочные себѣ капиталы, то изъ этого слѣдуетъ, что мы не жалѣемъ лишней траты денегъ и имѣемъ охоту пріобрѣтать новые и лучшіе сорта растений для нашихъ садовъ. Въ такомъ случаѣ гораздо лучше выписывать ихъ изъ извѣстныхъ уже садовыхъ заведеній, которыя, для избѣжанія обмана и подлога, никогда не рассылаютъ отъ себя коммисіонеровъ, за какихъ почти постоянно выдаютъ себя эти странствующие разнощики. Положимъ, что на незначительную сумму выписы-

вать растенія еще не совсѣмъ выгодно, потому что пересылка ихъ обходится довольно дорого; но въ такомъ случаѣ можно-бы нѣсколькимъ любителямъ, согласившись вмѣстѣ, выписывать на общую сумму изъ одного какого либо извѣстнаго садоваго заведенія тѣ растенія или сѣмена, какія каждому изъ нихъ будетъ угодно имѣть. При такомъ условіи можно надѣяться получить и лучшія произведенія, потому что требованія будутъ болѣе значительны.

Этимъ оканчиваю мои замѣтки о пребываніи моемъ въ Кіевѣ, оставившемъ во мнѣ самыя отрадныя впечатлѣнія, подобныя которымъ рѣдко случалось мнѣ испытывать въ жизни. Не замѣтнымъ образомъ миновала цѣлая недѣля, которую мы исключительно почти посвящали бесѣдамъ естественно историческаго содержанія. Многими душевными мыслями каждый изъ насъ успѣлъ подѣлиться въ это время съ прочими собратами своими по наукѣ. Оживляли онѣ насъ тогда очень много, особенно тѣхъ изъ насъ, которыхъ судьба забросила одинокими по разнымъ отдаленнымъ угламъ нашего отечества, гдѣ иногда и въ десять лѣтъ иному не представляется случая побесѣдовать съ кѣмъ нибудь о своихъ спеціальныхъ занятіяхъ, по причинѣ слишкомъ еще ограниченнаго у насъ числа лицъ, занимающихся естественными науками. Вѣроятно въ каждомъ изъ насъ навсегда сохранятся самыя пріятнѣйшія воспоминанія о первомъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ и каждый изъ насъ будетъ постоянно желать, чтобы подобныя съѣзды

сколько возможно чаще повторялись въ нашемъ отечествѣ.

Простившись съ кіевскими и другими изъ бывшихъ на съѣздѣ естествоиспытателями, и поблагодаривши первыхъ за радушнѣйшее ихъ гостепріимство и самое дружеское вниманіе, какими каждый изъ насъ пользовался въ ихъ кругу, 21 Іюня, въ 2 часа пополудни я выѣхалъ изъ Кіева въ обратный путь, разставшись и съ г. І. И. Азаркевичемъ, который избралъ себѣ другой планъ для дальнѣйшаго своего путешествія; но мнѣ предстояло еще странствованіе по югозападной части Орловской губерніи, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Слѣдствія бури въ лѣсу. Подывотскій приказъ. Пасѣка подывотскаго головы. Крушиновый медъ. Мысли объ образцовыхъ пасѣкахъ. Фруктовый салъ. Предположенія о средствахъ къ улучшенію крестьянскихъ плодовыхъ садовъ. Племянные жеребцы. Сельская школа. Подывотскія крестьянки. Краска изъ душицы. Отъѣздъ изъ села Подывотья.

23-го іюня, въ пятомъ часу по полудни, я ѣхалъ проселкомъ черезъ довольно большой лѣсъ къ Подывотскому приказу, находящемуся въ югозападной части Сѣвскаго уѣзда. Въ первый еще разъ въ жизни мнѣ случилось увидѣть въ этомъ лѣсу опустошенія, какія производятъ въ нихъ иногда сильныя бури. На протяженіи верстъ шести, по обѣимъ сторонамъ дороги, между здоровыми деревьями торчали высокіе пни старыхъ сосенъ, сложенныхъ пополамъ; вершины ихъ съ побурѣвшею хвоею валялись по землѣ или поддерживались на воздухѣ стоявшими возлѣ нихъ деревьями; старыя березы, лѣтъ восьмидесяти, были вывернуты съ корнями; стройныя молодыя сосонки, зацѣпившись своими кронами за сосѣднія съ ними деревья, когда ихъ раскачивалъ напоръ урагана, согнулись въ дуги и, такимъ образомъ, продолжали расти, постепенно привыкая къ неестественному для нихъ положенію. Все это повалилось другъ на друга, спуталось и переплелось, не будучи въ состояніи противиться сокрушительному дѣйствію вѣтра.

— «Давно-ли здѣсь была буря?» спросилъ я везшаго меня съ послѣдней почтовой станціи ямщика.

— «Въ прошлое еще лѣто,» отвѣчалъ онъ.

— «Отчего же до сихъ поръ не убраны эти поломанные деревья?» —

— «А кто ихъ вѣдаетъ; должно быть не успѣли еще. Вотъ хотъ-бы дорогу то починили, да мосты поправили, благо лѣсу много валяется; а то въ дождливую пору, да въ ростепель тутъ какъ-разъ завязнешь. Нынѣче весной мы везли по этой дорогѣ какого-то барина, — ѣхалъ шестерикомъ въ каретѣ, съ женою, — такъ съ нимъ совсѣмъ было завязли, — вонъ въ этой ямѣ; насилу вытащили.» —

Онъ указалъ мнѣ при этомъ на небольшую вымону впоперекъ дороги.

— «Отчего крестьяне не покупаютъ этихъ сломанныхъ деревьевъ? — вѣдь они имъ очень-бы пригодились.» —

— «Покупать-то они покупаютъ, а удѣльнымъ ихнее начальство и даромъ велѣло отпускать, на постройки, да на дрова; да не уберешь всего за разъ. Вѣдь тутъ, сказываютъ, тысячъ двадцать наберется поломанныхъ деревьевъ. Въ иномъ мѣстѣ къ нимъ ни подѣхать, ни подойти нельзя: вишь какъ ихъ поскрутило! А такъ-то буря прошла, почитай что, по всему лѣсу. Здѣшніе крестьяне сказывали еще, что въ тотъ день одна баба грибы собирала въ лѣсу. Вотъ, какъ поднялась буря разомъ, такъ она, сердешная, металась тутъ куды зря, во

всѣ стороны, — все спасалась, чтобы ее не раздавило деревьями, которыя, точно снопы, валились около нее. Боже ты мой! что тутъ было! точно свѣту преставленіе!» —

— «Что-же она? ее не раздавило?» —

— «Жива осталась, да только на четверенькахъ ко двору приползла.» —

— «Вѣрно ноги ей пришибло?» —

— «Нѣтъ, не пришибло, а ее самоё такъ завертѣло, что она повалилась безъ памяти въ лѣсу; а какъ очнулась, то увидѣла, что у нее ноги вѣтромъ повывернуло: она не могла идти, такъ и приползла домой.» —

Я засмѣялся, не повѣривъ этимъ послѣднимъ словамъ ямщика.

— «Чего-же вы смѣетесь? А-ли не повѣрили?» —

— «Нѣтъ, я вѣрю, что этой бабѣ плохо приходилось въ лѣсу; но не вѣрю тому, чтобы вѣтромъ ноги ей вывернуло, когда голова и руки уцѣлѣли. Должно быть ихъ просто пришибло упавшимъ деревомъ.» —

— «Можетъ и такъ, да только я сказываю то, что самъ слышалъ.» —

Разговаривая такимъ образомъ, мы приблизились къ селу Подывотью. Возлѣ него опустошенія въ лѣсу были несравненно менѣе замѣтными, потому что ураганъ прошелъ по немъ полосою, въ направленіи отъ югозапада, какъ можно было судить по положенію сваленныхъ и переломленныхъ имъ деревьевъ. Разнообразіе растительности въ этомъ

лѣсу, состоящемъ изъ смѣшенія сосны съ лиственными породами: березою, липою, осиною, дубомъ и другими, ясно показывало, что почва подъ нимъ довольно плодородна. Ова состоитъ изъ суглинка, который для лиственныхъ породъ благопріятнѣе супесковъ и вообще песчаныхъ почвъ, потому что содержитъ въ себѣ болѣе питательныхъ частицъ и лучше удерживаетъ въ себѣ влажность.

Въ 6-ть часовъ вечера я остановился въ Подывотскомъ приказѣ. Въ удѣльныхъ имѣніяхъ приказъ тоже самое, что волостное правленіе у государственныхъ крестьянъ. Это отдѣльный и довольно просторный домъ, впоперекъ раздѣленный на двѣ половины сѣнями, въ которыхъ господствуетъ постоянный сквозной вѣтеръ, такъ что въ холодную и сырую погоду тутъ можетъ простудиться самый здоровый человѣкъ. По всему видно, что планы такихъ приказовъ были придуманы въ тепломъ кабинетѣ, или, быть можетъ, при убѣжденіи въ весьма крѣпкой и здоровой натурѣ русскаго крестьянина, которому нипочемъ переносить всѣ невзгоды нашихъ климатическихъ условій. По обѣимъ сторонамъ сѣней находится по двѣ комнаты, изъ которыхъ одна чистая, съ диваномъ, столомъ и нѣсколькими стульями, служитъ для помѣщенія лицъ, пріѣзжающихъ въ приказъ по служебнымъ своимъ обязанностямъ. Въ такой же, но размѣру, комнатѣ съ противоположной стороны находится присутствіе, а въ остальныхъ двухъ хранится архивъ и вообще все то, что относится къ административному управленію удѣльными крестья-

нами. Въ присутствіи предсѣдательствуетъ голова, который по этому слишкомъ мало уже имѣютъ времени для своихъ сельскохозяйственныхъ занятій. Переписчиками бумагъ служатъ крестьянскіе мальчики, выбираемые въ званіе писцовъ изъ лучшихъ учениковъ удѣльныхъ школъ. Письменной работы у нихъ много, потому что и въ приказахъ канцелярская дѣятельность также многосложна, какъ и въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, явился ко мнѣ голова, съ которымъ я тотчасъ вступилъ въ разговоръ относительно того, что соотвѣтствовало цѣли моего путешествія. Изъ отвѣтовъ его легко можно было видѣть, что онъ имѣетъ много природнаго ума и вообще человѣкъ весьма смысленный, практичный и потому не даромъ избранный въ представители сельскаго общества.

Онъ предложилъ мнѣ взглянуть на собственную его пасѣку, пока солнце не пригрѣло и пчелы въ ней не такъ бойки. Я съ удовольствіемъ на это согласился. Чтобы намъ можно было поскорѣе быть на пасѣкѣ, находящейся въ низкоросломъ лѣсу, верстахъ въ двухъ отъ приказа, онъ приказалъ запречь телѣгу. Черезъ четверть часа пара самыхъ маленькихъ крестьянскихъ лошадокъ подвезла ее къ крыльцу. Эта телѣга имѣла совершенно другое устройство въ сравненіи съ тѣми, какія мы видимъ у крестьянъ орловскаго уѣзда. Это была чисто бѣлорусская телѣжка, состоявшая изъ двухъ узкихъ досчечекъ, прикрѣпленныхъ къ осямъ, а по

бокамъ ихъ было поставлено на ребро по одной такой-же доскѣ; передніе и задніе концы ихъ были соединены между собою поперечными веревками; колеса маленькія, тоненькія, безъ шинъ. Таково устройство большей части телѣгъ у крестьянъ Сѣвскаго и Трубчевскаго уѣздовъ, заимствованное вѣроятно отъ живущихъ по сосѣдству съ нами черниговцевъ. Для болѣе удобнаго въ ней сидѣнья, намъ подложили свѣжей травы. Правившій лошадьми крестьянскій мальчикъ тутъ же помѣстилъ и свою маленькую дегтярку, которой ему нельзя было привязать подъ телѣгу, по неимѣнію въ ней дѣлаемыхъ для этой цѣли мочекъ. Мы кое какъ усѣлись и лошадки побѣжали мелкою рысцою сначала вдоль селенія, а потомъ по узкой дорожкѣ, ведущей къ лѣсу, гдѣ была пасѣка. Сначала мы ѣхали мимо коноплянниковъ, доставляющихъ наибольшія выгоды крестьянамъ западной полосы Орловской губерніи, потому что хлѣбъ на поляхъ у нихъ даетъ довольно скудные урожаи, по причинѣ худшаго качества почвы, въ сравненіи съ восточною полосою. Но сверхъ этого удѣльные крестьяне пользуются еще весьма малымъ надѣломъ земли, такъ что, по необходимости, употребляютъ все свое стараніе на обработку однихъ только коноплянниковъ. Тутъ я былъ удивленъ, замѣтивши, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто конопли, была засѣяна свекловица.

— «Развѣ свеклу выгоднѣе здѣсь разводить, чѣмъ коноплю?» спросилъ я голову.

— «Наши крестьяне находятъ, что выгоднѣе.» —

— «Почему?»—

— «У насъ тутъ недалеко отъ Подывогья находится свеклосахарный заводъ; а свекловица на конопляникахъ растетъ хорошо и даетъ корни отъ трехъ до пяти фунтовъ вѣсомъ. Вотъ туда ее наши крестьяне и сбываютъ.»—

— «По какой цѣнѣ они продаютъ ее?»—

— «Отъ 75 до 90 коп. сер. за берковецъ.»—

— «И это выгодно для нихъ?»—

— «Не много, но все выгоднѣе конопли. Они недавно еще стали сѣять свекловицу, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ее разводятъ.»—

Далѣе мы ѣхали мимо только что вспаханнаго поля. Я началъ приглядывался къ почвѣ, которая по цвѣту своему болѣе походила на шоссейную пыль, но показала не столько плодородною, какъ бываетъ иногда эта послѣдняя.

— «Хороша у васъ земля?» спросилъ я снова моего сосѣда.

— «Эта вотъ, что вспахана, у насъ самая урожайная, а въ другихъ мѣстахъ похуже,» отвѣчалъ онъ.

— «Часто ее удобряютъ?»—

— «Да какъ случится; коли есть у кого лишній навозъ отъ конопляниковъ, да отъ общественной запашки, то и удобряютъ подъ озими, а нѣтъ, то и такъ засѣваютъ.»—

— «Стало быть здѣсь часто случаются плохіе урожаи?»—

— «Какъ Господь Богъ поможетъ; иной разъ бываетъ и плохо, въ засуху, а коли дожди перепадаютъ, то еще ничего; вѣдь это суглинокъ: на немъ хлѣбъ еще родится, а вотъ по пескамъ плохо бываетъ.» —

Я попросилъ остановиться, и захватилъ съ собою въ мѣшечикъ этой почвы, которая дѣйствительно представляла чистый суглинокъ и потому при хорошемъ удобреніи можетъ давать весьма удовлетворительные урожаи. Подпочва подъ нимъ состоитъ изъ глины.

Разговаривая на эту тему, мы подъѣхали къ низкорослому кустарному лѣсу, состоящему изъ различныхъ лиственныхъ деревьевъ, выросшихъ изъ корневыхъ побѣговъ прежде срубленнаго лѣса. Въ немъ находится: дубъ, липа, кленъ, ясень, орѣшникъ, крушина и, сверхъ того, попадаются еще дикая яблоня и груша. Эта послѣдняя порода была для меня интересною находкою въ ботаническомъ отношеніи, потому что въ предшествовавшемъ году я узналъ, что она растетъ въ южной части Елецкаго уѣзда, а теперь она оказалась и въ Сѣвскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи южную часть Орловской губерніи можно считать сѣвернымъ предѣломъ распространенія этой древесной породы въ центральной части Европейской Россіи.

Въѣхавши въ этотъ лѣсъ, мы остановились; слезли съ нашей колесницы и пошли по тропинкѣ на пасѣку, находившуюся шагахъ въ двухъ стахъ отъ лѣсной опушки. Въ лѣсу царствовала совершенная

тишина: не слышно было пѣнія птицъ, которыя въ это время года пріумолкаютъ, имѣя новыя заботы о своемъ молодомъ поколѣніи и по возможности скрываютъ свое присутствіе, чтобы не привлекать хищниковъ, которые, по издаваемымъ ими голосамъ, легко могли-бы находить ихъ и истреблять вмѣстѣ съ ихъ дѣтенышами.

По прибытіи на пасѣку тотчасъ можно было замѣтить, что она находится въ рукахъ опытнаго и знающаго свое дѣло пчеловода. Она состоитъ изъ сотни ульевъ, весьма просторно и удобно разставленныхъ и замѣчательныхъ тѣмъ, что большая часть ихъ втулочные, устроенные по методу Прокоповича. Это меня удивило, потому что до того времени мнѣ ни однажды еще не случалось замѣчать у крестьянъ предпочтенія ульевъ новаго устройства старымъ колодамъ, этому остатку древне-русскаго хозяйства.

— «Давно-ли заведены эти улья?» спросилъ я голову.

— «Да таки давненько.» —

— «Стало быть они лучше обыкновенныхъ колодъ?» —

Какъ же можно, много лучше! Они удобнѣе для пчелъ и для подрѣзки сотовъ. Оттого мы и уничтожаемъ помаленьку старыя наши колоды.» —

— «А какъ же мужички говорятъ, что въ этихъ ульяхъ пчелы не ведутся и вымираютъ зимою?» —

— «Поневолѣ будутъ вымирать, коли имъ мало оставляютъ меду, такъ что и на зиму имъ его не

достаесть; а извѣстное дѣло: голодная пчела скорѣе зябнетъ, чѣмъ сытая. Не обижай пчелъ, да смотри за ними хорошо, съ толкомъ, такъ будутъ вестись. Вотъ, примѣрно сказать, въ прошломъ году лѣтомъ была сухмень, а осенью рано начались холода, такъ что пчелы не успѣли запасти себѣ достаточно меду; потомъ настала зима суровая, какой давно уже не запомнятъ: оттого много раевъ погибло; у меня на пасѣкѣ болѣе сотни; да и у другихъ крестьянъ тоже не уцѣлѣли, да еще больше у нихъ погибло, чѣмъ у меня, даромъ что сидѣли въ колодахъ. Значить: тутъ не улья были виноваты, а недостатокъ корма. Да что же дѣлать? На то была воля Божія?» —

— «Отчего вы не разводите медоносныхъ растений? При недостаткѣ корма, онѣ служили-бы хорошимъ подспорьемъ?» —

— «Мы бы развели ихъ, да землицы-то у насъ на это не хватаетъ. Для моей пасѣки надо-бы засѣять до двухъ десятинъ, а столько лишней земли у меня нѣтъ,» —

— «Откуда же пчелы могутъ набирать себѣ достаточно меду?» —

— «Больше все по лѣсу, а то летаютъ и на поля. Вотъ крушиновый медъ для нихъ самый питательный: оттого мы и бережемъ крушиновые кусты. Ужъ какъ пчелы любятъ этотъ медъ! Онъ для нихъ что ни на есть самый лучшій.» —

— Я взглянулъ на окружавшіе насъ кустарники и деревья, и дѣйствительно увидѣлъ, что почти около каждаго улья и вокругъ всей пасѣки росли кусты

крушины или, такъ называемыхъ, *волчьихъ ягодъ* (*Rhamnus Frangula L.*). Это растеніе въ изобиліи распространено по всей Орловской губерніи; но кажется, что немногіе изъ здѣшнихъ пасѣчниковъ знаютъ достоинство его въ пчеловодствѣ, заключающееся въ очень питательномъ свойствѣ меда, въ изобиліи доставляемаго мелкими, но многочисленными, зеленоватыми цвѣтками этого растенія. По этому можно посовѣтовать, чтобы этотъ кустарникъ нарочно и въ возможно большемъ количествѣ былъ разводимъ около пасѣкъ. Изъ него можно дѣлать еще очень порядочныя живыя изгороди, если только подстригать ихъ верхушки: въ такомъ случаѣ крушина будетъ вдвойнѣ полезна. Цвѣтеніе ея бываетъ въ концѣ мая и началѣ іюня и продолжается около двухъ недѣль. Плоды ея въ видѣ черныхъ ягодъ, очень похожихъ на крупную черную смородину, созрѣваютъ въ первой половинѣ сентября. Орловскіе крестьяне употребляютъ ихъ въ пищу, какъ лакомство. (*) Заключающимися въ нихъ сѣменами, безъ всякаго труда, можно разводить этотъ кустарникъ, засѣвая ихъ рядами на избранныхъ для этого мѣстахъ. Крушина лучше всего разводится на сыроватыхъ, нѣсколько тѣнистыхъ

(*) Ягоды крушины считаются ядовитыми; но я самъ видѣлъ, что деревенскія бабы ихъ собираютъ и ѣдятъ. Вѣроятно болѣе умѣренный климатъ здѣшней губерніи способствуетъ уничтоженію вредныхъ свойствъ этихъ ягодъ, какъ это замѣчено и надъ другими растеніями, напр. чернымъ пасленомъ (*Solanum nigrum*), котораго ягоды въ сѣверныхъ губерніяхъ ядовиты, а орловскимъ простонародьемъ употребляются въ пищу. А. Т.

мѣстахъ. Чаше всего ее можно встрѣчать по опуш-
камъ низкоствольныхъ лѣсовъ, вблизи сѣнокосныхъ
луговъ.

— «Кто смотритъ за твоею пасѣкою?» снова
спросилъ я голову.

— «Прежде я все самъ занимался ею, я вѣдь
учился въ школѣ покойнаго Прокоповича; но теперь
у меня такъ много работы по службѣ, что не до
пасѣки, и потому я препоручилъ ее сыну моему,
который приученъ мною къ этому съ малолѣтства,
и къ тому-же имѣетъ большую охоту ходить за
пчелами.» —

— «Гдѣ-же находится ваша образцовая пасѣка?» —

— «Она въ другомъ мѣстѣ у насъ, да только не
совсѣмъ-то хороша.» —

— «Почему такъ?» —

— «А потому, что нѣтъ средствъ ее поддержи-
вать: приставленный къ ней пасѣчникъ самъ бѣ-
денъ и тяготится ею; вѣдь она его не прокормитъ:
нужно ему заняться и своимъ хозяйствомъ; гдѣ-же
тутъ смотрѣть за пчелами, какъ слѣдуетъ?» —

Послѣ такого отвѣта я не настаивалъ на томъ,
чтобы ѣхать на эту пасѣку. Не въ первый уже
разъ мнѣ случалось видѣть подобныя образцовыя
пасѣки, которыя выходятъ всѣ на одинъ покрой.
Такое явленіе я считаю весьма естественнымъ, и
его нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что
назначаемые къ нимъ пасѣчники, ни мало не про-
никнутые убѣжденіемъ въ общественной пользѣ по

добныхъ учреждений, смотреть на нихъ, какъ на чужое добро, о которомъ не стоитъ и не-изъ-чего много хлопотать. Положимъ, что въ удѣльныхъ имѣніяхъ имъ отводится для пасѣки земля, дается помѣщеніе въ хорошей избѣ и на первое обзаведеніе отпускается 50 руб. денегъ, а въ поощреніе за ихъ труды, имъ предоставляется право пользоваться нѣкоторыми выгодами, полученными отъ пасѣкъ; но онѣ весьма незначительны: оттого и цѣль ихъ устройства не вполне достигается. Я раздѣляю убѣжденіе, что образцовыя пасѣки могутъ у насъ существовать и даже достигать цвѣтущаго состоянія; но только въ такомъ случаѣ, если пасѣчникамъ будетъ назначаемо не скудное, какъ говорится: въ обрѣзъ, содержаніе, но хорошее, которое-бы вполне обезпечивало ихъ существованіе. Сверхъ этого, за каждое улучшеніе должны быть имъ назначаемы и другія награды. Въ противномъ случаѣ, т. е. при такихъ условіяхъ, въ какихъ нынѣ поставлены пасѣчники, не для чего и заводить образцовыя пасѣки, потому что онѣ не могутъ приносить желаемой пользы. Къ этому надобно прибавить еще и то, что пасѣка требуетъ не только спеціальныхъ свѣдѣній, но еще любви и охоты къ пчеловодству, которыя не каждому мужичку даются, если-бы онъ и побылъ два, три года въ училищѣ для пчеловодства. По этому, при выборѣ пасѣчниковъ въ образцовыя пасѣки, еще нельзя ограничиваться только тѣмъ, что они были и учились въ такомъ училищѣ и имѣютъ аттестаты; но необходимо предвари-

тельно удостовѣриться, какъ въ пріобрѣтенныхъ ими практическихъ свѣдѣніяхъ, такъ и въ томъ: дѣйствительно ли они имѣютъ страсть къ пчеловодству? При такихъ только условіяхъ и возможно ожидать отъ нихъ желаемого успѣха.

Принимая въ соображеніе: 1) что образцовыя пасѣки учреждаются въ видахъ улучшенія пчеловодства въ крестьянскомъ быту и 2) что между нашими крестьянами весьма не рѣдко встрѣчаются хорошіе пасѣчники, подобные, на примѣръ, головѣ въ Подывотскомъ приказѣ: то не лучше-ли подобныхъ людей поощрять приличными наградами за производимыя ими улучшенія въ ихъ собственныхъ пасѣкахъ, чѣмъ заводить нарочно образцовыя? Это послужило-бы самымъ лучшимъ примѣромъ для другихъ крестьянъ и заставило-бы ихъ быть болѣе внимательными къ этой важной отрасли промышленности въ ихъ сельскомъ быту. Такимъ образомъ собственные крестьянскіе интересы скорѣе бы подвинули впередъ наше пчеловодство, находящееся у насъ въ большомъ застоѣ. Для скорѣйшаго въ этомъ успѣха, при распространеніи грамотности между крестьянами, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы у насъ было написано собственно для крестьянъ толковое и удобопонятное сочиненіе по пчеловодству, которое-бы заключало въ себѣ не какіе нибудь рецепты къ лучшему уходу за пчелами, ни къ чему не ведущіе, а полный, но не мудреный для ихъ понятій, курсъ этой науки, съ приличными рисунками. Это было-бы для нихъ поле-

зиѣ, чѣмъ какія нибудь повѣсти, да рассказы, которыми ихъ у насъ надѣляютъ, ни мало не думая о томъ, что наши крестьяне обучаются грамотѣ вовсе не для того, чтобы потомъ пріятно проводить время за чтеніемъ книгъ и сельскихъ журналовъ; но чтобы научиться уму-разуму и изъ своей грамотности извлекать для себя какую нибудь вещественную пользу.

По возвращеніи съ пасѣки, я осмотрѣлъ фруктовый садъ, очень недавно еще разведенный при Подывотскомъ приказѣ, съ тою цѣлію, чтобы служить образцомъ для крестьянскихъ садовъ. По немѣнію при немъ садовника, имъ завѣдываетъ тотъ же голова, который хотя и любитъ садоводство, но не имѣетъ для этого ни времени, ни надлежащихъ свѣдѣній. По этому садъ этотъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго; но, подобно большей части русскихъ садовъ, находится въ совершенной зависимости отъ внѣшнихъ естественныхъ условій, а не отъ искусства человѣка. Школы для прививковъ въ немъ еще не заведено; но если-бы она тамъ и существовала, то этого, какъ мнѣ кажется, еще слишкомъ недостаточно, потому что для нея необходимъ свѣдущій садовникъ, хорошо ознакомленный со всѣми пріемами при уходѣ за прививками. Такой уходъ за ними вовсе не такъ маловаженъ и незначителенъ, какъ кажется съ перваго взгляда; но требуетъ постояннаго и самаго тщательнаго надзора со стороны садовника за каждымъ деревцомъ. Не говоря уже объ умѣньи окулировывать и прививать, садовнику надобно еще

слѣдять за правильнымъ ростомъ всѣхъ вѣтвей на каждомъ молодомъ деревцѣ, которыя развиваются на немъ съ весны до осени. Каждый лишній сукъ, выросшій не на мѣстѣ или сильно разрастающійся въ сравненіи съ другими, дѣлаетъ дерево уродливымъ, съ неправильною кроною, а при дальнѣйшемъ его возрастѣ, подобные сучья легко ломаются отъ сильныхъ вѣтровъ; вслѣдствіе чего на изломанныхъ мѣстахъ начинается гніеніе, образуются дупла, и деревья, сдѣлавшись больными, начинаютъ приносить мелкіе невкусные плоды, легче другихъ подвергающіеся червоточинѣ. Кромѣ этого есть еще много другихъ условій, способствующихъ неправильному росту и болѣзнямъ плодовыхъ деревьевъ. Все это надобно предусматривать и предупреждать въ свое время, а не когданибудь, и потому въ каждомъ саду необходимъ хорошій хозяинъ.

Подобнаго рода фруктовые сады заведены при каждомъ приказѣ. Цѣль устройства ихъ прекрасная; но она не достигается именно по недостатку свѣдущихъ для этого людей. Въ моихъ замѣткахъ я буду еще упоминать объ нихъ; но чтобы не входить въ излишнія повторенія одного и того-же, я позволю себѣ высказать здѣсь слѣдующее мое мнѣніе по этому вопросу:

Удѣльные имѣнія въ Орловской губерніи, за исключеніемъ села Никольскаго, сосредоточены въ двухъ уѣздахъ. По этому не лучше-ли вмѣсто отдѣльныхъ фруктовыхъ садовъ и питомниковъ при каж-

домъ изъ приказовъ, учредить въ обоихъ уѣздахъ по одному большому питомнику, а для смотрѣнія за ними нанять опытныхъ садоводовъ, съ такимъ содержаніемъ, которое бы вполне обеспечивало ихъ семейный бытъ. Положимъ, что каждому изъ нихъ пришлось бы назначить по 300 руб. еер. жалованья въ годъ. Но при такихъ условіяхъ можно найти весьма опытныхъ людей, которые въ короткое время могли бы завести школы для прививковъ въ такомъ количествѣ, что изъ нихъ можно бы было надѣлать хорошими прививками не только удѣльныхъ крестьянъ, но и прочихъ жителей этихъ уѣздовъ, потому что тамъ нѣтъ ни одного подобнаго заведенія, а между тѣмъ нашлось бы много охотниковъ пріобрѣтать ихъ, разумѣется, по весьма умереннымъ цѣнамъ, на пр. не дороже 10 или 15 коп. за каждый четырехъ и пятилѣтній прививокъ. Лѣтъ черезъ шесть отъ продажи прививковъ могутъ быть получаемы такіе доходы, которыми не только окупятся всѣ издержки на наемъ садовниковъ, садовыя орудія и проч., но еще останется излишекъ, который можно будетъ употреблять на пріобрѣтеніе хорошихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ изъ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи садовыхъ заведеній.

Это предположеніе я основываю на томъ, что въ различныхъ селеніяхъ этихъ уѣздовъ и другихъ я видѣлъ довольно много крестьянскихъ садовъ, и владельцы ихъ мнѣ говорили, что они рады бы покупать хорошіе сорта плодовыхъ прививковъ, — да не

у кого; а приобрѣтають они ихъ кое-гдѣ, безъ разбора. Не рѣдко имъ случалось платить порядочныя деньги за дички, которыя садоводы-спекулянты, пользуясь ихъ невѣдѣніемъ, продавали имъ за привитыя деревья. Эти факты, хотя и не совсѣмъ утѣшительные, служатъ однако же доказательствомъ тому, что у крестьянъ есть желаніе заниматься садоводствомъ, но вся бѣда въ томъ, что они не знаютъ какъ приняться за это дѣло и лишены почти всякой возможности видѣть порядочно устроенныя садовыя заведенія и приобрѣтать изъ нихъ плодовые прививки для своихъ собственныхъ садовъ.

Изъ сада я зашелъ въ конюшню приказа, въ которой находились четыре племянныхъ жеребца—битюги, купленные въ 1860 году для улучшенія мѣстной породы крестьянскихъ лошадей. Это нововведеніе прекрасное, и крестьяне вполне этимъ довольны, потому что имѣютъ, наконецъ, возможность улучшить жалкую породу своихъ мелкихъ и слабыхъ лошадемокъ.

Всѣ эти жеребцы средняго роста; содержатся весьма хорошо, и можно надѣяться, что приплодъ отъ нихъ будетъ вполне удовлетворительный, если только въ послѣдствіи будетъ обращено должное вниманіе на то, чтобы будущія отъ нихъ матки не были преждевременно изнуряемы полевыми работами и, въ свою очередь, не производили бы помѣсей отъ простыхъ крестьянскихъ жеребцовъ.

Въ 9 часовъ я посѣтилъ школу, въ которой дѣтей обучаетъ учитель изъ студентовъ семинаріи.

Лучшіе ученики въ ней читали довольно хорошо по русски и по славянски и могли прочитанное объяснять своими словами; подѣ диктовку писали весьма изрядно. Прочіе изъ учениковъ читали болѣе или менѣе удовлетворительно, смотря потому, сколько времени посѣщали школу. Произношеніе ихъ при чтеніи вообще нисколько не отличается отъ того, къ какому они привыкли въ своемъ крестьянскомъ быту. Общеупотребительныя молитвы болѣею частію знали довольно твердо. Арифметическія задачи рѣшали весьма удовлетворительно; на счетахъ складывали и вычитали хорошо и довольно скоро.

Въ сравненіи съ Никольскимъ училищемъ здѣшніе ученики показались мнѣ нѣсколько менѣе развитыми; но это зависѣло оттого, что только въ послѣднее время ихъ начали приучать къ объясненію прочитаннаго своими словами, а прежнее обученіе ихъ ограничивалось преимущественно однимъ механизмомъ чтенія.

Дѣвочки, обучающіяся у сельскаго священника, читали по русски и по славянски удовлетворительно, но не могли объяснить прочитаннаго своими словами. Это въ послѣдствіи замѣчено было мною въ другихъ женскихъ школахъ, какія мнѣ удалось посѣтить въ удѣльныхъ имѣніяхъ. По моему мнѣнію, такой способъ обученія грамотѣ мало принесетъ пользы, потому что дѣвицы, по окончаніи обученія, сдѣлавшись въ послѣдствіи матерями семействъ, легко позабудутъ механизмъ чтенія при своихъ многотрудныхъ домашнихъ заботахъ, а мы-

слящія ихъ способности, не получившія въ началѣ никакого развитія, и въ послѣдствіи не разовьются, но останутся на той же степени, какъ и у безграмотныхъ женщинъ. Только выученныя наизусть молитвы и, быть можетъ, заповѣди сохранятся въ памяти, но болѣе ничего.

За каждую обученную грамотѣ дѣвочку полагается три рубля сер. вознагражденія тѣмъ лицамъ изъ сельскаго духовенства, которыя принимаютъ на себя эту обязанность. Но для обученія мальчиковъ болѣею частію приглашены окончившіе въ семинаріяхъ свой курсъ студенты, которые за свои труды получаютъ около 150 или 160 руб. сер. въ годъ и квартиру съ отопленіемъ въ самомъ училищѣ. Вообще сколько я могъ замѣтить, то на обученіе дѣвочекъ обращается меньшее вниманіе со стороны ихъ учителей, отчасти потому, что назначаемое за нихъ вознагражденіе нѣкоторыми изъ нихъ считается не совсѣмъ достаточнымъ, не смотря на то, что сначала ими заявлено было желаніе обучать дѣвочекъ безвозмездно.

— «Охотно-ли крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей въ школу?» спросилъ я учителя.

— «Большую частію не охотно; наши крестьяне не убѣдились еще въ пользѣ грамотности,» отвѣчалъ онъ. «Когда въ школу приводятъ въ первый разъ мальчиковъ, то матери ихъ вмѣстѣ съ ними плачутъ, точно въ рекруты ихъ отдаютъ.»

— «Много у васъ учениковъ?»

— «Сорокъ человѣкъ.» —

— «Изъ одного только Подывотскаго села?» —

— «Нѣтъ; есть и изъ дальнихъ деревень» —

— «У кого они живутъ?» —

— «Ихъ отдаютъ на квартиры къ нашимъ крестьянамъ.» —

— «Дорого они берутъ за это?» —

— «За каждаго мальчика въ годъ они получаютъ по 25 пудовъ муки, полпуда масла, да еще сало, крупу и коноплю.» —

— «Трудно учить крестьянскихъ дѣтей?» —

— «Трудненько. Иной мальчикъ и выговорить ничего не умѣетъ, дикъ; вотъ и бьешься съ нимъ, пока кое-какъ наладишь.» —

Дѣйствительно, при посѣщеніи сельскихъ школъ, я вполне убѣдился въ томъ, что трудъ сельскаго учителя несравненно больше, нежели трудъ преподавателя въ какомъ нибудь изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, потому именно, что сельскому учителю, ежели только онъ не ограничивается однимъ механизмомъ чтенія и письма, надобно имѣть дѣло съ нѣсколькими десятками совершенно неразвѣтыхъ, полудикихъ учениковъ, да, сверхъ того, приходится еще бороться со множествомъ другихъ препятствій, зависящихъ отъ грубости и невѣжества отцовъ и матерей этихъ дѣтей.

Возвращаясь изъ училища, я встрѣтилъ на дорогѣ двѣ группы женщинъ, которыя шли изъ лѣсу въ село и несли съ собою большія связки какой-то травы, которую я не могъ разсмотрѣть издали.

Приближаясь ко мнѣ, онѣ начали сворачивать на противоположную сторону дороги.

Желая узнать, какая это была трава и для чего онѣ ее набрали, я обратился къ первой группѣ съ просьбою остановиться и показать ее. Бабы и дѣвки искоса посмотрѣли на меня и, не отвѣтивши ни слова, ускореннымъ шагомъ пошли далѣе. Видно было, что онѣ дичились и какъ будто чего-то боялись. Я обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ слѣдующей группѣ и тѣ точно также начали уходить. Бывшій со мною голова, которому я объяснилъ мое желаніе, началъ было звать ихъ; но это не помогло: онѣ побѣжали изо всѣхъ силъ. Отстала только одна старуха, которую удалось, наконецъ, упросить остановиться. Подошедши ко мнѣ, она показала собранную ею траву. Это была душица (*Origanum vulgare* L.)

— «Для чего вы ее собираете?» спросилъ я эту женщину.

— «Мы красимъ ею шерсть.» —

— «Въ какой цвѣтъ?» —

— «Въ красный, ваше благородіе.» —

— «Какже вы приготовляете краску изъ этой травы?» —

— «Мы сперва сушимъ ее, да еще яблонные листья; потомъ, истолокши, варимъ ихъ въ водѣ, а послѣ замѣшиваемъ съ квасомъ и кладемъ туда шерстяную пряжу.» —

Я поблагодарилъ ее за отвѣтъ и возвратился въ приказъ.

Черезъ полчаса я отправился оттуда, въ направленіи къ сѣверу, въ Орлинскій приказъ.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе въ Орлинскій приказъ. Сельская школа. Ремесленное училище. Плодовый садъ. Деревенскій воринка. Азаровы. Прогулка по селу. Отъѣздъ изъ села Орліи въ Чемлыжскій приказъ. Разговоръ мой съ везшими меня удѣльными крестьянами.

Около 5 часовъ по полудни, я пріѣхалъ въ Орлинскій приказъ, находящійся въ селѣ Орліи. Въ немъ я засталъ голову, съ которымъ тотчасъ мы пошли въ школу, гдѣ въ то время продолжались еще послѣобѣденныя занятія. Въ ней находилось тогда 40 учениковъ, обучавшихъ я у скончившаго курсъ въ семинаріи студента, г. Лаврова.

По принятому мною порядку, я началъ знакомиться со свѣдѣніями сначала старшихъ, а потомъ младшихъ учениковъ. Первые читали бойко и внятно, и всѣ, безъ исключенія, удовлетворительно рассказывали своими словами прочитанные ими отрывки. Потомъ я вызвалъ одного изъ нихъ къ классной доскѣ и продиктовалъ ему цѣлую фразу, пришедшую мнѣ тогда на мысль. Онъ очень хорошо написалъ ее безъ ошибокъ. За нимъ я вызвалъ другаго, который также хорошо написалъ то, что было мною ему продиктовано, но сдѣлалъ одну ошибку.

— «Правильно ли написано?» спросилъ я у прочихъ его товарищей?

— «Вмѣсто е надобно поставить ѣ,» отвѣчало нѣсколько голосовъ, называя то слово, въ которомъ была сдѣлана ошибка.

Этого отвѣта было достаточно для того, чтобы удостовѣриться, что ученики уже приучены къ диктанту; въ противномъ случаѣ они-бы молчали и только на лицахъ ихъ можно было бы замѣтить одно удивленіе, если бы подобный вопросъ со стороны незнакомаго имъ посторонняго посѣтителя, дѣйствительно былъ для нихъ совершенно неожиданною новостію.

Младшіе ученики читали слабѣе, но и въ числѣ ихъ нашлись такіе, которые кое-какъ сумѣли однако же рассказать по своему то, что при мнѣ читали. Ясно было, что у нихъ хорошій учитель. Я заставилъ потомъ нѣкоторыхъ рассказать выученныя ими молитвы. Всѣ онѣ, безъ исключенія, были прочтены внятно и съ надлежащими разстановками и измѣненіями въ интонаціи на знакахъ препинанія.

Изъ ариѳметики рѣшено было нѣсколько задачъ, относящихся къ первымъ 4-мъ дѣйствіямъ, а потомъ и къ именованнымъ числамъ. Нѣсколько учениковъ рѣшили ихъ правильно, а главное, со смысломъ и съ весьма отчетливыми объясненіями. На счетахъ сложеніе и вычитаніе дѣлали довольно скоро и большею частію безъ ошибокъ.

Въ этомъ училищѣ я провелъ полтора часа времени съ большимъ удовольствіемъ. Смѣлые и бойкіе отвѣты учениковъ служили самымъ лучшимъ доказательствомъ, что учитель ихъ очень хорошо понимаетъ и исполняетъ свое педагогическое назначеніе.

Въ заключеніе хоромъ пѣвчихъ, изъ числа этихъ учениковъ, было пропѣто нѣсколько церковныхъ мо-

литвѣ. Пѣніе было довольно согласное и пріятное, потому что въ этомъ хорѣ было нѣсколько хорошихъ голосовъ, въ особенности одинъ альтъ.

Пожелавши имъ еще большихъ успѣховъ, я пошелъ оттуда въ ремесленное заведеніе, устроенное для обученія мальчиковъ изъ удѣльныхъ крестьянъ различнымъ ремесламъ. На дорогѣ мнѣ встрѣтился депутатъ этого приказа, г. Л., съ которымъ я тотчасъ познакомился, и мы отправились съ нимъ вмѣстѣ.

Ремесленное заведеніе помѣщается въ отдѣльномъ домѣ. Въ то время въ немъ находилось 20 учениковъ, изъ числа которыхъ 9 человѣкъ обучались столярному ремеслу, а прочіе слесарному, кузнечному и выдѣлкѣ овчинъ подъ руководствомъ трехъ мастеровъ изъ удѣльныхъ крестьянъ. Разныя ихъ издѣлія были вообще довольно хороши, какъ столярныя, такъ и металлическія; выдѣлка овчинъ, по случаю лѣтняго времени, не производилась, и потому я ихъ не видалъ.

Мысль учрежденія подобнаго заведенія, по моему мнѣнію, чрезвычайно полезна, потому что въ средѣ крестьянъ всегда могутъ найтись весьма искусные работники, которые, обучившись какому нибудь ремеслу, будутъ всегда полезными для другихъ своихъ односельцевъ своими издѣліями, которыя и для нихъ самихъ могутъ доставлять болѣе средствъ къ жизни, нежели исключительныя занятія только однимъ земледѣліемъ.

Главная цѣль учрежденія этого ремесленнаго заведенія и состояла въ томъ, чтобы удѣльнымъ

крестьянамъ доставить возможность заказывать необходимые въ ихъ домашнемъ быту предметы, какъ то: рамы, столы, замки, ключи, топоры и проч. въ своей деревнѣ, а не въ городѣ, гдѣ приобрѣтеніе ихъ обходилось бы имъ гораздо дороже.

Для обученія каждого мальчика въ этомъ заведеніи назначается не болѣе трехъ лѣтъ. Хотя въ такой короткій срокъ и нельзя сдѣлаться очень хорошимъ мастеромъ; но этого времени очень достаточно для предположенной цѣли, какъ это извѣстно уже изъ полученныхъ результатовъ. Въ продолженіе своего обученія всѣ мальчики содержатся на общественный счетъ. Въ іюлѣ и августѣ ихъ отпускаютъ въ свои дома для исполненія сельскихъ работъ. По окончаніи обученія каждому мальчику, въ его селеніи, устроивается, на счетъ удѣла, мастерская и даются всѣ необходимые для производства работъ инструменты. За все это они обязываются заплатить соотвѣтствующую цѣну по истеченіи двухъ льготныхъ лѣтъ и, сверхъ этого, каждый ремесленникъ, за свое обученіе обязанъ прожить не менѣе шести лѣтъ въ своемъ селеніи, послѣ чего онъ освобождается отъ всякаго обязательства.

Изъ ремесленного заведенія мы пошли въ плодовый садъ, также недавно заведенный, какъ и при Подывотскомъ приказѣ. Въ одномъ углу его, въ густой травѣ, росли сѣянцы для будущей школы. Сюда пришелъ и сельскій учитель. Изъ разговора съ нимъ и головою, я узналъ, что оба они умѣютъ окулировывать плодовые деревья, но прививка имъ

незнакома, хотя они и очень бы желали ей научиться. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я показалъ имъ нѣсколько способовъ прививки и предложилъ тотчасъ-же заняться приращеніемъ этого садика — въ нѣсколько лучшій порядокъ. Позвали изъ школы учениковъ, которые еще не успѣли разойтись по домамъ и заставили ихъ очищать траву и разрыхлять почву вокругъ прививковъ. Мы занялись обрѣзкою сунцевъ на прививкахъ и подвязываніемъ ихъ къ кольямъ. Объясненныя мною правила обрѣзыванія вѣтвей были поняты весьма хорошо. Работа въ саду, какъ говорится, закипѣла, такъ что къ сумеркамъ мы успѣли привести его въ довольно приличный видъ.

Эти мирныя наши занятія въ саду были однако же прерваны маленькою, впрочемъ довольно обыкновенною въ сельскомъ быту, драматическою сценою:

Въ то время, когда мы работали, мимо сада проѣхалъ какой-то господинъ въ телѣжкѣ, запряженной тройкою обывательскихъ лошадей. Мы, можетъ быть, и не замѣтили-бы его, если-бы слегка побрякивавшій колокольчикъ на дугѣ его коренной не заставилъ насъ обратить на него вниманіе. Спустя полчаса мы услышали тотъ-же звонъ колокольчика. Взглянувши черезъ рѣшетку палисадника, мы снова увидѣли того-же господина, который ѣхалъ довольно скоро назадъ и остановился возлѣ приказа. Въ его телѣжкѣ сидѣлъ со связанными поотенцемъ руками молодой крестьянинъ и благимъ матомъ стоялъ и охалъ, упрашивая отпустить его.

Голова побѣжалъ въ приказъ, а я изъ любопытства подошелъ къ палисаднику, чтобы посмотреть на эту деревенскую сцену.

— «Батюшка-баринъ! Отецъ родной! Простите, я ни въ чемъ не виноватъ!» плаксивымъ голосомъ умолялъ мужичекъ привезшаго его въ приказъ господина.

— «Не прощу тебя мошенникъ! Не воруй по дорогамъ!» отвѣчалъ ему баринъ и потребовалъ сотскаго, чтобы отправить этого крестьянина къ становому. Съ этими словами, онъ вошелъ въ приказъ и написалъ тамъ свое донесеніе.

Дѣло было вотъ въ чемъ:

Когда за деревней этотъ господинъ тихо ѣхалъ, поднимаясь на гору, сзади подкрался къ нему этотъ крестьянинъ и началъ вытаскивать изъ телѣги пальто, лежавшее возлѣ него съ боку. Онъ сначала этого не замѣтилъ; но на бѣду ворюшки, одна нога пальта была прижата сидѣвшимъ на ней господиномъ. Мужичку пришлось потянуть свою добычу сильнѣе: баринъ оглянулся и увидѣлъ свое пальто уже въ его рукахъ. Тогда онъ соскочилъ съ телѣги; схватилъ его; связалъ ему руки и усадивши его, съ помощію своего ямщика, въ телѣгу, привезъ въ приказъ. Видя, что плохо приходится, воръ притворился пьянымъ и началъ увѣрять барина и крестьянъ столпившихся возлѣ приказа, что онъ ни-въ-чемъ не виноватъ и что съ пьяна самъ не помнитъ, какимъ образомъ онъ рѣшился сдѣлать такой поступокъ.

Но это не помогло. Скоро пришелъ сотскій, и надѣвши ему на ноги кандалы, повелъ его въ станъ. Арестантъ, идучи по деревнѣ, плакалъ и все только божился и клялся, увѣряя, что онъ ни-въ-чемъ не виноватъ.

— «Онъ изъ вашего села? спросилъ я стоявшихъ возлѣ налесаdnика крестьянъ.

— «Нѣтъ, онъ не здѣшній; но мы его знаемъ; у него есть еще такой-же братъ. Они вотъ — все шатаются по деревнямъ, будто лошадей покупаютъ у крестьянъ, а только и дѣлаютъ, что пробавляются возлѣ кабаковъ.» — (*)

— «Не воруютъ они лошадей?» —

— «Кто ихъ знаетъ! Пока не попались, стало быть, не воруютъ,» отвѣчалъ съ усмѣшкою одинъ крестьянинъ который, вѣроятно въ душѣ былъ вполне убѣжденъ, что это конокрады, а можетъ быть и дѣйствительно зналъ объ этомъ, но только боялся высказать свое мнѣніе.

— «Случаются однако-же у васъ покражи лошадей?» спросилъ я этого мужичка.

— «Какъ же! случаются. Вотъ недалеко отсюда есть одна деревня, *Свѣтова* называется. Года съ два тому назадъ въ ней жили два мужика: отецъ съ сыномъ; такъ они этимъ занимались, да все имъ съ рукъ сходило.» —

— «Почему такъ?» —

(*) Описывая мои разговоры съ крестьянами, я буду, по мѣрѣ возможности, сохранять нѣкоторые отгѣнки мѣстнаго ихъ произношенія. А. Т.

— «Да такъ. Умѣли концы сводить. Отецъ (звали его Кондратомъ Азаровымъ) и въ острогъ сидѣлъ; да оттуда его выпустили и оставили въ по-дозрѣніи.» —

— «Гдѣ же они теперь находятся?» —

— «А кто ихъ знаетъ. Ушли со всею своею семьею, такъ что ихъ и слѣдъ простылъ.» —

— «По какой причинѣ?» —

— «Человѣка одного убили.» —

— «За что?» —

— «Невѣдомо за что; но должно быть гнѣвы на него были за то, что онъ показалъ на нихъ, что они коней крали.» —

— «Расскажи мнѣ: какъ было дѣло?» —

— «Да вотъ какъ: когда выпустили Кондрата изъ острога, то онъ сталъ проситься, чтобы ему позволили переселиться и перечислиться въ другое свободное сословіе. Ему не позволили этого сдѣлать, потому что онъ состоялъ тогда подъ слѣдствіемъ за воровство. Вотъ онъ, долго не думая, и ушелъ, а семью свою оставилъ при сынѣ. Дѣло было по веснѣ, когда крестьяне уходятъ на заработки на Донъ. Найти его не могли; такъ и забыли объ немъ. Только что же послѣ того случилось? На святкахъ, такъ, передъ новымъ годомъ, одинъ изъ свѣтовскихъ крестьянъ выѣхалъ изъ своего двора, рано, до зорьки, къ другому односельцу своему. Хотѣли, вишь, они вмѣстѣ отправиться на базаръ, продавать деревянную посуду. Не знаю уже, какъ случилось, да только когда онъ ѣхалъ

огородомъ Азаровыхъ, то на него и нанали отецъ съ сыномъ. Откуда уже Кондрать взялся, и не вѣдаю; но должно быть онъ скрывался у своихъ, и замысливъ недоброе, они вѣрно давно уже подстерегали этого мужика. Ну и подстерегли. При нихъ была будка, что козыремъ у насъ называютъ. Вотъ они его вытащили изъ саней; посадили въ свей козырь и вывели за деревню. А тамъ давай его бить гирями: сперва пятифунтовою, а потомъ десятифунтовою. Избили они его, сердечнаго, до смерти и оставили въ полѣ, а сами уѣхали. Полежалъ онъ тамъ, да таки очнулся, и кое какъ приползъ ко двору другаго крестьянина. Онъ посадилъ его на салазки и привезъ къ тому односельцу, съ которымъ они хотѣли ѣхать на базаръ. Этотъ привезъ уже его ко двору, гдѣ онъ скоро и померъ; да только успѣлъ поразсказать, что съ нимъ произошло. Дали знать въ приказъ. Голова тотчасъ распорядился, чтобы искать Азаровыхъ, и послалъ за ними выборнаго, да еще одного крестьянина. Скоро они и нашли сына Кондратова, Василя. А ѣздили они особнякомъ, каждый на своихъ саняхъ. Вотъ какъ они взяли его, то выборный посадилъ его на свои сани и повезъ; а другой крестьянинъ поѣхалъ за ними у слѣдъ. Подѣзжая къ деревнѣ Свѣтовой, онъ и отсталъ маленько отъ нихъ, а выборный куда-то заглядѣлся въ сторону. Замѣтилъ это Азаровъ, да какъ вдарилъ его въ грудь, такъ онъ и вывалился изъ саней; а самъ вдарилъ по лошади и давай уходить отъ нихъ. Пока другой крестьянинъ доѣхалъ до выборнаго,

Василій былъ уже далече. Однакоъ они догнали его. Тогда Азаровъ вытащилъ топоръ изъ саней и давай имъ грозить. «Головы», говоритъ, «сѣку, коли подступите ко мнѣ!» — Ну, нечего дѣлать! они трусили и воротились въ деревню; а онъ ускорилъ. Началось слѣдствіе и дѣло затянулось. Ни отца, ни сына, не могли найти, а тѣмъ временемъ они успѣли увезти всю свою семью. Не захватили только шестилѣтней дочери Василя. Ее отдали къ ихъ роднѣ. Только потомъ и ее увезъ самъ Василій. Съ той поры объ нихъ, ни слуху, ни духу! — Вотъ какіе были ловкіе мошенники!» —

— «Не ужели никто изъ крестьянъ не видалъ ихъ потомъ, если они могли такъ обдѣлать свои дѣла?» —

— «Можетъ кто и видѣлъ, да не сказывали, боялись. Вѣдь кабы кто ихъ поймалъ, ему не прошло-бы это даромъ?» —

— «А что могло-бы быть?» —

— «Да они сожгли-бы за это избу, а то и цѣлую деревню. Вотъ тутъ и раздѣлывайся своими боками, какъ знаешь. Они вѣдь и прежде такъ пугали и не разъ грозили пожаромъ. Что тутъ будешь дѣлать? Пропадай они совсѣмъ! Кто на нихъ покажетъ, — вѣдь раззорять въ конецъ!» —

Точно такія сужденія, благопріятствующія укрывательству различнаго рода уголовныхъ преступниковъ, мнѣ случалось и прежде слышать отъ крестьянъ. Угрозы пожарами со стороны различныхъ негодяевъ, появляющихся въ крестьян-

скомъ сословіи, составляютъ самое обыкновенное явленіе; оттого и трудно бываетъ иногда открывать преступниковъ, терпимыхъ крестьянами въ своей средѣ, вовсе не потому, чтобы они имъ потворствовали, но единственно изъ одной только боязни подвергнуться ихъ мщенію и лишиться всего своего достоянія отъ злоумышленныхъ поджоговъ.

Въ сумерки, г. депутатъ предложилъ мнѣ прогуляться вдоль села. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и мы тотчасъ отправились.

Возлѣ приказа и ближайшихъ къ нему крестьянскихъ избъ стояли и сидѣли группами крестьяне, собравшіеся въ то время на мірской сходъ.

— «По какому случаю у васъ назначенъ сходъ?» спросилъ я депутата.

— «Для совѣщаній объ общественной запашкѣ. Съ будущаго года она прекратится, а землю велѣно отдать въ наймы крестьянамъ. Вотъ и будемъ толковать съ ними. Можетъ быть пріѣдетъ сюда и г. управляющій.» —

— «А какъ слышно: согласны ли будутъ удѣльные крестьяне взять эту землю въ арендное содержаніе?» —

— «Не могу сказать вамъ; но молва идетъ между ними, чтобы не брать. Они надѣются, что имъ и даромъ отдадутъ ее, и разсуждаютъ по своему, точно также, какъ и помѣщичьи крестьяне.» —

— «А что будете дѣлать, если и въ самомъ дѣлѣ они не согласятся на сходъ взять ее въ аренду?» —

— «Мы отдадимъ ее другимъ крестьянамъ: государственнымъ, или помещичьимъ; тогда и пожалуютъ наши, если откажутся взять теперь. Да только я не думаю, чтобы такъ случилось, потому что удѣльные нуждаются въ землѣ: у нихъ самихъ ее мало. Сначала, пожалуй, они будутъ упорствовать; но потомъ обдумаются, возьмутъ!» —

— «На какихъ условіяхъ?» —

— «Точно я не знаю еще; но слышалъ, что не дорого: рубля до 4 съ десятины, считая въ томъ числѣ и паровыя. Эта земля у насъ вѣдь самая лучшая, потому что ее постоянно удобряли.» —

На дорогѣ, почти по срединѣ села, мы спустились подъ гору къ искусственной запрудѣ, устроенной съ тою цѣлю, чтобы удерживать въ небольшой ложинѣ воду, необходимую для крестьянскаго скота и мытья бѣлья, по немѣнѣю рѣки въ этомъ селѣ. Тутъ подошелъ къ намъ пожилой крестьянинъ и обратился къ депутату съ слѣдующими словами:

— «Не изволите-ли знать, ваше благородіе: будетъ къ намъ самъ г. управляющій, али нѣтъ?» —

— «Обѣщалъ быть. А тебѣ вѣрно надобно просить его о чемъ нибудь?» —

— «Да, мы думаемъ просить его, чтобы приказалъ отпустить намъ лѣску: надобно-бы поправить эту запруду; а то въ ней очень мало стало воды. Сухмень какая вотъ стоитъ уже сколько недѣль! А тутъ еще и вода плохо держится.» —

— «Ну, чтоже? просите; онъ вѣрно прикажетъ отпустить вамъ лѣсу,» отвѣчалъ депутатъ.

— «Надобно, надобно намъ лѣску,» продолжалъ крестьянинъ, «а то воды совсѣмъ нѣтути. Прежде ее много тутъ держалось; караси даже въ ней водились, а теперь вотъ всѣ перевелись: негдѣ имъ жить-то.» —

— «Почему вы не насаждаете ракигъ вдоль этой запруды?» спросилъ я его. «Разрослись, онѣ-бы крѣпче держали запруду своими корнями.» —

— «Мы насадимъ и ракигъ,» отвѣчалъ крестьянинъ, «да только надобно сперва запруду починить.» —

— «Почему же вы прежде не насадили ихъ, когда много было здѣсь воды?» —

— «Не въ домекъ тогда было. Намъ и начальство все объ этомъ говорило, да мы думали, что и такъ обойдется; а вотъ теперь и вышло плохое дѣло!» —

Въ это время мы услышали звонъ почтоваго колокольчика. Бывшіе на улицѣ крестьяне зашевелились, а тѣ, которые сидѣли, или лежали на землѣ, встали и начали оправляться.

— «Должно быть ѣдетъ управляющій?» слышалось въ толпѣ.

— «Нѣтъ, это не онъ,» замѣтилъ кто-то. «Ему надобно быть изъ Чемлыжа, а это съ другой стороны звѣнать.» —

— «Да чтожъ что съ другой стороны,» подхватилъ первый голосъ; «ему не впервой такъ ѣздить! Ждешь его съ одной стороны, а онъ вотъ прикатитъ съ другой.» —

По предложенію депутата, мы возвратились въ приказъ, къ которому въ то время подъѣхалъ тарантасъ.

Оказалось, что вмѣсто г. управляющаго, прибылъ чиновникъ изъ удѣльной конторы и объявилъ депутату, что г. управляющій поѣхалъ по другимъ приказамъ, а ему поручилъ присутствовать на сходѣ въ этомъ селѣ.

Почти со всѣмъ стемнѣло. Между блестящими звѣздами въ зенитѣ виднѣлась прекрасная комета, хвостъ которой въ то время былъ еще очень замѣтенъ на темномъ фонѣ безъоблачнаго неба. Прибывшій чиновникъ рѣшилъ съ депутатомъ отложить сходъ до слѣдующаго утра и распустить крестьянъ.

Мнѣ не удалось присутствовать на этомъ сходѣ, потому что на другой день, въ 7 часовъ утра, я поѣхалъ далѣе въ Чемлыжскій приказъ. На козлахъ моего тарантаса усѣлись два мужичка, править лошадьми.

— «Почему вы вдвоемъ вздумали ѣхать со мною?» спросилъ я этихъ молодыхъ парней.

— «У насъ разныя лошади: правая пристяжная—моя, а у него двѣ другія», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ возжу своей пристяжной.

— «Развѣ ты боишься ввѣрить свою лошадь товарищу твоему?»

— «Для ча? Оно можно, да все лучше, какъ самъ ѣдешь.»

Ясное небо и совершенная тишина въ воздухѣ предвѣщали жаркій день.

— «Не даетъ намъ Богъ дожжыка,» заговорилъ парень съ одною пристяжною.

— «Давно здѣсь не было дождя?» спросилъ я его.

— «Давно; недѣль съ пять будетъ.»

— «Стало быть хлѣба у васъ плохо растутъ?»

— «Плохо, ваше благородіе; а пуще всего, что конопель у насъ весь пропалъ: блоха поѣла всѣ всходы, а гдѣ и совсѣмъ онъ еще не взошелъ отъ засухи. Въ другой разъ уже кое-кто у насъ посѣялъ коноплю; а того гляди, что и ее поѣстъ блоха, какъ начнетъ всходить.»

— «А ежели скоро дожди пойдутъ, поправятся еще ваши коноплянники?»

— «Много не поправятся; но все таки хоть что нибудь да родится.»

— «Кто у васъ покупаетъ пеньку и конопляное масло?»

— «Изъ Сѣвска купцы наѣзжаютъ: ииъ и продаемъ.»

— «По какой цѣнѣ?»

— «Всякъ бываетъ; какъ придется. Въ прошломъ году у насъ продавали пеньку по полтора рубли и по шести ассигнаціями за пудъ.»

— «А масло?»

— «Масло покупали у насъ по рублю сер. и по 4, даже по 4 р. 50 к. ассигнаціями съ пуда. Масло вѣдь тоже разное бываетъ: въ хорошій урожай оно тяжелѣе.»

— «Много-ли получается масла съ пуда коноплянаго сѣмени?»

— «Съ пуда я не знаю, а вотъ съ трехъ пудовъ въ хорошіе урожай выходитъ до семи квартъ.»

— «Сѣютъ-ли у васъ подсолнечникъ?»

— «Такъ, кое-кто на огородахъ сѣетъ, дѣвкамъ, да бабамъ забавляться по праздникамъ.»

— «А на поляхъ не сѣютъ?»

— «У насъ этого нѣтъ.»

— «Хорошо ли онъ вызрѣваетъ на огородахъ?»

«Хорошо.»

— «Рѣну у васъ сѣютъ?»

— Нѣтъ, у насъ ее не сѣютъ.»

— «Почему?»

— «Не можемъ вамъ сказать; а должно быть плохо родится.»

— «Хороша у васъ земля?»

— «Подъ Сѣвскомъ еще ничего, а подаль все плохая, тощая. Да у насъ ее и мало.»

— «Чѣмъ же промышляютъ ваши крестьяне? Не ужели одною только коноплею?»

— «А то чѣмъ-же еще?— все больше одною коноплею. Иные ходятъ еще на заработки въ донскую землю.»

— «По многу-ли они приносятъ оттуда съ собою денегъ?»

— «Не ровно бываетъ. Въ урожайные годы приносятъ рублей по 30 и по 40 серебромъ, а въ плохія годы по 15 и даже по 10, такъ что и въ казну нѣчемъ бываетъ платить подати.»

Эти толковыя отвѣты мужичка, которому поддакивалъ его товарищъ, меня очень заинтересовали, и я спросилъ у нихъ: «знаютъ-ли они грамоту?»

— «Нѣтъ, мы не учились.»

— «Почему? Вѣдь у васъ есть школа.»

— «Кабы мы были помоложе теперь, то мы-бы учились, а то прежде мы и другіе наши ребята боялись ходить въ нее.»

— «Отчего?»

— «Тамъ такой былъ учитель, что у всѣхъ отбивалъ охоту къ ученію. Только и зналъ, что увѣщевалъ все вѣниками! Идешь, бывало, мимо школы, а тамъ только и слышно, что ревуть ребяташки. Поролъ онъ ихъ тамъ больно!»

— «А теперь какъ учать?»

— «Нынѣ тамъ этого совсѣмъ нѣтъ. Управляющій строго-на-строго запретилъ сѣчь ребятъ; вотъ и увѣщеваютъ ихъ только словами. Да къ томужъ учитель нашъ добрый такой! Всѣ его любятъ. Ну и учатся у него хорошо и очень охотно ходятъ наши ребята въ школу.» —

— «А дѣвочекъ у васъ какъ учать?» —

— «Въ Орліи еще ничего, а вотъ въ томъ селѣ, что можетъ вы видѣли, когда подѣзжали изъ Подывотья къ Орліи, — тамъ лѣниво ихъ учать: оттого крестьяне и не хотятъ отдавать своихъ дѣвчатъ туда въ ученье.» —

Слушая эти рассказы, я невольно призадумался. Сколько истинъ, взятыхъ прямо съ натуры, заключалось въ словахъ этого безграмотнаго, простаго мужичка. Свои мысли онъ ни откуда не могъ позаимствовать, потому что въ жизнь свою ничего не читалъ, не зная грамоты; а между тѣмъ и въ тѣсной сферѣ своей обыденной жизни подмѣтилъ то, на что просвѣщенные у насъ люди еще такъ не-

давно обратили свое вниманіе. Много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ у насъ заговорили о вредѣ и безнравственности тѣлесныхъ наказаній въ педагогическомъ отношеніи? Неужели только теперь поняли все зло, отъ нихъ происходящее? Да и вездѣ-ли въ нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ уничтожены эти жестокія и ни къ чему не ведущія мѣры? Навѣрное—нѣтъ. И вотъ не образованный молодой мужичекъ, которому удалось узнать только двухъ сельскихъ педагоговъ, сразу понялъ и оцѣнилъ достоинство ихъ увѣщаній—вѣниками и словами, какъ онъ выразился. А между тѣмъ въ высшихъ нашихъ сословіяхъ еще очень многіе раздѣляютъ мысль, что нравственность русскаго крестьянина и его лѣность возможно исправлять только тѣлесными наказаніями. Отчего происходятъ такія убѣжденія? Неужели вслѣдствіе жестокаго нрава лицъ, раздѣляющихъ это мнѣніе?— Не думаю. Мнѣ кажется, что это только обычай, укоренившійся съ самыхъ отдаленныхъ древнихъ временъ. Очень часто случается, что родители высшаго сословія наказываютъ своихъ дѣтей розгами, вовсе не изъ злобы на нихъ, а такъ, чтобы поучить ихъ уму-разуму, отбучить отъ капризовъ, которые сами-же развиваютъ въ своихъ дѣтяхъ, не умѣя ихъ воспитывать и не находя въ себѣ достаточнаго терпѣнія—этого краеугольнаго камня въ педагогическомъ отношеніи.

Въ доказательство, что можно учить дѣтей съ успѣхомъ, не прибѣгая ни къ какимъ наказаніямъ, можно указать на воскресныя школы. Въ Орлѣ въ

нихъ обученіе идетъ довольно успѣшно; нисколько не хуже, чѣмъ въ подобныхъ имъ официальныхъ заведеніяхъ; но между тѣмъ въ нихъ ученикамъ не дѣлается даже и обыкновенныхъ выговоровъ. Кажется этого примѣра достаточно, чтобы оцѣнить достоинство нынѣшняго гуманнаго воспитанія предъ стариннымъ, основаннымъ на инквизиціонныхъ началахъ.

— «Вонъ и Чемлыжъ видѣнъ,» — замѣтилъ мой разговорчивый возникій, указывая на сѣверо-восточную часть горизонта, гдѣ между сѣренскими крестьянскими строеніями возвышалась бѣлая каменная церковь и красѣли двѣ крыши на зданіяхъ приказа и сельской школы.

Я развернулъ свою дорожную карту орловской губерніи, составленную г. м. Шубертомъ, чтобы удостовѣриться: точно-ли на ней обозначено это село. Но названіе его тамъ оказалось вовсе пропущеннымъ. Въ 10 часовъ я былъ уже въ Чемлыжскомъ приказѣ.

ГЛАВА IX.

Чемлыжскій приказъ. Фруктовый садъ. Сельская школа. Племенные жеребцы. Телята тирольской породы. Употребленіе камыша въ с. Чемлыжъ. Осенняя ловля домашнихъ гусей. Въ какой степени пьянство развито между крестьянами въ орловской губерніи. Отъездъ въ Голышинскій приказъ. Полевые майки. Разговоръ съ крестьяниномъ по поводу распространенія между ними грамотности. Дрофы. Вліяніе почвы на распространеніе грачей. Посѣщеніе школы въ селѣ Голышинѣ. Фруктовый садъ. Отъездъ въ д. Лагиревку. Запруда въ селѣ Асовицѣ.

Въ 10 часовъ утра я пріѣхалъ въ Чемлыжскій приказъ. По случаю воскреснаго дня въ немъ не было головы, а находился только дежурный старшина. — «Кто учитъ дѣтей въ здѣшней школѣ?» спросилъ я его.

— «Нашъ священникъ, отецъ Алексѣй», отвѣчалъ онъ.

— «Сходи къ нему и попроси его: нельзя-ли созвать хоть нѣсколькихъ учениковъ въ школу, въ которой я хотѣлъ-бы теперь побывать.» —

Старшина тотчасъ отправился въ домъ священника и, возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ, что отецъ Алексѣй съ удовольствіемъ готовъ исполнить мое желаніе и черезъ часъ ученики будутъ собраны въ школѣ.

Въ ожиданіи этого, я пошелъ осматривать фруктовый садъ при приказѣ. Въ немъ школы для прививковъ тогда еще не было, а посаженные на мѣ-

стахъ деревья росли довольно плохо. Видно было, что большая часть изъ нихъ находилась въ болѣзненномъ состояніи. Я обратилъ вниманіе на почву и попросилъ бывшаго со мною тамъ старшину выкопать небольшую ямку до самой подпочвы. Это было тотчасъ исполнено, и я увидѣлъ, что почва въ этомъ саду состоитъ изъ песчанистаго чернозема, глубиною около одного аршина, но, по недостатку въ ней глинистыхъ частицъ, весьма суха и разсыпается на подобіе золы. Изъ этого можно было заключить, что посаженные на ней прививки болѣютъ отъ недостатка влажности и нуждаются въ сильномъ искусственномъ орошеніи. Вся мѣстность подъ садомъ совершенно открытая и довольно высокая, и потому даже непродолжительныя засухи могутъ быть весьма неблагопріятными для плодовыхъ деревьевъ. По моему мнѣнію, въ этомъ саду, съ лучшимъ успѣхомъ, можно-бы разводить грушевыя деревья, потому что онѣ болѣе любятъ сухую почву, нежели яблони.

Скоро пришелъ въ садъ и сельскій священникъ, который сообщилъ мнѣ, что онъ очень любитъ заниматься садоводствомъ и съ охотою готовъ бы былъ развести въ Чемлыжѣ школу для прививковъ, если-бы ему отвели для этой цѣли небольшой участокъ земли и назначили какого нибудь крестьянина для необходимыхъ въ саду работъ. При такихъ условіяхъ отецъ Алексѣй охотно-бы согласился безвозмездно раздавать удѣльнымъ крестьянамъ прививки изъ его школы для ихъ собственныхъ садовъ.

Эта мысль мнѣ очень понравилась, и я думаю, что приведеніемъ ея въ исполненіе можно-бы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть цѣли учрежденія фруктовыхъ питомниковъ при приказахъ.

Изъ сада мы отправились съ нимъ въ школу, гдѣ къ тому времени успѣли собраться почти всѣ ученики и ученицы. По списку въ ней числилось тогда 45 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. Я началъ знакомиться съ ихъ познаніями.

Мальчики читали довольно бойко, но, къ сожалѣнію, безъ всякихъ остановокъ на знакахъ препинанія. Замѣтно было также, что они не приучены рассказывать прочитаннаго своими словами, такъ что изъ нѣсколькихъ школьниковъ только двое могли кое-какъ рассказать то, что при мнѣ читали. Общеупотребительныя молитвы знали твердо, но произносили ихъ почти не переводя духу. Подъ диктовку одинъ изъ старшихъ учениковъ написалъ хорошо. Изъ разсмотрѣнныхъ мною ученическихъ тетрадей для чистописанія, замѣтно было, что на этотъ предметъ обращено было много вниманія: тетради были въ большемъ порядкѣ и написанное въ нихъ, хотя и по линейкамъ, отличалось хорошимъ почеркомъ и чистотою. Я заставилъ потомъ всѣхъ мальчиковъ въ одно время сдѣлать нѣсколько задачъ сложенія на счетахъ. Большею частію они слагали правильно и скоро.

Дѣвочки читали посредственно, но потому что были еще очень молоды, не старѣе 9—10 лѣтъ, и недавно только начали обучаться грамотѣ.

Изъ школы я пошелъ взглянуть на племенныхъ жеребцовъ, находящихся при приказѣ. Ихъ было семь. Изъ нихъ одинъ былъ больной, а всѣ прочіе находились въ хорошемъ состояніи. Отъ нихъ у 97 крестьянскихъ матокъ ожидается приплодъ въ нынѣшнемъ году. Крестьяне чрезвычайно довольны этимъ новымъ для нихъ учрежденіемъ.

Изъ конюшенъ я пошелъ, съ находившимся при нихъ ветеринарнымъ ученикомъ, по селу, чтобы у нѣкоторыхъ крестьянъ посмотреть телятъ, полученныхъ отъ племеннаго быка тирольской породы, купленнаго для крестьянскаго стада.

Весь приплодъ отъ этого быка въ прошломъ году состоялъ изъ 16 штукъ.

На первомъ крестьянскомъ дворѣ, куда привелъ меня мой чичероне, находился бычекъ, съ весьма хорошими формами тѣла, ясно показывавшими его тирольскую породу.

— «Довольна-ли ты своимъ теленкомъ?» спросилъ я хозяйку, молодую и здоровую бабу, когда она показала мнѣ своего теленка.

— «Надоѣлъ онъ мнѣ, окаанный! Мы хотимъ его зарѣзать», отвѣчала она.

— «Почему?» —

— «Работа приспѣла на полѣ, а я одна тутъ въ домѣ съ мужемъ. Кому-же за нимъ смотрѣть? Нельзя его такъ оставлять по цѣлымъ днямъ, когда мы будемъ на работѣ.» —

— «А попросить развѣ нѣкого, чтобы присматривать за нимъ на это время?» —

— «Нѣкого; всѣ теперь заняты своимъ дѣломъ. Мы съ зари ходимъ на работу въ поле, а избу запираемъ.» —

— «Въ такомъ случаѣ лучше продайте кому нибудь, кто могъ-бы сберечь его, чтобы онъ жилъ, да росъ въ вашей деревнѣ; иначе у васъ никогда не разведется хорошій скотъ, если вы будете его только убивать.» —

— «Кто-же его купить? Кабы телка была, тогда-бы еще ни што!...»

— «Продай мнѣ: я у тебя его куплю,» замѣтилъ ей ветеринаръ.

— «Погляжу; съ мужемъ поговорю; можетъ и продадимъ его тебѣ,» отвѣчала она въ раздумѣ.

На другихъ дворахъ также были бычки и телки. Замѣтно было, что крестьянки особенно дорожили послѣдними и лучше ухаживали за ними. На одномъ дворѣ старуха, показывая мнѣ своихъ телокъ, недѣль шести или семи отъ роду, съ особеннымъ удовольствіемъ хвалилась ими, потому что на полевые работы она не ходила, а сидѣла дома съ маленькими своими внучатами, и потому для нее не составляло особеннаго труда смотрѣть и за телками.

— «Чѣмъ ты ихъ теперь поишь?» спросилъ я ее.

— «Я имъ даю еще молочко, разбавленное теплою водицей,» отвѣчала она; «мнѣ такъ и приказано.» —

— «Она хорошо содержитъ своихъ телочекъ,» прибавилъ ветеринаръ, «и исполняетъ все, что ей мною приказано; а вотъ другихъ крестьянъ ни какъ нельзя уговорить, чтобы они постепенно приучали къ водѣ своихъ телятъ. Попоятъ они ихъ моло-

комъ недѣльки двѣ, много три, а тамъ вдругъ перестанутъ и начнутъ давать холодную воду. Ну, телята и портятся отъ этого: плохо растутъ и шерсть на нихъ грубѣетъ.» —

Изъ села мы пошли на лугъ, гдѣ въ особенной загородкѣ изъ плетня, на берегу рѣчки, содержались болѣе взрослые телята. Тамъ ихъ было штукъ десять отъ тирольскаго быка. Четыре телки изъ нихъ были хороши и статями болѣе походили на быка, нежели на своихъ матокъ.

На обратномъ пути я замѣтилъ возлѣ крестьянскихъ строеній нѣсколько плетней, сдѣланныхъ изъ камыша. Эти камыши толстыми слоями были прирѣплены къ поперечнымъ жердямъ. Изъ нихъ же были выстроены стѣны нѣкоторыхъ сараевъ, а на другихъ однѣ только кровли. Ветеринаръ сказалъ мнѣ, что камышевые крыши прочнѣе соломенныхъ и плетни изъ камыша также довольно хороши.

— «Много домашней птицы у крестьянъ? спросилъ я его.

— «Гусей очень много, утокъ мало, а индѣекъ у насъ вовсе не разводятъ.» Отвѣчалъ онъ.

— «Почему?» —

— «Трудно ихъ разводить: много пропадаетъ отъ недосмотра, да и кормить ихъ дорого обходится; а вотъ гуси у насъ лѣтомъ ничего не стоятъ.» —

— «Отчего такъ? развѣ имъ вовсе не даютъ корма, когда они возвращаются домой на ночь?» —

— «Да они у насъ и не приходятъ ко дворамъ, а все лѣто живутъ на рѣкѣ.» —

— «А не дичають они такимъ образомъ?» —

— «Совсѣмъ дѣлаются дикими; осенью даже цѣлыми стаями улетаютъ, такъ и пропадаютъ совсѣмъ.» —

— «Какъ же крестьяне ловятъ ихъ осенью?» —

— «Они ихъ тогда палками подбиваютъ на рѣкѣ. Соберутся всей деревней, да и давай швырять въ нихъ чѣмъ попало. Иныхъ и со всѣмъ убиваютъ, а другимъ перешибаютъ крылья, либо ноги; потомъ ихъ уже ловятъ. Молодыхъ только гусей не подбиваютъ: тѣ сами уже выходятъ изъ рѣки, какъ только будутъ пойманы старые.» —

Быль 2-й часъ послѣ полудня. День былъ ясный, тихій и очень жаркій. Пользуясь праздничнымъ днемъ, крестьяне въ это время отдыхали, и потому никого не было видно на улицѣ въ этомъ большомъ селѣ, по которому я прошелъ во всю его длину. Замѣчательно, что во все время моего путешествія по орловской губерніи, ни въ одномъ селеніи, даже въ праздничные дни, я нигдѣ не встрѣтилъ ни одного пьянаго человѣка, между тѣмъ какъ въ черниговской губерніи, и въ особенности въ кievской, по воскреснымъ днямъ, пьяные крестьяне мнѣ попадались очень часто. Даже въ самомъ Кіевѣ пьяныхъ людей изъ простаго народа я встрѣчалъ очень много по улицамъ. Трудно предположить, чтобы причина такого различія въ количества употребленія водки зависѣла отъ лучшей нравственности и трезвости крестьянъ орловской губерніи. Скорѣе это можно объяснить тѣмъ, что въ этой губерніи, при высокой цѣнѣ на водку, она

отличается еще дурнымъ вкусомъ и значительною примѣсью къ ней воды; между тѣмъ какъ въ малороссійскихъ губерніяхъ водка продается нѣсколько дешевле и лучшаго качества. Оттого тамъ и пьянство болѣе рѣзко выдается, нежели здѣсь. Замѣчательно также, что въ малороссіи довольно часто встрѣчаются и пьяныя женщины.

Въ два часа я поѣхалъ въ Голышинскій приказъ, находящійся въ направленіи къ сѣверу отъ Чемлыжа. Мѣстность на этомъ пространствѣ гористая: она представляетъ много волнообразныхъ возвышеній, съ весьма отлогими склонами, между которыми находятся небольшіе сѣнокосные луга. Самыя-же возвышенности представляютъ пахатныя поля. Лѣсовъ нигдѣ не замѣтно. Проѣзжая проселкомъ черезъ поле, засѣянное рожью, я замѣтилъ на колосьяхъ огромное количество жучковъ, называемыхъ *полевыми майками* (*Melolontha arvensis*), которыхъ, не выходя изъ тарантаса, я легко могъ захватывать по нѣсколько штукъ, взмахивая рукою.

— «Вотъ и хорошо наливаетъ рожь, да много-ли соберутъ съ нея зеренъ», замѣтилъ я везшему меня крестьянину.

— «Плохой будетъ тутъ урожай. Эти жучки выпьютъ весь наливъ. Во-на, сколько ихъ тутъ развелось!» отвѣчалъ онъ, и слегка махнувши кнутомъ по колосьямъ, много разогналъ сидѣвшихъ на нихъ маекъ, которыя съ жужжаніемъ взлетѣли на воздухъ.

— «На другихъ поляхъ, подъ Чемлыжемъ, также много этихъ жуковъ?» спросилъ я его.

— «Нѣтъ. Тамъ ихъ мало видно, а вотъ здѣсь какъ-то ужъ больно много ихъ развелось.» —

— «Какъ у васъ нынче растеть конопля?» —

— «Кое-гдѣ растеть хорошо, а въ иныхъ мѣстахъ блоха ее поѣла всю.» —

— «Поэтому мужички тамъ вѣрно въ большомъ горѣ?» —

— «Какъ-же не горѣвать-то! Трудень будетъ годъ, коли конопля не родится. Хорошо, если хлѣбъ подешевѣетъ; а то вѣдь не легко будетъ пробавляться цѣлый годъ безъ хлѣба и конопли.» —

— «Да, это правда», отвѣтилъ я и потомъ замолчалъ. Но мужичку хотѣлось видно калякать со мною. По временамъ, онъ началъ оборачиваться и пристально вглядываться въ мою физиономію.

— «Сдается, что ваше благородіе въ первой еще разъ тутъ ѣздите?» спросилъ онъ наконецъ меня.

— «Да. Я здѣсь никогда еще не бывалъ.» —

— «Должно быть недавно служите въ удѣльной конторѣ?» —

— «Нѣтъ, я тамъ не служу.» —

— «Откуда-же вы? изъ Питера, что-ли?» —

— «Я служу въ Орлѣ, но только въ другомъ мѣстѣ, а не въ конторѣ.» —

— «Осмѣлюсь спросить, в. б., за какими дѣлами изволите разѣзжать по приказамъ?» —

— «Меня г. управляющій просилъ осмотрѣть ваши школы и узнать: хорошо-ли въ нихъ учатъ ребятъ и дѣвочекъ.» —

— «Таакъ», промолвилъ онъ протяжно.» Хорошее дѣло! Нынче вотъ стали учить нашего брата-мужика; а то, что прежде было! Росли мы какъ звѣрьё какое!» —

— «Поэтому вы довольны, что у васъ завели школы?» —

— «Какъ не быть довольнымъ. Вѣдь какъ знаешь грамотѣ, да читаешь св. писаніе, али Евангеліе, такъ не тѣми уже глазами смотришь на человека и боишься сдѣлать ему что либо дурное; а безграмотный все равно, что звѣрь какой: не знаетъ самъ, что грѣшно, а что нѣтъ. Одно только не хорошо, что грамотные мужики отвыкаютъ отъ черной работы. Какъ только кто побудетъ въ училищѣ, такъ уже совсѣмъ другимъ становится. Оттого наши крестьяне не охотно отдаютъ туда своихъ дѣтей. Да вотъ еще что: какъ-то слабосильнѣе бываютъ грамотные и живутъ не долго.» —

— «Ты ошибаешься», возразилъ я ему. «Вотъ я самъ грамотный и всю свою жизнь ею занимаюсь; однако не чувствую, чтобы отъ нея силы мои слабѣли.» —

— «Оно можетъ и такъ; да только я говорю потому, что у насъ такъ случается. У одного нашего крестьянина былъ сынъ. Учился онъ въ училищѣ; а какъ воротился къ отцу, такъ все только и сидѣлъ за книгою; отъ всякой работы отсталъ и началъ чахнуть. Отецъ его сталъ ему запрещать читать книги; а онъ все не унимается: спрячется куда нибудь, да и читаетъ все по книгѣ. Такъ онъ прожилъ не долго и померъ.» —

— «Такъ ты думаешь, что онъ умеръ отъ ученья?» —

— «Да съ чего-же больше? Вѣдь какъ поработалъ въ полѣ, такъ здоровѣе бывалъ; оно вѣдь привольнѣе на чистомъ воздухѣ; а этотъ парень все сидѣлъ въ избѣ согнувшись надъ книгою; ну и захворалъ отъ эфтого.» —

— «Онъ вѣрно былъ болѣнъ; ему не подъ силу было работать въ полѣ; оттого онъ и сидѣлъ все дома, а отъ скуки читалъ книги.» —

— «Можетъ онъ и былъ болѣнъ; этого не можемъ знать. Но только все таки наши грамотные ребята какъ-то не охочи работать въ полѣ; а коли и работаютъ, то не споро; отвыкаютъ въ школахъ.» —

— «А развѣ нѣтъ безграмотныхъ крестьянъ, которые также бываютъ очень лѣнивы и за что ни возьмутся, ничего порядкомъ не сдѣлаютъ?» —

— «Оно бываетъ, какъ не бывать! Есть и грамотные очень прилежные и способные на всякую работу, да только мало такихъ случалось видѣть. Вотъ у меня былъ дядя главнымъ мастеромъ въ ремесленномъ училищѣ, въ Чемлыжѣ. Онъ умеръ недавно. А ужъ какой былъ работающій, даромъ что грамотный! Да вотъ прожилъ не долго на свѣтѣ.» —

— «Такъ ты думаешь, что и дядя твой умеръ оттого, что учился грамотѣ?» —

— «Господь его вѣдаетъ, съ чего уже ему приключилась болѣзнь такая! А жалъ! славный былъ мастеръ и человѣкъ такой хорошій!» —

— «Вотъ ты сначала замѣтилъ, что грамотный человѣкъ иными глазами смотритъ на другихъ людей и умѣетъ различать, что грѣшно и что нѣтъ. Скажи мнѣ теперь: лучшими-ли становятся ваши грамотные мужички противъ безграмотныхъ?» —

— «Этого не могу еще вамъ сказать: грамотные у насъ все еще молодые ребята, а стариковъ очень еще мало; а вѣдь они главные въ деревнѣ: что скажутъ, то молодые и дѣлаютъ.» —

— «Ну, а грамотные старики лучше-ли ведутъ себя, нежели безграмотные?» —

— «Да какъ-бы вамъ сказать? кажись, что лучше: не такъ они мстительны. Вотъ хоть-бы голова нашъ, что въ Чемлыжѣ; строгій, но хорошій человѣкъ. Онъ у насъ повывелъ конокрадовъ; воровъ и пьяницъ не любитъ, наказываетъ онъ ихъ строго, но послѣ никогда не мститъ. А то вѣдь бываютъ такіе, что коли кто попался въ чемъ нибудь, то какъ ты не будь послѣ хорошъ, — уже нѣтъ тебѣ пощады ни въ чемъ! Такъ и будетъ тебя ѣсть во всю жизнь! А это у насъ часто случается. Вотъ и озлобится человѣкъ; сдѣлается еще хуже, и совсѣмъ пропадетъ.» —

Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги вдругъ поднялись двѣ дрофы и ровнымъ, тяжелымъ полетомъ потянули впередъ по нашей дорогѣ.

— «Вотъ, кабы ружьецо-то было,» замѣтилъ мой возничій, «такихъ штукъ можно было-бы какъ-разъ свалить.» —

— «Да, не трудно-бы,» отвѣчалъ я.

— «Гляньте-ка, баринъ: во-на ихъ сколько еще сидить на яровомъ полѣ. Точно овцы пасутся,» подхватилъ онъ опять, указывая впередъ на лѣвую сторону отъ дороги, гдѣ, шагахъ въ 200 отъ насъ, сидѣло и мѣрными шагами ходило штукъ 30 дрофъ. Съ приближеніемъ къ нимъ моего экипажа, онѣ начали вытягивать свои шеи; ходившія по полю, пріостановились и зорко начали слѣдить за нами. Скоро мы поровнялись съ ними, такъ что не болѣе 60 шаговъ разстоянія раздѣляли насъ; но дрофы не поднимались, вѣроятно понимая, что съ нашей стороны не было для нихъ никакой опасности.

— «Вишь какія смѣлыя!» промолвилъ мужичекъ. «Вѣдь вотъ знаютъ, стало быть, что не изъ чего въ нихъ выстрѣлить. А попробуй-ка къ нимъ такъ подойти съ ружьемъ: небось за 100 саженой поднялись-бы. Пойти, развѣ, хотъ спугнуть ихъ?» спросилъ онъ меня.

— «Останови лошадей. Посмотримъ, близко-ли онѣ подпустятъ тебя къ себѣ?» —

Какъ только я произнесъ эти слова, мой крестьянинъ остановилъ лошадей; прыгнувъ съ козелъ и, нагнувшись, началъ подкрадываться къ дрофамъ. Но едва онъ сдѣлалъ шаговъ 20, онѣ поднялись и полетѣли далеко въ сторону отъ дороги.

— «Часто-ли эти птицы здѣсь встрѣчаются?» спросилъ я его, когда онъ снова сѣлъ на козлы и погналъ лошадей.

— «Каждое лѣто онѣ тутъ пасутся.» «Стрѣлять ихъ тутъ нѣкому; оттого онѣ такъ и смѣлы.» —

— «Выводятъ онѣ здѣсь своихъ дѣтей? —

— «Выводятъ, но только рѣдко кому случалось видать ихъ. Прятливы оченно!» —

— «А яйца ихъ находятъ?» —

— «Находятъ.» —

— «Ты видѣлъ ихъ?» —

— «Нѣтъ; самъ я не видалъ; но другіе изъ нашихъ мужиковъ сказывали, что находили и брали ихъ.» —

— «Не пробовалъ-ли кто подкладывать ихъ подъ насѣдокъ.» —

— «Не слыхалъ я этого» —

— «Много дрофы дѣлаютъ вреда на поляхъ?» —

— «Гдѣ горохъ посѣянъ, тамъ онѣ много его вытаптываютъ; ну и ѣдятъ-же его при томъ.» —

— «А другихъ полей не вытаптываютъ?» —

— «Тамъ не такъ замѣтно, какъ на горохѣ, потому что онѣ спутывается и сваливается вмѣстѣ, какъ разростается; а онѣ какъ повадятся летать на него, да начнутъ ходить по немъ, то все равно что табунъ прошелъ по полю: все такъ ломя и ложится.» —

При этомъ разговорѣ я вспомнилъ, что въ сѣвскомъ уѣздѣ мнѣ не случилось еще видѣть грачей на поляхъ и по дорогамъ, и потому я снова обратился къ крестьянину съ моими распросами.

— «Водятся у васъ грачи?» —

— «Бѣлоносые-то?» —

— «Да.» —

— «Они у насъ не живутъ совсѣмъ, а такъ кое-когда весною перелетаютъ.» —

— «А галки есть?» —

— «И галокъ почти нѣту-ти. Рѣдко ихъ ви-
даемъ.» —

Объ этихъ, слишкомъ обыкновенныхъ въ восточной части орловской губерніи, птицахъ я заговорилъ съ нимъ потому, что встрѣчалъ ихъ преимущественно на черноземной полосѣ, въ особенности грачей, распространеніе которыхъ, по моимъ наблюденіямъ, совершенно совпадаетъ съ распространеніемъ чернозема. Гдѣ нѣтъ его, — тамъ нѣтъ и грачей, потому что эти птицы по преимуществу въ немъ только и находятъ необходимую для себя пищу, съ самого начала своего прилета и до поздней осени. Весною они слѣдомъ всегда летаютъ по полямъ за пахарями и истребляютъ огромное количество червей и зарывшихся въ землю личинокъ насѣкомыхъ, которыя, при вспахиваніи почвы, легко дѣлаются имъ доступными. По окончаніи жатвы на тѣхъ же поляхъ грачи питаются упавшими зернами. Но замѣчательно, что они никогда не садятся на поля, съ которыхъ хлѣбъ еще не снятъ. Гдѣ нѣтъ чернозема, тамъ эти птицы не появляются, потому что въ тощей песчаной почвѣ черви и личинки насѣкомыхъ почти не встрѣчаются: для ихъ мягкаго и нѣжнаго тѣла слишкомъ жестка такая земля, между тѣмъ какъ значительная толщина чернозема, мягкость и вязкость его, наконецъ черный цвѣтъ его, сильно поглощающій теплоту отъ солнечныхъ лучей, — все это какъ нельзя лучше благопріятствуетъ развитію въ немъ червей и насѣкомыхъ, значительное количество которыхъ привлекаетъ къ себѣ грачей. Имъ

весьма часто сопутствуют и галки; но онѣ бываютъ вредны для садовъ, потому что поѣдаютъ въ нихъ огромное количество фруктовъ, особенно вишень; между тѣмъ какъ грачи ведутъ себя въ этомъ отношеніи совершенно безъукоризненно. Грачъ не разлученъ съ земледѣльцемъ, а галка, какъ настоящій космополитъ, безъ особеннаго разбора, уживается вездѣ.

Скоро мы пріѣхали въ Голышинскій приказъ, находящійся въ с. *Голышинъ*. Было ровно 4 часа. Я не рѣшился просить, чтобы были собраны ученики въ школу, потому что многіе изъ нихъ, пользуясь праздничнымъ днемъ, разбрелись изъ деревни: одни на выгонъ пасти лошадей, другіе въ лѣсъ за земляникой, которая въ то время уже созрѣвала.

Вышедши изъ тарангаса, я пошелъ въ школу, чтобы познакомиться съ учителемъ, который въ ней и живетъ. Подходя къ училищу, я услышалъ пѣніе. Вошедши въ большую классную комнату, я засталъ въ ней учителя, изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи студентовъ, г. Михѣева, который въ то время училъ пѣнію по нотамъ пятерыхъ мальчиковъ. Я попросилъ его продолжать свое занятіе, а самъ началъ слушать. Голоса очень хорошіе, особенно одинъ альти. Разъучивали они въ то время гимнъ: «*Боже Царя храни!*» Послѣ этого они пропѣли мнѣ нѣсколько выученныхъ ими молитвъ и еще одинъ гимнъ, начинающійся словами: «*Счастье наше создаетъ Императоръ Александръ.*» Видно было, что учитель въ душѣ артистъ и чрезвычайно любитъ

музыку. Такая любовь къ ней отражалась и на ученикахъ, которые, подъ его руководствомъ, пѣли съ большимъ воодушевленіемъ и довольно согласно.

Послѣ этого я разсматривалъ ученическія тетради. Написанное въ нихъ старшими учениками отличалось хорошимъ и красивымъ почеркомъ и при томъ было писано безъ линеекъ.

Г. Михѣевъ сообщилъ мнѣ, что десять дѣвочекъ въ этомъ селѣ обучаются грамотѣ у приходскаго дьячка.

Вышедши изъ училища, я хотѣлъ осмотрѣть образцовую пасѣку; но старшина объявилъ мнѣ, что за нѣсколько дней до моего пріѣзда, неизвестно кѣмъ, въ ней были перебиты всѣ пчелы, а медъ украденъ.

Въ ожиданіи, пока перемѣнятъ мнѣ лошадей, я зашелъ въ садъ приказа; но онъ показался мнѣ въ довольно жалкомъ видѣ. Большею частію посаженные въ немъ привитыя деревья засохли; между ними уцѣлѣло нѣсколько дичковъ, которые вѣроятно были посажены на мѣстѣ по неумѣнію отличить ихъ отъ прививковъ. Раскопавши почву, я нашелъ, что она состоитъ изъ хорошаго чернозема, глубиною въ три четверти аршина; подпочва состоитъ изъ глины. Изъ этого можно было заключить, что при надлежащемъ уходѣ за плодовыми деревьями ихъ можно будетъ здѣсь развести съ успѣхомъ. Затруднительно только ихъ поливать, потому что рѣчка значительно удалена отъ сада, а воду надобно брать изъ колодца, вырытаго на днѣ оврага, находящагося вблизи

приказа; при томъ же вода въ немъ отличается солоноватымъ вкусомъ и жестка.

Въ 6 часовъ вечера, черезъ село *Асовицу*, я поѣхалъ въ д. *Лапшевку*, принадлежащую къ удѣльному вѣдомству и замѣчательную тѣмъ, что для укрѣпленія сыпучихъ песковъ, въ ней уже нѣсколь-ко лѣтъ производится посадка лозы въ большомъ размѣрѣ.

Въ с. *Асовицѣ* я видѣлъ искусственную запруду, устроенную для удержанія воды, въ которой чувствуется тамъ большой недостатокъ. Этою запрудою удерживается незначительное количество воды. Если-бы ее поднять выше и устроить прочиѣе, то, мнѣ кажется, можно было-бы тогда сохранять довольно много воды, потому что пересѣкаемый ею оврагъ имѣетъ обширные размѣры въ ширинѣ и въ особенности въ длинѣ.

ГЛАВА X.

Село Лугань. Деревня Лагиревка. Хороводъ. Одежда крестьянокъ. Поневы. Черты обычаевъ и нравовъ лагиревскихъ крестьянъ. Способъ укрѣпленія сыпучихъ песковъ. Отъѣздъ въ село Семеновское.

Мелкою рысцою бѣжала тройка крестьянскихъ лошадей, везшихъ мой тарантасъ по ровной проселочной дорогѣ, которая узкою, сѣроватою лентою тянулась по низменной долинѣ вдоль рѣчки *Усожи*, впадающей въ р. *Неруссу*, составляющую въ здѣшней губерніи одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ р. *Десны*. Справа зеленѣли сѣнокосные луга, а слѣва, на нѣсколько верстъ, по слегка покату къ рѣкѣ склону, чернѣло поле, засѣянное свекловицей, въ то время едва только успѣвшею выпустить изъ cadaго корня по нѣскольку небольшихъ листьевъ, яркая зелень которыхъ рѣзко обозначалась длинными рядами по темному фону хорошей черноземной почвы. Вдали за Усожью бѣлѣлъ высокій крутой ея берегъ, состоявшій изъ мѣла и мѣловой глины, покрытыхъ рѣдкою и тощею растительностію.

— «Чья эта свекловица?» спросилъ я везшаго меня крестьянина.

— «Господская.» —

— «Какой деревни?» —

— «Села *Лугани*. Тамъ есть сахарный заводъ.» —

— «Далеко отсюда?» —

— «Верстъ пять будетъ; мы поѣдемъ мимо его.» —

— «Большой заводъ?» —

— «Большой.» —

— «Помѣщикъ живетъ въ этомъ селѣ?» —

— «Нѣтъ, не живетъ, а только одинъ управляющій» —

— «Богатое это село?» —

— «Нѣтъ, крестьяне тутъ обѣднѣли.» —

— «Отчего?» —

— «Да всю землю, что ни на есть самую лучшую у нихъ по отобрали въ прошломъ году, а ихъ отсюда переселили на другой бокъ, за рѣку. Тамъ земля тощая. На ней и рожь худо растеть» —

— «Стало быть крестьяне тамъ плохо живутъ?» —

— «Плохо! Глянъ-ка, вонъ отсюда видно, какая у нихъ тамъ земля; вся бѣлая.» —

Дѣйствительно замѣтно было рѣзкое различіе почвы, мимо которой мы ѣхали и тою, какая бѣлѣла вдали на противоположномъ берегу рѣки, будучи ярко освѣщаемая лучами заходящаго солнца. По крутому склону къ рѣкѣ на ней виднѣлись недостроенныя, кое-какъ наскоро слаженныя избы переселенцевъ.

Скоро мы приблизились къ мѣстности, на которой прежде раскинуто было село, а теперь торчали кое-гдѣ полусогнившіе столбы, да неразобранныя печи съ трубами. Небольшія четырехугольныя площадки, покрытыя толстыми слоями навоза, обозначали мѣста сараевъ, служившихъ для помѣщенія крестьянскаго скота. Будь тутъ по больше углей, да золы, можно было-бы подумать, что цѣлое село уничтожено было пожаромъ.

Миновавъ эти равнины, я поѣхалъ на право и, по полусогнившему деревянному мосту, переправился на противоположный возвышенный берегъ р. Усожи.

Весь этотъ берегъ состоитъ изъ мѣлу, который, лѣвѣе отъ моста, ломаютъ и пережигаютъ на известь, необходимую при добываніи сахара изъ свеловицы на заводѣ. Поднявшись мимо небольшой рощицы на поле, я увидѣлъ тощую почву, на которой росла рожь. Тонкія и низенкія соломины ея такъ рѣдко отстояли другъ отъ друга, что саженой на 50 впередъ и въ стороны сквозь нихъ видна была бѣловатая известковая почва, которая безъ хорошаго удобренія можетъ давать только скудные урожаи.

Верстѣ 9 я ѣхалъ въ направленіи къ востоку мимо плохихъ полей по высокой и довольно ровной мѣстности; потомъ по отлогому склону спустился нѣсколько лѣвѣе внизъ въ деревню *Лагиревку*, за которой бѣлѣли пески, окаймленные въ отдаленіи съ сѣверной и сѣверозападной сторонъ сосновымъ лѣсомъ.

Въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера мой возничій остановилъ лошадей возлѣ, такъ называемой, *сборной* избы, въ которой обыкновенно останавливаются чиновники удѣльнаго вѣдомства, пріѣзжающіе туда по дѣламъ ихъ службы.

Вдали на противоположномъ концѣ деревни раздавались пѣсьи крестьянокъ, водившихъ хороводы.

— «Не помѣшаю я, ежели подойду къ хороводамъ?» спросилъ я сельскаго старшину, подошед-

шаго ко мнѣ, въ то время, когда я вылезалъ изъ тарантаса.

— «Ничего; я пойду вмѣстѣ съ вами,» отвѣчалъ онъ.

Мы отправились. Но едва я началъ приближаться къ веселой толпѣ, пѣсьни и хороводы прекратились, и бабы съ дѣвками разошлись къ избамъ, раздѣлившись на нѣсколько группъ.

— «Зачѣмъ же вы перестали пѣть пѣсьни? Я вамъ не мѣшаю,» сказалъ я, подошедши къ болѣе многолюдной группѣ.

— «А мы думали, что нѣ можно,» отвѣтила одна молодая баба съ большими черными глазами, которые очень гармонировали съ крупными, но красивыми очертаніями ея лица.

— «Почему-же нельзя? Пожалуйста продолжайте, а я послушаю ваши пѣсьни.» —

— «Ну, чтожъ! Мы споемъ тебѣ,» примолвила она и начала сзывать бабъ и дѣвокъ, изъ которыхъ однѣ тотчасъ подошли къ ней, а другія еще не рѣшались, переглядываясь между собою и, какъ-бы нехотя, стали потомъ собираться въ кружокъ.

Я остановился возлѣ нихъ и минутъ черезъ пять образовался довольно большой хороводъ, въ которомъ приняли участіе десятка три молодыхъ женщинъ и дѣвокъ. Двѣ бойкія и недурныя собою бабы стали въ срединѣ круга, и, подперши руки въ бока, затянули пѣсню и начали плясать. Всѣ остальные хоромъ подхватили ее и начали ходить кругомъ, сначала медленно, а потомъ скорѣе. Не смотря на

то, что пляска двухъ женщинъ состояла только въ томъ, что онѣ то подходили одна къ другой, то удалялись, быстро повернувшись и поднявши одну руку вверхъ, въ жестахъ ихъ и движеніяхъ выражалось много жизни и воодушевленія. Послѣ cadaго куплета, хоръ живо начиналъ двигаться и дружно, съ особеннымъ удареніемъ припѣвалъ: «иху, иху, иху! Тогда плясавшія двѣ женщины мелко сѣменили ногами и, дрожа плечами, плавно придвигались одна къ другой, пока не сближались совершенно, послѣ чего, повернувшись кругомъ, расходились и начинали слѣдующій куплетъ.

Въ этомъ слишкомъ замкнутомъ кругѣ хоровода, живо проявлялась страстная натура русской женщины. Наши простонародные хороводы какъ ни кажутся однообразными, но не выражаютъ ли они той вѣковой замкнутости, того рабства, въ какихъ живутъ наши крестьянки. Искони онѣ привыкли скрывать свои чувства, чтобы не нарушать извѣстныхъ обычаевъ, составляющихъ въ простомъ народѣ своего рода приличія. Эта сдержанность выражается и въ ихъ хороводахъ, которые обыкновенно водятъ на улицахъ, въ виду цѣлой деревни. Какъ же можно, чтобы наши деревенскія женщины осмѣлились выражать здѣсь свои чувства и страстную натуру смѣлыми позами или прыжками, какіе можно видѣть въ танцахъ и пляскахъ женщинъ болѣе образованныхъ европейскихъ государствъ, гдѣ женщина пользуется большею свободою въ общественномъ быту.

Наблюдая за хороводами, я обратилъ вниманіе и на праздничную одежду крестьянокъ. Бѣлая хол-

щевыя рубахи у всѣхъ бабъ и дѣвокъ имѣли стоячіе воротники; шеи ихъ были украшены нѣсколькими рядами нитокъ съ бусами и разноцвѣтнымъ стеклярусомъ; на спинѣ отъ этихъ повязокъ висѣли концы лентъ разныхъ яркихъ цвѣтовъ. На головахъ замужнихъ женщинъ были кокошники, больше пунсоваго цвѣта, вышитые у нѣкоторыхъ золотомъ и блестками; сверхъ кокошниковъ вокругъ головы были бѣлыя повязки съ красными концами. Немногія изъ женщинъ имѣли юбки изъ ситца, но большая часть ихъ были одѣты въ красивыя *поневы*, домашняго издѣлія. Понева состоитъ изъ шерстяной матеріи, съ узкими продольными и широкими поперечными узорчатыми полосками бѣлаго и темно-желтаго цвѣта; фонъ этихъ поневъ у лагиревскихъ крестьянокъ былъ темносиній. Длина поны простиралась до восьми аршинъ, а ширина до $1\frac{1}{2}$ аршина. Обыкновенно каждая понева сшивается изъ двухъ полотнищъ, между которыми вставлена еще узкая, въ вершокъ шириною, полоса бумажной матеріи ярко пунсоваго цвѣта; но она не доходитъ до противоположнаго конца, а простирается на двѣ трети длины всей поны; далѣе же этой полосы концы обоихъ полотнищъ остаются не сшитыми. Понева привязывается къ талии узкимъ шерстянымъ поясомъ. Трудно описать, но надобно видѣть, какъ женщины обвертываютъ ими себя такъ, что онѣ вполне замѣняютъ имъ обыкновенныя юбки; онѣ даже красивѣе этихъ послѣднихъ, потому что съ одной стороны тѣла понева бываетъ нѣсколько приподнята и обра-

зуетъ красивую драпировку изъ нѣсколькихъ крупныхъ поперечныхъ складокъ; сзади конецъ поневы со вставленною въ него красною полосою виситъ свободно, а съ переди и другаго бока висятъ другіе два конца несшитыхъ между собою полотнищъ, украшенные внизу широкими разноцвѣтными поперечными полосами изъ шелковой матеріи, на которыхъ бывають вышиты еще различные узоры шелкомъ и бѣлою бумагою.

Наступили сумерки. Къ хороводу начали подходить старухи и сзывать къ ужину участвовавшихъ въ немъ бабъ и дѣвокъ, которыя нехотя стали расходиться ко дворамъ и скоро хороводъ окончательно разстроился. Я также отправился въ отведенную мнѣ избу. При входѣ въ нея меня встрѣтила старуха хозяйка. Вслѣдъ за мною прибѣжала туда молодая, лѣтъ 17, бабенка, которую я замѣтилъ въ числѣ плясавшихъ въ хороводѣ женщинъ. Но едва она взглянула на меня, какъ тотчасъ скрылась за дверь и ушла на другую половину избы.

Пока нагрѣвали мой дорожный самоваръ, я разговорился со старухой.

— «Красивыя поневы носятъ ваши бабы,» сказалъ я ей. «Нельзя-ли мнѣ поближе посмотреть ихъ? У твоей дочери вѣрно есть хорошая понева?» —

— «Это не дочка, а невестка моя,» отвѣчала хозяйка. «Я тебѣ тотчасъ принесу ея поневу.» —

— «Принеси; мнѣ любопытно посмотреть, какъ она соткана и сшита.» —

— «Ну хорошо, я покажу тебѣ,» сказала она, и, вышедши на другую половину, тотчасъ возвратилась съ довольно красивой новой поневою.

— «Вы сами красите шерсть?» спросилъ я ее, разсматривая принесенный ею кусокъ шерстяной ткани, въ которомъ только бѣлыя узорчатые полоски были изъ бумаги.

— «Сами.» —

— «А краски покупаете?» —

— «Мы покупаемъ кубовую краску, а другія сами дѣлаемъ.» —

— «Чѣмъ вы окрашиваете шерсть въ желтый цвѣтъ?» —

— «У насъ за дворами растетъ трава такая, *собачки* прозывается; мы ею и красимъ.» —

— «Не можешь-ли ты мнѣ теперь показать эту траву?» —

— «Я тебѣ завтра ее нарву, а теперь темно, не увидишь, гдѣ найти ее,» отвѣчала она. Но на слѣдующій день, когда она ко мнѣ принесла ее, я увидѣлъ, что это *череда* (*Bidens tripartita*). Наложивши въ горшокъ свѣжей этой травы, онѣ кладутъ въ него мотки пряжи и варятъ въ щелокѣ.

По просьбѣ моей старуха обвернула поневу вокругъ своего тѣла и показала, какимъ образомъ онѣ ихъ подвязываютъ.

— «Продай мнѣ ее?» —

— «Да на что-жъ она тебѣ?» съ удивленіемъ спросила она меня.

— «Такъ; мнѣ она понравилась и я хотѣлъ бы употребить ее вмѣсто ковра.» —

— «Не знаю-же я, что тебѣ сказать на это. Пойду спрошу у невестки,» примолвила она и вышла за дверь, откуда возвратилась вмѣстѣ съ нею.

— «Я хочу купить твою поневу,» сказалъ я невесткѣ.

— «А на что она тебѣ? Мнѣ самой нужно ее носить,» отвѣтила она съ улыбкой, отъ которой на щекахъ ея образовались двѣ глубокія ямочки, придававшія ей особенную миловидность.

— «Я сказалъ уже твоей свекрови, что хочу купить ее себѣ для коврика подъ ноги.» —

— «Сколько-же ты дашь мнѣ за нее?» —

— «Я не знаю, чего она стоитъ; это тебѣ лучше знать. Вѣдь вы продаете-же ихъ, или покупаете по какой нибудь цѣнѣ?» —

— «Разная цѣна бываетъ: по 5 и 6 рублей, а то и по семи.» —

— «Ну, скажи: что ты хочешь взять за нее?» —

— «Давай шесть рублей.» —

— «Ты возьми съ меня полтора рубля сереб.» —

— «Сколько-же это будетъ по нашему?» —

— «Пять рублей съ четвертью.» —

— «Это дешево. Я тебѣ, пожалуй, отдамъ ее за 5 руб. 60 гривенъ.» —

Я тотчасъ заплатилъ ей требуемую цѣну. Когда старуха увидала, что я столько заплатилъ, и вѣроятно хорошую цѣну, то она тотчасъ предложила мнѣ купить у нея еще одну поневу.

— «Покажи ее.» —

Она достала изъ стоявшаго тамъ сундука свою поневу; но эта мнѣ не понравилась, въ особенности потому, что была уже нѣсколько поношена.

— «Нѣтъ, эту я не возьму, а ежели есть лучшія у какойнибудь изъ вашихъ бабъ, то я бы еще купилъ,» сказалъ я ей.

— «У меня есть еще одна хорошая,» примолвила невестка. «Я тебѣ завтра покажу ее, а теперь поздно ходить за нею: она лежитъ у моей матери.» —

— «Хорошо. Не забудь-же!» —

— «Не забуду,» отвѣтила она и вышла за дверь.

— «Наши бабы и дѣвки перестаютъ уже носить поневы, а покупаютъ себѣ ситецъ на юбки,» замѣтила оставшаяся со мною старуха.

— «Почему?» —

— «Шерсть вздорожала, а юбка изъ ситцу стоитъ дешевле.» —

— «Вѣдь вы шерсть не покупаете: у васъ свои овцы?» —

— «Овецъ-то у насъ мало осталось: попадали всѣ отъ чумы.» —

— «Когда здѣсь была чума?» —

— «Въ прошломъ году у насъ весь скотъ почти поподалъ. Должно быть собаки занесли къ намъ чуму, наѣвшись павшей скотины въ другихъ мѣстахъ.» —

— «Почему ты думаешь, что собаки этому были причиною?» —

— «А сперва онѣ начали у насъ околѣвать; по-

томъ падежъ пошелъ на телятъ; а тамъ зачали па-
дать коровы и овцы, а за ними и свиньи.» —

— «Это оттого, что крестьяне лѣнятся глубоко
зарывать въ землю околѣвшую скотину, а выкиды-
ваютъ ее куда ни попало,» замѣтилъ я ей. «Если
бы мужички сами были осторожнѣе и исполняли-бы
въ точности всѣ распоряженія начальства на случай
скотскихъ падежей, то навѣрное падежи у васъ не
такъ бы часто случались.»

— «Оно правда; да что-жъ ты будешь дѣлать?
Жаль скотинки, когда она околѣетъ; ну и наровить
всякій хоть шкурку съ нея содрать, чтобы не все
пропало.»

— «Это и не хорошо. Надобно всю скотину за-
рывать въ землю, а не гоняться за лишнимъ руб-
лемъ, какой отъ нея можно выручить.»

— «Такъ то такъ! Да на все воля Божья,» отвѣ-
чала хозяйка, которая, по видимому, не хотѣла до-
пустить мысли, что не слѣдуетъ снимать кожу съ
околѣвшихъ зачумленныхъ животныхъ.

Я перемѣнилъ разговоръ и завелъ рѣчь о сва-
дебныхъ обрядахъ.

— «Свадьбы у насъ просты теперь бываютъ, по
недостатку,» отвѣчала она. «Въ старину гуляли по
цѣлымъ недѣлямъ, а нонѣ и въ одинъ день часто
все справляютъ. Иной бѣдный женихъ купить вина
и угощаетъ имъ только стариковъ, да бабъ, а дѣв-
камъ подносить воду, настоенную стручковымъ пер-
цемъ.» —

— «Развѣ у васъ дѣвки пьютъ водку?» —

— «Такъ не пьютъ, а на свадьбахъ только, когда бываютъ, то имъ подаютъ.» —

— «Такъ онѣ пьютъ и воду съ перцемъ?» —

— «Что-жъ дѣлать! Посмѣются надъ женихомъ, и выпьютъ.» —

— «Большое приданое требуютъ у васъ женихи?» —

— «Какое тутъ приданое! Берутъ дѣвокъ почти что безъ ничего; была-бы только хозяйка во дворѣ.» —

Въ это время вошелъ въ избу старикъ хозяинъ. Я попросилъ его сказать старшинѣ, чтобы завтра, рано по утру, онъ зашелъ за мною, дабы я могъ съ нимъ вмѣстѣ пойти осмотрѣть посадку лозы на сыпучихъ пескахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сказалъ мнѣ, что все будетъ исполнено и что придутъ туда и ракитники.

— «Что это за ракитники?» спросилъ я его.

— «Наши крестьяне, которые сажаютъ ракиту по пескамъ,» отвѣчалъ онъ.

Напившись чаю, я вышелъ изъ избы и сѣлъ на заваленку. Вечеръ былъ теплый и ясный; въ избѣ не хотѣлось сидѣть. Между яркoblестѣвшими на небѣ звѣздами, въ зенитѣ виднѣлась еще комета, замѣтнымъ образомъ уменьшившаяся противъ предшествовавшихъ ночей въ своемъ блескѣ и величинѣ, по причинѣ быстрого удаленія ея отъ земли въ безпредѣльное небесное пространство.

Ко мнѣ подошли четыре крестьянина—старики, которымъ, какъ видно, хотѣлось покалякать со мною.

— «Долго изволите у насъ пробить, ваше благородіе?» спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— «Нѣтъ. Я только посмотрю на ваши пески и поѣду далѣе.» —

— «Доняли насъ эти пески!» отвѣчалъ другой. «Что ни на есть самыя лучшія наши поля ими засыпаны совсѣмъ.» —

— «Давно-ли это случилось?» —

— «Давненько таки. Съ той поры, какъ повырубил тутъ лѣсъ. Были въ немъ песчаные курганы; вотъ какъ срубили деревья по нимъ, то и стало разносить пески вѣтромъ, прямо на поля.» —

— «Высоко надъ ними лежитъ теперь песокъ?»

— «Дуже высоко; мѣстами аршина на три будетъ, а гдѣ и по болѣ. Вотъ землицы-то у насъ и поумалилось.» —

— «За чѣмъ же вы уничтожили свой лѣсъ?» —

— «Да кто-же зналъ, что такъ будетъ? Нельзя и безъ лѣсу быть-то: кому избу нужно было срубить, кому сарай, а то и такъ, на сторону, продавали. Да тутъ не одинъ только нашъ былъ лѣсъ. Сосѣди наши тоже повырубили свои лѣса, почтай что верстъ на десять. Не берегутъ они ихъ и теперь.» —

— «Помогаетъ-ли укрѣпленію песковъ посадка на нихъ лозы?» —

— «Какже, помогаетъ. Вонъ тамъ (онъ указалъ рукою въ ту сторону, откуда я пріѣхалъ) клинокъ яровой только и спасли тѣмъ, что за нимъ насадили ракиту; а то-бы и его у насъ не осталось.» —

— «Чѣмъ-же вы теперь промышляете, ежели у васъ не достаетъ пахатной земли?» —

— «Больше все на заработки ходятъ наши крестьяне.» —

— «Куда?» —

— «Въ землю Войска Донскаго, въ Севастополь, да въ Николаевъ.» —

— «Выгодно это для нихъ?» —

— «Выгодно; оттого иные тамъ проживаютъ по нѣскольку лѣтъ, а другіе и со всѣмъ остаются.» —

— «Какже и чѣмъ кормятся ихъ жены и дѣти, которыхъ они вѣдь не берутъ съ собою?» —

— «Да кое-какъ. Инымъ мужья присылаютъ деньги: ими и перебиваются по маленьку.» —

— «А много есть у васъ такихъ семей?» —

— «Есть—таки кое-кто.» —

— «Какъ ведутъ себя молодые бабы, которыхъ мужья долго бываютъ въ отлучкѣ?» —

— «Ничего; живутъ себѣ хорошо. Ну, случается, не безъ того, что иная не вытерпитъ и найдетъ себѣ дружка; да чтожъ тутъ дѣлать? Вѣдь и мужья ихъ тоже грѣшатъ въ этомъ и находятъ себѣ въ отлучкѣ хозяекъ; а изъ за нихъ-то иногда и не возвращаются домой.» —

— «Какимъ-же образомъ прокармливаютъ себя тѣ женщины, которымъ находящіеся въ отлучкѣ мужья ничего не присылаютъ?» —

— «Такія плохо живутъ; лѣтомъ еще кое какъ перебиваются: ходятъ на работу въ Лугань, полоть свеклу, а осенью копать ее.» —

— «По многу-ли онѣ получаютъ тамъ въ день за работу?» —

— «Копѣекъ по пятнадцати; инныя нанимаются помѣсячно, рубля за три въ мѣсяцъ.» —

— «Есть у васъ свои огороды?» —

— «Есть.» —

— «Что вы на нихъ разводите?» —

— «Картофель, лукъ, капусту, да огурцы сѣемъ.» —

— «Хорошо родится здѣсь картофель?» —

— «Нынѣ какъ-то плохо сталъ родиться; прежде онъ хорошо тутъ росъ.» —

— «Отчего?» —

— «Мы и сами этого не знаемъ. Мелкій сталъ такой и не долго лежитъ, портится: чернѣетъ и гніетъ.» —

— «Это вѣрно потому, что вы все своимъ засѣваете. Попробуйте купить на посѣвъ гдѣ либо подалше отъ вашей деревни хорошаго и здороваго картофелю: тогда онъ у васъ по прежнему будетъ хорошъ.» —

— «А и то должно быть правда, что переродился нашъ картофель. Мы вотъ также все сѣяли на поляхъ свой горохъ. Сперва онъ давалъ хорошіе урожаи, а потомъ почитай-что одна трава стала изъ него расти. Мы и попробовали купить новаго гороху на посѣвъ, верстъ за 80 отсюда; посѣяли, и опять сталъ онъ хорошъ. Должно быть также и съ картофелемъ надо сдѣлать. Мы купимъ новаго.» —

При этомъ разговорѣ я вспомнилъ, что при въѣздѣ въ эту деревню, я замѣтилъ въ ней все курныя избы и потому спросилъ моихъ собесѣдниковъ:

— «Почему вы не дѣлаете трубъ въ печахъ, а живете всю зиму въ дыму?» —

— «Наши курныя избы здоровѣе, чѣмъ такія, въ которыхъ печи съ трубами: оттого мы ихъ и не дѣлаемъ.» —

— «По чему-же вы думаете, что онѣ здоровѣе?» —

— «Онѣ суше, все въ нихъ скоро сохнетъ: оттого наши избы здоровѣе, а тѣ, что съ трубами, всегда бываютъ сыры, да и воздуть въ нихъ тяжелый.» —

— «А глаза ваши не болятъ отъ дыма?» —

— «Не болятъ, мы къ нему привыкли.» —

Не знаю, на сколько справедливо это замѣчаніе крестьянъ; но думаю, что при хорошемъ и аккуратномъ устройствѣ избъ съ печными трубами, онѣ могли-бы точно также быть сухими и вѣроятно воздухъ въ нихъ могъ бы также хорошо освѣжаться.

Было уже 11 часовъ, и я отправился ночевать въ избу.

На слѣдующее утро, въ 5 часовъ, я поѣхалъ въ телѣгѣ со старшиною осматривать посадку лозы по пескамъ. Онъ съ вечера еще распорядился, чтобы тамъ были «раakitники», которыхъ мнѣ хотѣлось подробнѣе спросить о производимыхъ ими работахъ.

Переѣхавши за деревней черезъ небольшой лоцъ, въ которомъ маленькою гатю задерживается весен-

ная снѣговая вода, высыхающая однакоже въ срединѣ лѣта, мы остановились верстахъ въ двухъ отъ селенія, и пошли пѣшкомъ по обширной песчаной степи, простирающейся въ длину верстъ на 10, а въ ширину на 7, а мѣстами и болѣе. Съ сѣверной и сѣверозападной стороны она окаймлена хвойнымъ лѣсомъ, а съ противоположныхъ сторонъ совершенно открыта и представляетъ свободный разгулъ для сильныхъ и продолжительныхъ вѣтровъ. Высокіе песчаные холмы длинными грядами чередуются съ неглубокими волнообразными котловинами. Песокъ тамъ очень мелкій, бѣлый, съ блѣднымъ буроватымъ оттѣнкомъ. При сильномъ вѣтрѣ на всемъ этомъ пространствѣ поднимается песчаная мятель, затемняющая иногда въ ясную погоду солнечный свѣтъ. Песчаные холмы въ нѣсколько часовъ сдуваются съ своихъ мѣстъ и переносятся на новыя, а тамъ, гдѣ они находились, — образуются углубленія. Въ тихую погоду вся эта степь представляетъ видъ обширнаго озера, въ которомъ поднявшіяся волны какъ-бы мгновенно остановились. Ходить по этому песку не затруднительно: ступни ногъ весьма мало въ него уходятъ, потому что по мелкости своей онъ довольно плотенъ. Растительности на немъ почти нѣтъ никакой. Изрѣдка только, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ сажень, попадались мнѣ одиноко росшими, случайно сюда заброшенными сиротками, тощія отъ недостатка питательныхъ соковъ, слѣдующія растенія: *полынь* (*Artemisia campestris* L.), называемая тамъ

бурьяномъ, сушеница (*Helichrysum arenarium* DC.), юринея (*Jurinea mollis* Rchb.) и кое-гдѣ торчали небольшими вѣничками кустики молочая (*Euphorbia Esula* L.).

Эти слабыя, съ тонкими стебельками, растенія меня заинтересовали. Неужели, думалъ я, въ этомъ сухомъ и сыпучемъ пескѣ онѣ находятъ еще достаточно соковъ для своего существованія? Изъ любопытства я выдернулъ нѣсколько экземпляровъ этихъ растеній, чтобы взглянуть: каковы у нихъ корни. Этимъ я могъ только разрѣшить заданный самому себѣ вопросъ. Корни у всѣхъ оказались необыкновенно длинными, глубоко вросшими въ песокъ, особенно у юринеи, стебли которой были около половины аршина вышиною, а корни, подобно длиннымъ и тонкимъ хлыстамъ, отвѣсно вросли въ песокъ на $\frac{3}{4}$ и даже на цѣлый аршинъ. Естественно, что на такой глубинѣ они могли находить себѣ достаточную влажность, по крайней мѣрѣ, въ такомъ количествѣ, которое могло поддерживать существованіе цѣлыхъ растеній на этой песчаной пустынѣ, гдѣ, по этому, и человѣку удалось развести кусты лозы, которые продольными и поперечными рядами зеленѣли вдали, рѣзко выдѣляясь на однообразномъ бѣловато-песчаномъ фонѣ. Скоро нагнали насъ два крестьянина, — «ракитявки.» — Съ ними я направилъ путь мой прямо къ плантаціямъ лозы.

Съ приближеніемъ къ нимъ, удивленіе мое еще болѣе увеличилось потому именно, что я надѣялся

встрѣтить тамъ красную лозу, или такъ называемую *шелюгу* (*Salix acutifolia Willd.*), которой я никогда еще не находилъ дикорастущею въ Орловской губерніи, но зналъ однако-же, что въ южныхъ нашихъ губерніяхъ она обыкновенно употребляется для укрѣпленія сыпучихъ песковъ, и изъ большаго числа распространенныхъ въ Россіи видовъ лозы считается у насъ единственно годною для подобной цѣли. Но, между тѣмъ, прошедши версты двѣ по плантаціи, я не встрѣтилъ ни одного ея кустика, а напротивъ, вмѣсто шелюги вездѣ видѣлъ два вида вербы: обыкновенную ломкую (*Salix fragilis L.*), называемую въ орловской губерніи *ракетей*, растущую деревьями, которыми, по сторонамъ, засажены здѣшнія почтовые дороги, и другой видъ, также растущій деревомъ, называемый *ветлою* (*Salix cinerea L.*). Оба эти вида, разведенные на лагиревскихъ пескахъ, частію вслѣдствіе особаго рода посадки, о которой будетъ сказано ниже, а частію отъ недостатка питанія, превратились здѣсь въ кустарники.

— «Откуда вы брали эту лозу для посадки?» спросилъ я ракетниковъ.

— «Мы обрубали вѣтви съ ракитъ, которыя растутъ возлѣ дворовъ въ деревнѣ.» —

— «У васъ, я вижу, посажены тутъ два сорта ракиты,» замѣтилъ я, указывая на ветлу. «Эта также растеть возлѣ дворовъ?» —

— «Растеть; она *луговою* у насъ называется.» —

— «А другой сортъ какъ вы называете?» —

— «То садовая ракета.» —

Кусты тянулись длинными прямыми рядами, вдоль и впоперекъ степи, въ разстояніи около двухъ саженой одинъ отъ другаго.

— «Давно вы начали разводить тутъ лозу?» —

— «Девять лѣтъ будетъ.» —

— «Велико-ли все пространство, которое вы успѣли засадить ею?» —

— «Въ длину верстъ пять будетъ, а въ ширину версты четыре.» —

— «Въ какое время вы ее сажаете и какимъ образомъ?» —

— «Мы садимъ ее осенью, потому что тогда песокъ бываетъ сырѣе отъ дождей. Сперва нарубимъ сучьевъ съ нашихъ ракетъ, когда листъ на нихъ опадетъ и привеземъ ихъ сюда, а послѣ проведемъ по песку борозду сохою, да и кладемъ въ нее черенки рядомъ, одинъ за другимъ; потомъ закрываемъ ихъ пескомъ: они и принимаются.» —

— «Не заносить пескомъ ихъ побѣги, когда они начинаютъ показываться?» —

— «Заносить, какъ не заносить! Но они не пропадаютъ отъ этого, а все тянутся вверхъ по всей длинѣ сучьевъ, какъ они лежатъ въ пескѣ.» —

— «Скоро кусты тутъ разрастаются?» —

— «Растутъ они скоро, да не всѣ одинаково высоки бываютъ. Иные выростутъ много за лѣто, а какъ поднимется вѣтеръ, то и заносить ихъ пескомъ иной разъ на цѣлый аршинъ и по болѣ.» —

Тутъ «ракитники» указали мнѣ на нѣсколько рядовъ лозы, отличавшейся не одинаковымъ ростомъ въ однихъ и тѣхъ-же рядахъ, смотря потому, какъ она была засыпана пескомъ, который эти кусты задерживаютъ и, такимъ образомъ, препятствуютъ вѣтру уносить его далѣе на пахатныя поля. Шестилѣтніе кусты въ однихъ мѣстахъ имѣли до 3-хъ аршинъ вышины, а въ другихъ до 2-хъ и до одного аршина; точно также и трехлѣтніе и даже двулѣтніе были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 3 до 4 аршинъ вышины, ежели только въ теченіи этого времени ихъ не замосило песками. Далѣе, 9-лѣтніе кусты разрослись очень хорошо, пуская снизу множество побѣговъ. Подъ ними поверхность песка получила сѣроватый оттѣнокъ отъ перегнивающихъ ежегодно листьевъ. Здѣсь уже было и большее количество пріютившихся возлѣ нихъ растений, въ числѣ которыхъ я замѣтилъ *тысячелистникъ* (*Achillea millefolium* L.) и красивый низкорослый кустарничекъ *шелковистаго ракитника* (*Cytisus biflorus* L' Herit.), покрытый въ то время множествомъ отцвѣтавшихъ яркожелтыхъ цвѣтковъ. Тутъ-же на пескѣ видны были слѣды ползавшихъ по немъ насекомыхъ и слѣды мелкихъ птичекъ — этихъ первыхъ колонистовъ, заселяющихъ пустыни, какъ скоро появляется на нихъ растительность.

Часа два я провелъ на этой, въ высшей степени замѣчательной плантаціи, въ несомнѣнной пользѣ которой убѣдился и сами лагзревскіе крестьяне. Жаль только, что по недостатку черенковъ и рабочихъ рукъ не было средствъ и возможности сра-

зу засадить раkitными кустарниками все песчаное пространство, образовавшееся и разширившееся единственно только вслѣдствіе уничтоженія покрывавшаго его прежде сосноваго бора. Впрочемъ, въ настоящее время, если-бы только увеличить число рабочихъ рукъ до нѣсколькихъ сотенъ, то, я думаю, и въ одну осень возможно-бы было засадить все остальное пространство, пользуясь уже огромнымъ количествомъ черенковъ изъ разросшихся на немъ кустовъ раkitъ, которые отъ этого ни мало не страдаютъ; но, напротивъ, станутъ скорѣе и еще лучше разростаться въ ширину. Кромѣ того, не слѣдовало-бы строго придерживать посадки правильными, крестообразно пересѣкающимися между собою, рядами; но преимущественно разсаживать ихъ впоперекъ направленія господствующихъ тамъ, по замѣчанію крестьянъ, югозападныхъ вѣтровъ. Наконецъ, не мѣшало-бы, для болѣе прочнаго укрѣпленія песковъ, уменьшить разстояніе между рядами. Такимъ только образомъ сразу не трудно было-бы получить возможность окончательно укрѣпить эти сыпучіе, вредные для земледѣлія, пески, подъ которыми къ сторонѣ, прилегающей къ деревнѣ, глубоко постоитъ хорошая черноземная почва.

Около 8 часовъ я возвратился въ избу, въ которой остановился. Тотчасъ пришла ко мнѣ старуха — хозяйка, и, увидѣвши нѣсколько захваченныхъ мною на пескахъ растеній, обратила мое вниманіе на юринею.

— «Эго подземная трава у насъ называется,» замѣтила она.

— «Почему вы ее так называете?» —

— «Она помогает отъ натуги, коли кто подниметъ что тяжелое и заболѣетъ.» —

— «Какъ ею лечатъ такихъ больныхъ?» —

— «Настой изъ нея дѣлаютъ на винѣ и пьютъ; помогаетъ хорошо.» —

Въ это время вошла и молодая ея невѣстка, съ обѣщанною ею понёвою, которая дѣйствительно была красивѣе купленной мною у нея наканунѣ.

— «Вотъ я тебѣ принесла мою понёву,» сказала она, улыбувшись.

— «Сколько же тебѣ дать за нее?» —

— «Мать моя приказала, чтобы менѣе десяти рублей не брать за нее.» —

Такая цѣна показалась мнѣ слишкомъ высокою и я объявилъ ей, что могу дать за нее семь рублей.

— «Это дешево! Ты погляди, какъ она вышита,» отвѣчала она, показывая на узоры, вышитые на переднемъ концѣ поневы.

— «Все это хорошо, но только ты дорого запросила съ меня.» —

— «Да на что тебѣ поневы? Наши бабы сказывали, что ты скупаешь ихъ для того, чтобы послѣ приказъ дали намъ, не носить ихъ?» вопросительно примолвила она.

Такой вопросъ, относящійся къ перемѣнѣ формы деревенскихъ костюмовъ, мнѣ показался очень забавнымъ, такъ что я невольно засмѣялся; но однако

же я тотчасъ сказалъ ей, что о томъ, какъ одѣваются деревенскія женщины никто не думалъ и не будетъ думать.

— «Такъ тебѣ не *хоцца* (*) дать за нее десяти рублей?»—

— «Нѣтъ, не дамъ; а уступи за ту цѣну, какую я объявилъ тебѣ: тогда я возьму твою поневу.»—

— «Пойду, спрошу у матери, а сама не могу ничего тебѣ уступить,» сказала она и вышла изъ избы.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась и сказала, что мать ея приказала отдать за девять рублей. Но и эту цѣну я не соглашался дать за поневу.

— «Што-жъ тебѣ, денегъ, што-ли жаль, што не хочешь купишь ее у меня? возразила шутливымъ тономъ бойкая молодайка. (**)

— «А тебѣ вѣрно хочется взять съ меня по больше денегъ?»—

— «То-то хоцца! Я бы купила себѣ красную ситцевую юбку; наши бабы стали теперь носить ихъ, а у меня нѣтъ такой»—

(*) Въ первый разъ въ орловской губерніи мнѣ случилось слышать въ Лагиревкѣ, что женщины, вмѣсто: *хочется*, говорятъ: *хоцца*. А. Т.

(**) Въ орловской губерніи молодыхъ замужнихъ женщинъ въ крестьянскомъ сословіи называютъ *молодаиками*. А. Т.

— «Ты попроси твоего мужа: онъ тебѣ такъ дастъ денегъ на юбку.» —

— «Эхъ, баринъ! Ничего онъ мнѣ не купить! У него у самого нѣтъ денегъ; такой ужъ мужъ у меня!» —

— «Ты давно-ли вышла за него замужъ?» —

— «Недавно; передъ масляной,» отвѣтила она, глубоко вздохнувши.

— «Хорошо ты живешь съ нимъ?» —

— «Что тутъ говорить про это! Онъ хворый совсѣмъ, все не домогаетъ, ляжеть все больше.» —

— «Чѣмъ же онъ не здоровъ?» —

— «Кто его вѣдаетъ!» —

Замѣтно было, что эта молодая женщина не совсѣмъ была довольна своимъ больнымъ мужемъ. Я не хотѣлъ лишить ее удовольствія купить себѣ красную юбку и заплатилъ ей требуемую ею сумму за поневу. Получивши деньги, она повеселѣла и вышла изъ избы.

Черезъ полчаса начали запрягать лошадей въ мой экипажъ, и я вышелъ изъ избы взглянуть, какъ укладывали въ него мои дорожныя вещи. Молодая продавица поневь сидѣла въ сѣняхъ и вышивала крашеною бумагой какіе-то узоры на холстѣ, натянутомъ на небольшую деревянную раму, замѣнявшую ей пальцы.

— «Что это ты вышиваешь?» спросилъ я ее.

— Вышиваю себѣ полотенце.» —

Въ эту минуту черезъ сѣни прошелъ въ другую половину избы молодой парень съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ.

— «Не это-ли твой мужъ?» спросилъ я ее.

— «Онъ и есть,» отвѣчала она съ глубокимъ вздохомъ.

— «Любитъ онъ тебя, покрайней мѣрѣ?» —

Вмѣсто отвѣта, она взглянула на меня и глаза ее заволокло слезами. Губы ея задрожали и она не была въ состояніи выговорить ни слова. Видно было, что я коснулся самой чувствительной струны ея сердца. По этому я не хотѣлъ болѣе ее тревожить и замѣтилъ ей, что она вѣрно большая охотница до вышиванья.

— «Какъ горе подшибетъ, все будешь шить, да шить; а подъ веселый часъ глядишь все, да не шьешь,» отвѣтила она мнѣ. Въ это время въ дверяхъ сѣней показалась голова старшины, который объявилъ мнѣ, что лошади готовы.

Простившись съ хозяевами и молодой моей собесѣдницей, я сѣлъ въ свой тарантасъ и поѣхалъ об-

ратно по знакомой уже мнѣ дорогѣ до Лугани,
откуда проселками надобно было ѣхать въ село
Семеновское, для перемѣны лошадей, чтобы оттуда
добратся до *Ныинскаго приказа*, находящагося въ
Трубчевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 35 отъ *Лагиревки*.

ГЛАВА XI.

Деревня Войны. Земляная блоха. Нѣгипскій приказъ. Сельская школа. Фруктовый садъ. Деревня Денисова-гута. Разговоръ съ головою. Одежда денисовскихъ крестьянокъ и особенности ихъ нарѣчія. Небывалый лѣсъ. Лугъ на лѣвомъ берегу р. Десны.

Верстахъ въ пяти отъ села Лугани, чрезъ которое на обратномъ пути я проѣхалъ въ поперечномъ прежнему направленіи, находится д. *Войны*, населенная экономическими крестьянами. Названіе это я замѣтилъ потому только, что въ ней обратили на себя мое вниманіе коноплянники съ прекрасно росшею на нихъ густою коноплею, между тѣмъ какъ въ другихъ селеніяхъ, попадавшихся мнѣ прежде и послѣ по пути, всходы ея во многихъ мѣстахъ были повреждены и даже вовсе уничтожены *земляною блохою* (*Haltica oleracea* L.), такъ что понадобилось кое гдѣ и вторично засѣвать ихъ. Случалось и такъ, что въ одномъ селѣ или деревнѣ на однихъ мѣстахъ конопля росла хорошо, а на другихъ и слѣдовъ ея не было видно: блоха съѣла ее всю, а отъ засухи, бывшей въ то время въ юго-западной полосѣ губерніи, погибли недоѣденные ею стебельки. Отчего зависѣли такія явленія? Отчего одни всходы конопли были истребляемы вреднымъ наѣдомымъ, а къ другимъ она и не прикасалась? Для рѣшенія такого вопроса я на моемъ пути нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ крестьянъ, въ надеждѣ, что ихъ постоянныя и многолѣтнія наблюденія могутъ послужить къ открытію и разъ-

ясненію этой загадки. Но всѣ мои усилія были напрасны. А между тѣмъ этотъ вопросъ весьма важенъ, по крайней мѣрѣ, важнѣе всѣхъ рецептовъ и наставленій, предлагаемыхъ сельскими хозяевами для уничтоженія земляной блохи тогда уже, когда она появилась и размножилась въ такомъ количествѣ, что никакія вспрыскиванія разными микстурами, никакія окуриванія не помогаютъ сберегать посѣвы конопли. Въ одномъ только селеніи, спрошенный мною крестьянинъ сказалъ мнѣ, что размноженіе земляной блохи будто бы зависѣло оттого, что возлѣ нѣкоторыхъ крестьянскихъ строеній складываются большія кучи кострики, выдѣленной изъ стеблей конопли, когда ее мнутъ, и что въ ней то и гнѣздятся эти насѣкомыя, а потомъ оттуда распространяются по новымъ всходамъ конопли. Но я сомнѣваюсь въ справедливости такой догадки, на томъ основаніи, что если-бы эти насѣкомыя и дѣйствительно помещали свои яички на поверхности конопли, не снятой еще съ коноплянниковъ, или вводили-бы ихъ во внутрь ея стеблей, или, по крайней мѣрѣ, подъ покрывающую ихъ кожу: то едва-ли могли эти яички въ нихъ сохраниться послѣ вымочки конопли въ водѣ. Не зависятъ-ли эти мѣстные размноженія блохъ отъ качества навоза, употребляемаго для удобренія коноплянниковъ, который при нѣкоторыхъ условіяхъ, быть можетъ, служитъ мѣстомъ для кладки въ немъ яицъ этими насѣкомыми? Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы сельскіе хозяева обратили особенное свое вниманіе на условія, при которыхъ развивают-

ся земляныя бляхи, и на мѣста, служащія имъ для помѣщенія ихъ яицъ. Тогда легче можно-бы было найти болѣе вѣрное средство для уничтоженія этихъ истребителей конопли въ то время, когда они еще не приносятъ ей никакого существеннаго вреда.

Упомяну еще объ одной особенноти, замѣченной мною по пути въ трубчевскомъ и сѣвскомъ уѣздахъ. Въ нихъ я не встрѣтилъ ни одного экземпляра растенія, повсемѣстно распространеннаго въ восточной полосѣ орловской губерніи и извѣстнаго подъ названіемъ *подмаренника настоящаго* (*Galium verum* L.). Это растеніе замѣчательно тѣмъ, что краскою, добываемою изъ его корней, крестьянки окрашиваютъ свою шерстяную пряжу въ красный цвѣтъ. Другіе виды подмаренника попадались мнѣ въ названныхъ уѣздахъ въ значительномъ количествѣ; но этого вида тамъ, по видимому, не находится, такъ что его можно считать довольно характеристическимъ признакомъ черноземной полосы этой губерніи.

Въ село Семеновское я пріѣхалъ во 2-мъ часу по полудни. Оно расположено на высокой нагорной сторонѣ, окаймляющей съ лѣвой стороны обширную низменную долину рѣки Сѣва. Перемѣнивши лошадей, я спустился въ эту долину. Болотистыя мѣста, покрытыя небольшими участками лѣсовъ, стали въ ней попадаться чаще. Пахатныя поля на возвышенностяхъ отличались свѣтло-бурымъ и сѣроватымъ цвѣтомъ отъ значительной примѣси къ почвѣ песку и глины, указывавшихъ на меньшую степень

ея плодородія. Возлѣ селеній только появлялись черными полосами конопляники, на которые мѣстные жители сваливаютъ наибольшую часть удобренія, потому что конопля для нихъ служить самымъ важнымъ предметомъ ихъ сельской промышленности.

Около 4-хъ часовъ я прибылъ въ Нѣгинскій приказъ и тотчасъ отправился въ школу, гдѣ продолжались тогда послѣобѣденныя классныя занятія, подѣ руководствомъ учителя изъ окончившихъ въ семинаріи курсъ студентовъ. Въ ней находилось тогда 45 учениковъ.

Результатъ произведеннаго мною имѣ испытанія состоялъ въ слѣдующемъ:

Ученики старшаго возраста по русски и по славянски читали довольно хорошо, но не всѣ могли удовлетворительно объяснять прочитанное своими словами. Знаніе молитвъ было весьма удовлетворительно. Ариѳметическія задачи рѣшали безъ особенныхъ затрудненій и довольно скоро; на счетахъ складывали и вычитали хорошо. Пѣнію ихъ обучали безъ нотъ и оно показалось мнѣ посредственнымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое я слушалъ въ другихъ школахъ.

Тѣлесныя наказанія за лѣность или дурное поведеніе, по словамъ учителя, въ этой школѣ вовсе не употребляются.

Дѣвочки обучаются грамотѣ у сельскаго священника; но мнѣ не удалось познакомиться съ пріобрѣтенными ими свѣдѣніями, потому что онѣ были въ то время распущены по домамъ.

Изъ школы я зашелъ во фруктовый садъ. Составлявшіе его молодые деревца были въ плохомъ состояніи, сравнительно съ тѣми, какія до того времени были мною осмотрѣны въ другихъ садахъ. Это отчасти, быть можетъ, зависѣло отъ весьма посредственной почвы, состоящей изъ супеска и требующей особой подготовки и значительнаго удобрения для того, чтобы можно было достигнуть какого нибудь успѣха въ разведеніи на ней фруктовыхъ деревьевъ.

Черезъ полтора часа я поѣхалъ далѣе, къ сѣверо-западу, въ деревню *Денисову-гуту*. Съ приближеніемъ къ ней чаще начали встрѣчаться лѣсные участки, состоявшіе изъ смѣшенія хвойныхъ и лиственныхъ породъ весьма разнообразнаго возраста. Ель замѣчена была мною уже въ окрестностяхъ села Нѣгина.

Незадолго до сумерекъ я пріѣхалъ въ Денисовугуту и остановился въ домѣ зажиточнаго крестьянина, бывшаго въ то время въ ней головою. Деревня эта расположена на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки Неруссы. Мѣстоположеніе ея очень привлекательное. У самой деревни Нерусса изогнута подъ угломъ въ направленіи отъ юга къ западу; посреди нѣ ея, въ самой вершинѣ этого угла, изъ наноснаго песку образовался островъ; противоположный берегъ на небольшомъ разстояніи отъ рѣки покрытъ луговою растительностію, потомъ постепенно возвышается и какъ-бы исчезаетъ подъ синѣющими вдали хвойными лѣсами, покрывающими огромную

площадь пространства въ трубчевскомъ уѣздѣ. Эти лѣса, начиная съ югозападнаго края уѣзда, проходятъ во всю его длину въ направленіи къ сѣверу и преимущественно сосредоточены вдоль низменнаго лѣваго берега р. Десны; потомъ оттуда тянутся чрезъ брянскій и карачевскій уѣзды и сливаются съ лѣсами Жиздринскаго уѣзда калужской губерніи. Лѣсами покрыта почти половина трубчевского уѣзда. Пространство, ими занимаемое, простирается до 221,550 кв. десятинъ (*). Господствующую въ нихъ породу составляетъ сосна; но она рѣдко встрѣчается тамъ чистыми насажденіями, а большею частію растетъ въ смѣшеніи съ различными лиственными древесными породами, а на низкихъ болотистыхъ мѣстахъ съ елью.

Избы въ Денисовкѣ высокія, просторныя. Многія изъ нихъ покрыты тесовыми кровлями. Окна въ нихъ всегда обращены на дворъ, а на улицу въ каждой избѣ сдѣлано по одному только небольшому окошку, часто, вмѣсто рамы со стекломъ, закрываемому деревянною заслонкою.

Пока ставили мнѣ самоваръ, я разговорился съ моимъ хозяиномъ, въ которомъ съ первыхъ словъ можно было замѣтить умнаго и расторопнаго человѣка.

— «Хорошее мѣстоположеніе вашей деревни и, кажется, вы пользуетесь тутъ большими удобствами,» сказалъ я ему.

(*) Памятная книжка орловской губерніи на 1860 г. стр. 49.

— «У насъ здѣсь хорошо; приволья много во всемъ,» отвѣчалъ онъ.

— «Какова земля на вашихъ поляхъ?» —

— «Земля у насъ песчаная, но рожь растеть на ней порядочно. Луговъ у насъ довольно и въ лѣсѣ нѣтъ недостатка.» —

— «Много у васъ коноплянниковъ?» —

— «Довольно.» —

— «А какова нынѣ у васъ конопля?» —

— «Хороша. Отъ засухи она какъ будто малечко пріостановилась въ ростѣ; но это еще ничего: ежели пойдутъ дождинки, то она еще поправится» —

— «Не замѣтно-ли истребленія ее блохою?» —

— «Нѣтъ; насъ Господь Богъ миловалъ; ничего этого не замѣтно.» —

— «Гдѣ находятся ваши коноплянники?» —

— «Тутъ подъ бокомъ; за дворами. Не угодно-ли вамъ взглянуть на мой коноплянникъ? теперь еще не поздно.» —

Я согласился, и мы тотчасъ пошли дворомъ, въ заднія ворота, на довольно обширную площадь, которая была покрыта густыми всходами конопли. Я взялъ въ горсть изъ подъ нея земли. Она состояла изъ рыхлаго песчанистаго чернозема, смѣшаннаго съ суглинкомъ. Видно было, что этотъ черноземъ значительно улучшился отъ хорошаго удобренія и долговременной его обработки.

— «Я вотъ думаю,» примолвилъ голоза, «часть этого коноплянника отдѣлить подъ садъ и развести на ней яблони и груши.» —

— «Хорошее дѣло,» отвѣчалъ я ему. «На такой землѣ можно надѣяться на совершенный въ этомъ успѣхъ. А въ вашей деревнѣ нѣтъ садовъ?» —

— «Нѣтъ. Оттого я и думаю развести садъ, который, полагаю, будетъ по прибыльнѣе конопляника. При томъ-же я очень люблю заниматься садоводствомъ.» —

Пожелавши ему въ этомъ успѣха, я сообщилъ ему нѣсколько предварительныхъ наставленій, относящихся къ первоначальному основанію сада и уходу за прививками.

Возвращаясь въ избу, я замѣтилъ на дворѣ порядочный складъ большихъ бочекъ подъ навѣсомъ. Онѣ были сдѣланы изъ осинової клѣпки, а обручи на нихъ были разные: изъ орѣшника, черемухи, крушины и проч.

— «Для чего должны служить эти бочки?» спросилъ я моего хозяина.

— «Ихъ покупаютъ у насъ для упаковки сахару и сала,» отвѣчалъ онъ.

— «Гдѣ дѣлаются онѣ?»

— «Здѣсь-же, по деревнямъ, въ полѣсьи. Мы сами ихъ покупаемъ на продажу.» —

— «По какой цѣнѣ?» —

— «По 40 и 43 копѣйки серебромъ за бочку.» —

— «Занимаются-ли здѣшніе крестьяне пчеловодствомъ въ лѣсахъ?» —

— «Какже. У насъ есть пчелы.» —

— «Я думаю, что для нихъ тутъ много удобствъ?» —

— «Это правда. У насъ привольно для пчелъ: лѣсу много, луговъ также; есть гдѣ имъ покор- миться.» —

— «Ного-ли дичи водится въ здѣшнихъ мѣ- стахъ?» —

— «Много. Есть всякая: лѣсная и болотная.» —

— «Какая-же именно?» —

— «Въ лѣсахъ довольно глухарей, тетеревей и рябчиковъ, а на болотахъ много бекасовъ, утокъ, дуппелей. Всякая у насъ есть дичь.» —

— «Стрѣляютъ ее ваши крестьяне?» —

— «Стрѣляютъ, да мало. Тетеревей у насъ таки бьютъ осенью, изъ шалашей, а рябчиковъ примани- ваютъ на писчики. Но весною у насъ много ловятъ бекасовъ и дуппелей плѣнками на токахъ. (*) Одинъ мужичекъ прошлою весною наловилъ такъ до 500 штукъ бекасовъ въ нѣсколько ночей. Такая удачли- вая была его охота!» —

— «Это уже не охота, а истребленіе дичи. Слѣ- довало-бы строго запрещать подобнаго рода охоту,» замѣтилъ я ему.

— «У насъ нѣкому смотрѣть за этимъ.» —

— «Жаль. А водятся-ли въ здѣшнихъ лѣсахъ медвѣди?» —

— «Водятся; есть также много лосей и дикихъ козъ (козуль).» —

(*) Пленками въ орловской губерніи называются сил- ки изъ бѣлаго конскаго волоса, навязанные рядомъ на длинныя веревки. Такія веревки посредствомъ колецъ крестьяне прикрѣпляютъ къ землѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по ночамъ бывають бекасиныя или дуппелиныя токи. А. Т.

— «Рыбная ваша рѣка?» —

— «Было въ ней довольно всякой рыбы; но вотъ уже два года, какъ ее стало замѣтно меньше у насъ.» —

— «Отчего?» —

— «Должно быть вотъ отчего: зимою въ 1859 году не надѣлали прорубей во льду по рѣкѣ; оттого рыба въ ней почти вся и задохлась. Сколько тутъ повсплывало ее, когда весною тронулся ледъ! Что ни на есть самая крупная все была рыба! Съ той поры у насъ ее много поменѣло.» —

— «А раки есть въ Неруссѣ?» —

— «Есть довольно. У насъ хорошіе, крупные раки!» —

Послѣ этихъ свѣдѣній, я перешелъ къ другому, болѣе важному вопросу, именно: къ распространенію грамотности въ народѣ.

— «Есть ли у васъ училище для вашихъ дѣтей?» — спросилъ я его.

— «Какже, есть. Съ генваря мѣсяца мы завели тутъ и школу. Особаго дома для нее мы еще не успѣли построить, но учителя наняли и онъ уже учить нашихъ ребятъ.» —

— «Виднѣ уже успѣхъ въ этомъ добромъ дѣлѣ?» —

— «Виднѣ; да не угодно-ли вамъ хотѣ теперича послушать, какъ читаютъ мои сыновья?» —

— «Съ большимъ удовольствіемъ!» —

Голова вышелъ въ другую половину избы и тотчасъ привелъ съ собою двухъ своихъ сыновей, бой-

кихъ, коренастыхъ мальчиковъ. Оба они весьма удовлетворительно читали по славянски и потомъ своими словами могли рассказать прочитанное. Молитвы хорошо знали наизусть и произносили ихъ внятно и съ надлежащими разстановками. Отецъ ихъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ ихъ отвѣтамъ и былъ весьма доволенъ тѣмъ, что они вызвали мою похвалу. Изъ дальнѣйшаго съ нимъ разговора о школѣ, я убѣдился, что онъ вполне понимаетъ необходимость распространенія грамотности въ народѣ и очень доволенъ тѣмъ, что ему пришлось участвовать въ учрежденіи училища въ Денисовкѣ.

Послѣ этого его позвали къ ужину, а мнѣ былъ поданъ самоваръ.

Спустя полчаса, хозяинъ мой снова явился ко мнѣ и принесъ на деревянномъ блюдѣ порядочное количество только что сваренныхъ раковъ. Они были крупны и красны, какъ сургучъ, такъ что я не могъ отказаться отъ такого угощенія, котораго въ Орлѣ нельзя имѣть, потому что раки въ Окѣ и ея притокахъ въ этомъ уѣздѣ очень мелки, тощи и нехорошаго вкуса, такъ что ихъ нельзя и сравнивать съ денисовскими.

Былъ уже 11-й часъ на исходѣ и пора было ложиться спать. Простившись съ хозяиномъ, я началъ записывать въ свой дневникъ мои путевыя впечатлѣнія. Среди безмолвной тишины, какая обыкновенно бываетъ въ деревняхъ въ ночное время, я услышалъ, что на другой половинѣ избы кто-то довольно громко читаетъ. Но до меня долетали одни

только звуки, а словъ я разобрать не могъ. Любопытство заставило меня отворить мою дверь и послушать, въ чемъ состояло это чтеніе. Выглянувши въ сѣни, я увидѣлъ чрезъ отворенную дверь хозяйской половины вполне патриархальную сцену: хозяинъ со своими сыновьями и женою стоялъ предъ образами и всѣ вмѣстѣ, въ одинъ голосъ громко читали вечернія молитвы. Я тихонько притворилъ мою дверь и скоро заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ только можно пользоваться во время продолжительныхъ путешествій.

На слѣдующее утро я вышелъ на берегъ рѣки полюбоваться прекрасною мѣстностію. Довольно густыя тучки, въ видѣ длинныхъ, сѣрыхъ полосъ заволакивали горизонтъ съ востока и юго-востока и закрыли не задолго передъ тѣмъ взшедшее солнце. Внизу, подъ горою, на которой я стоялъ, десятка полтора женщинъ мыли въ рѣкѣ бѣлье. Къ нимъ, по крутому склону, подходили другія и число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Одежда ихъ напомнила мнѣ Бѣлоруссію и незадолго передъ тѣмъ посѣщенную мною черниговскую губернію. Вмѣсто кокошниковъ головы у нихъ были повязаны большими платками, изъ подъ которыхъ у незамужнихъ висѣли незаплетенныя косы. Этимъ только онѣ и отличались отъ черниговскихъ дѣвокъ, которыя своихъ косъ не выпускаютъ, такъ что по головному убору ихъ нельзя отличать отъ замужнихъ женщинъ. Вмѣсто поневъ всѣ женщины были одѣты въ шерстяныя юбки малиноваго цвѣта съ вышитыми по нимъ черными пятнышками, на

подобіе мушекъ. На рукавахъ ихъ рубахъ, начиная отъ плечъ до локтей, были вышиты курьёзные узоры красною и синею бумагою, а на плечахъ были нашиты погоны изъ пунсовой хлопчато-бумажной матеріи.

Извѣстно уже, что женщины не могутъ молчать даже во время трудныхъ своихъ работъ. Поэтому и здѣсь всѣ крестьянки громко между собою разговаривали, усердно шлепая вальками по бѣлью и производили ими звуки, подобные барабанному бою, которые далеко разносились по рѣкѣ. Произношеніе ихъ сильно отзывалось черниговскимъ, которое, надобно замѣтить, представляетъ много сходства съ бѣлорусскимъ. Нѣкоторые глаголы онѣ выговаривали съ усѣченными окончаніями, какъ на пр: *переве-ве, приде, думает* и проч. Въсто: искалъ, онѣ говорили: *шукау*, и т. п. Иногда въ ихъ разговорѣ встрѣчались слова изъ великороссійскаго нарѣчія.

Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня остановилась одна баба и я тотчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ.

— «Что тамъ бабы моютъ?» спросилъ я ее, не зная, съ чего начать съ нею мой разговоръ.

— «Бялѣ моюць и халсты,» отвѣтила она.

— «Хорошо у васъ здѣсь растеть ленъ?» —

— «Нѣ; мы яго ня сѣмъ: у насъ онъ не родится.» —

— «Изъ чего-же вы дѣлаете вашъ холстъ?» —

— «Изъ замашки.» —

— «Хорошъ онъ изъ шелъ?» —

— «Всякій бывае; якая замашка, такі і холсты.» —

— «Развѣ не одинаковая у васъ бываетъ замашка?» —

— «А якъ же; разная: стланая и моченая.» —

— «Чѣмъ же онѣ отличаются одна отъ другой?» —

— «Стланую мы стелимъ по травѣ, а въ водѣ ня мочимъ, а тую мочимъ въ рѣчкѣ.» —

— «Изъ какой-же холсты выходитъ лучшимъ?» —

— «Изъ стланой крѣпче, да только сѣрь, долго ня бѣлицца; а изъ моченой ня дуже крѣпокъ, да бѣлицца скоро: вымоешь яго раза три въ щелокѣ, іонъ и побялѣе.» —

— «Долго надобно мочить замашку?» —

— «Нядѣли двѣ, а коли холодно, то и больше.» —

— «А какъ долго мочите вы пеньку?» —

— «Въ цѣлую погоду двѣ нядѣли, а въ холодную пять и шесть нядѣль.» —

— «Юбки вы сами дѣлаете?» —

— «Сами.» —

— «И красите ихъ сами?» —

— «И красимъ сами.» —

— «Дорого-ли стоитъ хорошая юбка?» —

— «Чатыре и пять рублей.» —

— «А дешевле бываютъ?» —

— «Есть и въ 2 р. 50 к. асс., да не хороши.» —

— «Вы никогда не носите кокошниковъ?» —

— «На што намъ кокошники, мы платки носимъ», сказала она съ усмѣшкою, въ которой выразилось какое-то презрѣніе къ этому головному убору великорусской крестьянки.

Послѣ этого разговора она ушла. Я тоже возвратился въ избу, и черезъ часъ отправился изъ Денисовой-гуты въ усохскій приказъ, находящійся верстахъ въ 7-ми отъ г. Трубчевска. Выѣхавши изъ деревни, мы спустились по отлогой покатости къ берегу р. Норуссы и переправились черезъ нее въ бродъ противъ деревни *Смелижа*. Выѣшній видъ ея, какъ и вообще всѣхъ селеній лѣсной полосы, довольно печальный. Это зависитъ оттого, что въ избахъ нѣтъ оконъ на улицу и потому онѣ кажутся менѣе оживленными. За Смелижемъ я ѣхалъ мимо коноплянниковъ, огороженныхъ плетнями, возлѣ которыхъ кое-гдѣ росли небольшіе дубки, по видимому, еще недавно тамъ посаженные. Далѣе за ними находился довольно обширный лугъ, съ рѣдко растущими на немъ кустами олешиника. Тутъ проселочная дорога раздѣлялась на двѣ вѣтви: правую и лѣвую. Последняя вела къ селу Красному, населенному государственными крестьянами. Оно замѣчательно тѣмъ, что къ нему принадлежитъ превосходная чисто дубовая роща, занимающая около 1000 десятинъ пространства. Хотя средній возрастъ составляющихъ ея деревьевъ простирается отъ 60 до 80 лѣтъ; но по осмотру ея въ началѣ сороковыхъ годовъ, нарочно командированнымъ для этой цѣли флотскимъ офицеромъ, она найдена была большой цѣнности и обѣщающею, со временемъ, дать отличный матеріалъ для флота. Мнѣ надобно было ѣхать влѣво отъ Смелижа, въ направленіи къ сѣверо-западу, и потому я не ви-

дать этой рощи и не знаю даже, берегается-ли она нынѣ для предназначенной цѣли, или оставлена на произволъ судьбы, безъ дальнѣйшаго на нея вниманія.

При въѣздѣ въ лѣсъ, черезъ который проселкомъ надобно было тащиться верстъ двадцать пять, мнѣ стали довольно часто встрѣчаться вѣковые сосны по обѣимъ сторонамъ дороги.

— «Это казенный лѣсъ?» спросилъ я везшаго меня мужичка.

— «Нѣтъ, это господскій, а далѣе пойдетъ казенный», отвѣчалъ онъ.

Проселочная дорога была нехороша, такъ что надобно было ѣхать по ней почти шагомъ. Скучно было сидѣть въ тарантасѣ, и я пошелъ пѣшкомъ. Въ воздухѣ была духота отъ совершеннаго безвѣтрія. Множество красивыхъ разноцвѣтныхъ дневныхъ бабочекъ перепархивали по цвѣтамъ, встрѣчавшимся небольшими группами по прогалинамъ лѣса. Тучки все болѣе и болѣе заволакавали небо надъ лѣсомъ и скоро началъ накрапывать небольшой дождь. Я сѣлъ въ тарантасъ и началъ пристальнѣе вглядываться въ попадавшіяся мнѣ на встрѣчу деревья. Да и не-на-что было болѣе смотрѣть, находясь въ срединѣ лѣсной чащи. Скоро крупныя деревья стали появляться рѣже и рѣже, и наконецъ ихъ смѣнилъ молодой лѣсъ, лѣтъ 40 или 50. Обугленная внизу на всѣхъ соснахъ кора ясно обнаруживала слѣды бывшаго тамъ лѣснаго пожара.

— «Вотъ теперь пошелъ казенный лѣсъ: *Небы-
валымъ* прозывается,» замѣтилъ мой возничій.

— Такъ это Небывалая дача?» спросилъ я его,
опасаясь, не ошибся-ли онъ.

— «Она самая и есть,» отвѣчалъ мужичекъ.

Я былъ весьма доволенъ этою новостію, потому
что давно уже мнѣ хотѣлось посѣтить эту дачу, о ко-
торой, лѣтъ 12 тому назадъ, я собралъ различные
свѣдѣнія, имѣвши въ то время возможность пользо-
ваться официальнымъ источникомъ, находящимся въ
въ орловской палатѣ государственныхъ имуществъ
и извѣстномъ въ ней подъ названіемъ: «Краткое ста-
тистическое описаніе лѣсовъ орловской губерніи
состоящихъ въ вѣдомствѣ лѣснаго управленія по
уѣздамъ. (*)»

Этотъ лѣсъ названъ *небывалымъ* еще въ то
время, когда онъ состоялъ изъ вѣковыхъ деревьевъ
такихъ громаднхъ размѣровъ, какіе и въ концѣ
прошлаго столѣтія считались большою рѣдкостію.
Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ немъ насчитыва-
лось еще нѣсколько сотенъ сосновыхъ деревьевъ,
имѣвшихъ, не при основаніи, а на высотѣ 5—8
аршинъ отъ поверхности земли, до двухъ аршинъ
въ обхватѣ. Это были тогда послѣдніе остатки преж-
няго величія. И что же значили эти сотни круп-
ныхъ деревьевъ, когда вся небывалая дача, состоя-
щая изъ двухъ отдѣленій, раскинута на простран-
ствѣ около 60,000 квадр. десятинъ! Какой-же воз-

(*) Составленіе этого описанія относитсѣ къ 1842—44
годамъ. А. Т.

расть нынѣ существующихъ въ ней деревьевъ? —
А вотъ какой, скажемъ мы, пользуясь выписками
изъ вышеупомянутаго источника:

«Господствующій возрастъ деревьевъ сосновыхъ
отъ 15 до 35 лѣтъ, лиственныхъ отъ 10 до 20
лѣтъ.» Относительно же существовавшихъ въ лѣсу,
какъ выше замѣчено, нѣсколькихъ сотенъ вѣковыхъ
деревьевъ, въ томъ-же источникѣ сказано, что
«большая часть ихъ засохла и стоитъ безъ коры, а
тѣ изъ нихъ, кои еще растутъ, находятся въ болѣз-
ненномъ состояніи отъ многихъ глубокихъ ранъ, на-
несенныхъ имъ въ прежнее время промышленниками
бортеваго пчеловодства.»

Неужели-же и весь почтенный небывалый лѣсъ
погибъ по милости промышленниковъ бортеваго пче-
ловодства? Едва-ли! Скорѣе можно предположить,
что въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ немъ распо-
ряжались другаго рода промышленники, которые и
пощадилъ только однѣ бортевыя деревья, какъ не-
годныя и неимѣющія значительной цѣнности.

Скоро дождь прекратился и я снова пошелъ пѣш-
комъ, дабы удобнѣе познакомиться съ этимъ лѣсомъ
и составляющими его древесными породами. Верстъ
десять я шелъ, и на всемъ этомъ пути видѣлъ
только обугленные снизу сосны, а между ними еди-
нично растущія корявыя березы, осины, дубы и вя-
зовыя деревья. Изрѣдка, по низменнымъ мѣстамъ,
влѣво отъ дороги попадался и ельникъ, — впрочемъ,
въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Такъ-то у насъ исчезло много лѣсовъ! Это безразсудное ихъ уничтоженіе, противное всякому здравому смыслу, продолжается и въ настоящее время.

Нѣкоторые изъ помѣщичьихъ лѣсовъ въ трубчевскомъ уѣздѣ сохранились и находятся въ гораздо лучшемъ состояніи нежели казенные. Возрастъ составляющихъ ихъ древесныхъ породъ простирается до 100, даже до 150 и болѣе лѣтъ. Въ одной изъ такихъ дачъ, занимающихъ огромное пространство, вводится правильнѣе лѣсохозяство, которому нельзя не порадоваться, потому что это единственное средство къ сбереженію лѣсовъ и полученію изъ нихъ наибольшихъ ежегодныхъ доходовъ.

Казалось-бы, что близость р. Десны и удобство ея для судоходства должны-бы были способствовать процвѣтанію лѣсной промышленности въ трубчевскомъ уѣздѣ. Но, къ сожалѣнію, она находится въ немъ на весьма низкой степени развитія. Множество необработанныхъ, сырыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, въ видѣ бревенъ и дровъ, унесено волнами Десны въ Днѣпръ, а оттуда въ безлѣсныя южныя губерніи; но мѣстные жители мало заботились о томъ, чтобы имъ самимъ обрабатывать нѣкоторые изъ лѣсныхъ матеріаловъ и сплавлять ихъ туда съ большими для себя выгодами. Лѣсная промышленность сосредоточена преимущественно въ рукахъ крестьянъ тѣхъ селеній, которыя находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лѣсами. Эта промышленность ограничивается болѣе мѣстнымъ потребленіемъ различныхъ издѣлій изъ лѣсныхъ матеріаловъ, какъ

напр: досокъ, кадокъ, лопать, ободьевъ, ступицъ, спицъ и проч. Даже сидкою смолы и дегтя въ трубчевскомъ уѣздѣ занимаются не мѣстные жители, но черниговцы. Они добываютъ эти вещества въ майданныхъ ямахъ, какъ въ казенныхъ, такъ и частныхъ лѣсахъ. Въ первыхъ за поведерную плату, т. е: за условленную цѣну съ каждаго ведра получаемого ими дегтя, а въ помѣщичьихъ половину дегтя или смолы отдають лѣсовладѣльцу, а другая поступаетъ въ собственное ихъ пользованіе.

Не имѣя положительныхъ свѣдѣній о настоящей цѣнѣ на лѣсные матеріалы въ трубчевскомъ уѣздѣ, я считаю не лишнимъ привести здѣсь цѣны на строевой лѣсъ и дрова, существовавшія въ 1842—44 годахъ въ Трубчевскѣ. Свѣдѣнія объ нихъ заимствованы мною изъ вышеприведеннаго офіціального источника и потому они могутъ быть считаемы довольно достовѣрными.

Вотъ что въ немъ сказано по этому вопросу:

— «Крестьяне, занимающіеся продажей лѣса, приобрѣтають его покупкою изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, въ особенности изъ помѣщичьихъ дачъ, въ которыхъ на мѣстѣ растущее сосновое дерево, дающее бревно въ три сажени длиною, а въ поперечникѣ отъ 4 до 5 вершковъ, продается отъ 8 до 12 копѣекъ серебромъ, а кубическая сажень хорошихъ крупныхъ разнородныхъ дровъ по 56 копѣекъ серебромъ; готово-же нарубленныхъ и поставленныхъ въ паленницы отъ 70 до 87 коп. сер. Цѣны на базарахъ въ г. Трубчевскѣ весьма

шатки. Вообще упадокъ и возвышеніе цѣнности бревенъ и дровъ зависитъ отъ меньшей или большей на нихъ потребности, также времени года и состоянія дорогъ. Въ лѣтнее время возъ трехъ аршинныхъ дровъ покупается по 15 коп. сер., а бревно въ 3 сажени длиною и 4—5 вершковъ въ поперечникѣ отъ 20 до 25 коп. сер. Барыши, получаемые въ это время продавцами, не слишкомъ велики. При хорошей же зимней дорогѣ цѣны еще болѣе понижаются: тогда возъ дровъ продается отъ 10 до 15 коп. сер., а бревно отъ 12 до 18 коп. Но за то весною, при испорченныхъ дорогахъ, цѣны замѣтно возвышаются, такъ, что возъ дровъ продается отъ 30 до 36 коп. даже по 40 коп. сер., а бревно отъ 28 до 36 коп. сер. Поэтому кубическая сажень дровъ (считая на сажень 12 возовъ лѣтнихъ или 10 зимнихъ) обходится лѣтомъ въ 2 рубля, зимою въ 1 руб. 50 коп., а весною и осенью отъ 3 руб. 50 коп. до 5 руб. серебромъ.» —

Весьма бы любопытно было, если-бы кто нибудь изъ жителей г. Трубчевска, прочитавши эти строки, потрудился сообщить въ редакцію орловскихъ губернскихъ вѣдомостей, подробныя и самыя достоверныя свѣдѣнія о существующихъ нынѣ тамъ цѣнахъ на различные лѣсные матеріалы, привозимые въ Трубчевскъ въ базарные дни. Вѣроятно нынѣшнія цѣны ихъ значительно превзойдутъ существовавшія тамъ 20 лѣтъ тому назадъ? Подобнаго рода свѣдѣнія очень интересно было бы получить и изъ остальныхъ уѣздовъ лѣсной полосы орловской губерніи и вѣрно редакція орловскихъ вѣдомо-

мостей не отказалась бы напечатать ихъ въ своей газетѣ, какъ матеріалы, весьма важные въ статистическомъ отношеніи.

Почти четыре часа я ѣхалъ и большею частию шелъ пѣшкомъ черезъ небывалый лѣсъ. Однообразие его наконецъ меня утомило. Мало я видѣлъ въ немъ птицъ и еще менѣе слышалъ ихъ голоса. Это зависѣло оттого, что тогда миновала уже пора ихъ любви и наступилъ болѣе трудный для нихъ періодъ—выполненія родительскихъ обязанностей, состоявшихъ въ выкармливаніи и воспитаніи ими своихъ дѣтей. Къ концу пути чрезъ этотъ лѣсъ тучи разсѣялись и яркій солнечный свѣтъ охватилъ все видимое пространство. Въ лѣсномъ затишьи атмосфера стала наполняться теплыми парами и сдѣлалось душно. Голодные комары, эти лѣсные кровопійцы, съ тонкимъ пронзительнымъ жужжаніемъ, стали навѣдываться въ мой тарантасъ, въ надеждѣ полакомиться кровію заѣзжаго въ ихъ колоніи чело-вѣка, который однако-же безцеремонно сталъ вы-проваживать сигарнымъ дымомъ этихъ докучливыхъ гостей. За то крестьянскимъ лошадамъ приходилось жутко. Оводы стали садиться на нихъ сотнями, такъ что мужичку пришлось безпрестанно сгонять этихъ злыхъ насѣкомыхъ своимъ веревочнымъ кну-томъ. Но защиты въ этомъ было не много. Скоро тонкія кровавыя струйки стали просачиваться сквозь шерсть по спинамъ лошадей. Усталые, онѣ по не-волѣ принуждены были бѣжать мелкою рысцою, чтобы только поскорѣе выбраться изъ лѣсу. Наконецъ, въ половинѣ 11-го часа, мы выѣхали на обшир-

ный, заливной лугъ, раскинутый по лѣвому берегу р. Десны. Узкою проселочною дорогою по немъ надобно было тащиться версты три до паромъ на рѣкѣ. Вдали на высокомъ противоположномъ ей берегу видѣнъ былъ Трубчевскъ. Въ отдаленіи, правѣе отъ него, рѣзко обозначалась на горизонтѣ бѣлая церковь въ селѣ *Усохъ*. Дорога наша тянулась извилинами сначала между кустовъ лозы и олешиника, образовавшихъ широкую лѣсную опушку, а потомъ по открытому зеленому лугу, мимо не большого ручья, направленіе котораго къ Деснѣ обозначали темнозеленныя гривки росшихъ по берегамъ его камышей и тростниковъ. Мелкія птицы, камышевки и желтыя трясогузки безпрестанно перепархивали по нимъ, преслѣдуя насѣкомыхъ. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тарантаса вылетѣла изъ засады пустельга—этотъ мелкій хищникъ изъ соколиной породы. Завидѣвши его, испуганныя птички бросились въ разсыпную въ кусты и въ высокую траву. Но зоркій глазъ его уже завидѣлъ добычу. Камнемъ свалился онъ на подмеченную имъ жертву; утонулъ въ густой травѣ и выплгъ поднялся на воздухъ, удерживая когтями одной изъ своихъ крѣпкихъ ногъ пойманную имъ трясогузку. Жалобно запищала она, прощаясь съ жизнью, въ предсмертныхъ страданіяхъ; но хищникъ клевнулъ ее разъ, другой, и все затихло. . . . Нѣсколько перышекъ бѣдной птички понесло вѣтромъ, быть можетъ въ ту сторону, гдѣ семья голодныхъ ея дѣтей, прижавшись другъ къ другу въ

гнѣздѣ, ждутъ—не дождутся своей нѣжной и заботливой матери. . . .

Скоро мы подъѣмали къ парому на Деснѣ, состоявшему изъ небольшого плота, установленнаго на двухъ лодкахъ. Переправившись на немъ на противоположный берегъ, мы поднялись по крутой горѣ возлѣ одного селенія на большую торную дорогу и черезъ полчаса я былъ уже въ Усохскомъ приказѣ.

ГЛАВА XII.

Село Усохъ. Коля Б. Экзаменъ въ школѣ. Трубчевскъ. Мѣстоположеніе въ окрестностяхъ Чолнскаго монастыря. Селецкій приказъ. Бѣлоголовицкій приказъ. Юровский приказъ. Заключение.

Въ с. Усохѣ я засталъ г. помощника управляющаго орловской удѣльной конторой, П. П. Б., который уже болѣе мѣсяца жилъ тамъ по дѣламъ своей службы. Съ нимъ находились тамъ его жена и 14 лѣтній сынъ. Они нанимали себѣ квартиру въ домѣ діакона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сельской церкви. Свиданіе съ этимъ семействомъ было для меня весьма пріятно, и потому я рѣшился остаться тамъ дня три или четыре. Почти полтора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Я путешествовалъ и успѣлъ сдѣлать около 1200 верстъ пути, а Б. занимался въ Усохѣ порученными ему дѣлами. Поэтому было намъ о чемъ побесѣдовать между собою. Съ моей стороны сыпались новости изъ кіевского университета, а отъ него я слушалъ рассказы о скромной деревенской его жизни, въ средѣ неразвитыхъ крестьянъ, гдѣ день за днемъ проходятъ чрезвычайно однообразно, какъ обыкновенно бываетъ во всѣхъ нашихъ деревняхъ; а въ такой глуши, какъ трубчевскій уѣздъ, я думаю, и цѣлые годы, даже десятилѣтія мало чѣмъ разнятся между собою, исключая развѣ смѣны однихъ поколѣній другими.

Весь первый день свиданія прошелъ для насъ весьма скоро. Подъ вечеръ мы прогуливались по

селу, расположенному на высокой нагорной стороне. Оттуда любовались довольно хорошим мѣстоположеніемъ окрестностей и въ особенности задеснинскою стороною, представляющею обширнѣшіе луга, окаймленные на заднемъ планѣ сплошнымъ сосновымъ боромъ, который чѣмъ дальше отъ глазъ, тѣмъ болѣе завлакивался сицевою отъ значительнаго количества испареній, обильно поднимавшихся съ нагрѣтымъ солнцемъ низменныхъ и влажныхъ луговъ.

Много удовольствія тамъ доставлялъ мнѣ Коля, сынъ П. П. Б. Къ несчастію, на сколько силенъ былъ этотъ милый мальчикъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, на столько онъ слабъ былъ физическимъ здоровьемъ. Я всегда на него смотрѣлъ, какъ на самый нѣжный оранжерейный цвѣтокъ. Болѣзнь его была врожденная и зависѣла отъ неправильнаго строенія сердца. Медики называли ее *синюхою* (cyanosis). Страшная эта болѣзнь была причиною, что бѣдный Коля не могъ принимать участія даже въ самыхъ невиннѣйшихъ и обыкновенныхъ дѣтскихъ играхъ, какъ скоро онъ требовали болѣе быстрого движенія. Онъ отъ роду не бѣгалъ, даже не могъ ходить скоро.

— «Что за жизнь моя,» говаривалъ онъ мнѣ иногда. «Всѣ дѣти могутъ рѣзвиться, играть, какъ хотятъ, а я что?»....

Да! Ужасно было положеніе этого мальчика, которому одно быстрое движеніе могло стоить жизни, отъ прилива крови къ мозгу.

Въ Усохѣ у Коля былъ прирученный сычъ (*Surnia noctua* Retz.), котораго онъ молоденькимъ, неумѣвшимъ еще летать, привезъ туда съ собою изъ Орла и привязался къ нему такъ, какъ только можетъ быть привязано любящее сердце ребенка къ вскормленной и воспитанной имъ самимъ птицѣ. Днемъ сычъ пользовался совершенной свободой, но на ночь Коля пряталъ его въ особое помѣщеніе, опасаясь, чтобы онъ не улетѣлъ на колокольню къ своимъ собратамъ, такимъ же сычамъ, которыхъ находилась тамъ цѣлая семья, наводившая страхъ и трепетъ на жившихъ по сосѣдству воровъ.

— «Коля!» сказалъ я ему вечеромъ, «пусти на волю твоего сыча; онъ вѣрно назадъ къ тебѣ прилетитъ.»

— «А ежели не прилетитъ, тогда что? Я и самъ думалъ попробовать пустить его, да все боялся, что онъ не возвратится домой.» —

— «Онъ у тебя такой ручной, что я не думаю, чтобы онъ не прилетѣлъ назадъ.» —

— «Хорошо,» сказалъ Коля, и выпустилъ сыча. Онъ взлетѣлъ сначала на ближайшую крышу; посидѣлъ тамъ и перепорхнулъ на другую. Въ это время закричали сычи на колокольнѣ. Онъ, долго не думая, поднялся и полетѣлъ къ нимъ.

Долго мы ожидали его возвращенія, но напрасно. Коля взгрустнулъ, а я крѣпко пожалѣлъ въ душѣ, что далъ ему совѣтъ, лишившій его этого един-

ственного почти утѣшенія, какимъ онъ могъ пользоваться въ деревнѣ.

Но на слѣдующее утро бѣглець отыскался. Его принесли отъ сосѣдей, куда онъ, вѣроятно по ошибкѣ, залетѣлъ на разсвѣтѣ. Порадовались мы оба съ Колей и тутъ же рѣшили, что сына слѣдуетъ каждый вечеръ выпускать на волю. И дѣйствительно, онъ оправдалъ наше къ нему довѣріе, какъ будто-бы далъ намъ свое «parole d'honneur.»

Съ той поры онъ постоянно леталъ на колокольню, а къ утру возвращался домой и послѣ моего отъѣзда. Это продолжалось до осени.

Не думалъ я, что четыре проведенные мною дня въ Усохѣ были послѣдними днями свиданія моего съ бѣднымъ Колей. Въ августѣ его не стало. Роковой приливъ крови къ мозгу не пощадилъ этого милаго мальчика, котораго и сынъ любилъ и крѣпко былъ къ нему привязанъ. Онъ садился у ногъ Коли, когда онъ лежалъ въ гробу и пристально всматривался въ него, бытъ можетъ, ожидая не проснется-ли Коля и не скажетъ ли ему его обычный прізывъ: «совушка, совушка!»...

Напрасны были ожиданія смышленной и благодарной птицы. Нѣкому было уже приласкать ее, и послѣ похоронъ Коли, она улетѣла на колокольню, откуда бытъ можетъ, часто поглядывала на могилу добраго Коли.....

На другой день, послѣ моего пріѣзда въ с. Усохѣ, былъ назначенъ экзаменъ въ училищѣ. Для меня это было какъ нельзя болѣе кстати. Въ 9-ть

часовъ утра мы съ П. П. Б. и Колей отправились въ школу. Туда были приглашены тамошніе два священника, а третій изъ г. Трубчевска, діаконъ, голова и засѣдатель изъ приказа. Учитель изъ студентовъ семинаріи и ученики были одѣты по праздничному.

По принятому во всѣхъ нашихъ педагогическихъ заведеніяхъ обычаю, испытаніе началось съ Закона Божія. Знаніе учениками наизусть священной исторіи и катихизиса было хорошо и отвѣты многихъ изъ нихъ отличались весьма удовлетворительнымъ рассказомъ. Молитвы и заповѣди были заучены также хорошо и ученики могли объяснять ихъ значеніе. Замѣчу при этомъ, что вопросы были предлагаемы не самимъ учителемъ, какъ это еще водится на публичныхъ экзаменахъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, но присутствовавшими посѣтителями. Такимъ только образомъ и можно вѣрнѣе судить о пріобрѣтенныхъ учениками познаніяхъ.

За тѣмъ слѣдовало испытаніе въ русскомъ языкѣ. Мальчики читали удовлетворительно; но замѣтно было, что они не были достаточно ознакомлены со знаками препинанія, и потому самое бойкое чтеніе выходило слишкомъ монотоннымъ. Въ рассказахъ прочитаннаго своими словами нѣкоторые ученики затруднялись. Однако-же не смотря на это, П. П. Б. и я болѣе всего обращали вниманія на это важное условіе при первоначальномъ обученіи грамотности не только крестьянскихъ, но и всѣхъ вообще дѣтей, съ чѣмъ молодой учитель, еще недавно начавшій свое педагогическое попри-

ще, вполне съ нами соглашался. Но тутъ встрѣтился и защитникъ стараго метода обученія грамотѣ—это сельскій діаконъ. Замѣтивши наши требованія отъ учениковъ, чтобы они объясняли своими словами то, что читали, онъ нѣсколько разъ повторялъ намъ, что «это не по ихъ понятіямъ.» Конечно почтенный діаконъ приводилъ этотъ аргументъ вовсе не для того, что онъ былъ противникомъ толковаго обученія грамотѣ, но потому что онъ самъ нѣкогда точно также учился, и, по всей вѣроятности, ему ни гдѣ не случилось самому видѣть и удостовѣриться въ той несомнѣнной истинѣ, что каждаго ребенка, даже моложе 10-лѣтняго возраста, весьма легко приучить къ тому, чтобы онъ умѣлъ понимать и объяснять прочитанное. Само собою разумѣется, что избираемые для первоначальнаго чтенія статьи должны быть самыя доступныя для дѣтскаго возраста. Къ нимъ можно отнести и краткіе рассказы изъ св. исторіи, потому что они не могутъ быть затруднительными для дѣтскихъ понятій, ежели только со стороны учителей и учительницъ первоначальнаго обученія будетъ обращено должное вниманіе на поясненіе значенія нѣкоторыхъ словъ, неизвѣстныхъ и не употребительныхъ въ дѣтскомъ языкѣ. Ежели дитя понимаетъ обыкновенный съ нимъ разговоръ и само рассказываетъ что нибудь, то вотъ и доказательство, что это доступно его понятіямъ, которыя начинаютъ въ немъ развиваться съ той минуты, когда оно само выучивается произносить цѣлыя отдѣльныя фразы.

Дѣло обученія грамотѣ и состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать массу понятій въ дѣтяхъ и тѣмъ расширять кругъ ихъ мышленія, а не готовить изъ нихъ какихъ то читающихъ по книгамъ попугаевъ. Ограничиваться однимъ процессомъ чтенія, т. е. требовать отъ дѣтей одного только умѣнья бойчѣе разбирать грамоту, ни мало не понимая ея смысла и значенія, — это бесполезный и слишкомъ тѣлостный трудъ для дѣтей. Онъ утомляетъ ихъ до нелзя и поселяетъ въ нихъ отвращеніе къ школѣ и ученію, до такой степени, что они рады-радехоньки бываютъ, когда ихъ освобождаютъ наконецъ отъ обязанности посѣщать ее. Хорошо еще, ежели въ ней не употребляются тѣлесныя наказанія за то, что дѣти не скоро привыкають къ безсмысленному и бесполезному процессу чтенія. А ежели ихъ еще наказываютъ за это? Вѣдь это чистѣйшее варварство, которое можно сравнивать только съ дрессировкой тѣхъ животныхъ, которыхъ побоями приучаютъ становиться на заднія лапы, или прыгать черезъ палку и т. и. штукамъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго смысла.

Намъ случалось встрѣчать школьныхъ учителей, которые и сами не были въ состояніи объяснить ученикамъ значенія нѣкоторыхъ словъ, особенно заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, или имѣющихъ техническія значенія. Въ этомъ нельзя и обвинять ихъ, потому что невозможно требовать большихъ свѣдѣній отъ учителей грамоты, получающихъ весьма ничтожное вознагражденіе за свои труды и потому лишенныхъ средствъ приобрѣтать

для себя различныя сочиненія, которыя бы способствовали дальнѣйшему развитію ихъ собственнаго образованія. Но, чтобы помочь этимъ труженникамъ, мы бы совѣтовали начальствующимъ надъ школами, приобрѣтать для нихъ энциклопедическіе лексиконы и словари, содержащіе въ себѣ объясненія значеній различныхъ словъ и названій. Издержки на это не могутъ быть значительными, а польза будетъ несомнѣнная.

Но обратимся къ экзамену.

Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ производилось весьма удовлетворительно. Ученики были ознакомлены и съ именованными числами, такъ что довольно сложныя задачи изъ этихъ чиселъ ихъ ни мало не затрудняли. Изъ этого одного уже можно было заключить, что способности учениковъ были достаточно развиты, потому что понять и рѣшить ариѳметическую задачу, составленную изъ именованныхъ чиселъ, труднѣе, нежели своими словами объяснить прочитанное по книгѣ.

Задачи для рѣшенія были предлагаемы головою, который потомъ заставлялъ учениковъ дѣлать на счетахъ сложеніе и вычитаніе. Общій успѣхъ въ ариѳметикѣ мы нашли весьма хорошимъ.

Послѣ этого мы разсматривали ученическія тетради. Написанное въ нихъ отличалось довольно хорошимъ почеркомъ. Два ученика, предназначенные къ выпуску, умѣли писать безъ помощи линеекъ весьма удовлетворительно.

На слѣдующій день мы съ Б. ознакомились съ познаніями дѣвочекъ, обучающихся грамотѣ у діакона. Читали онѣ довольно изрядно; но, къ сожалѣнію, вовсе не были приучены къ объясненію прочитаннаго своими словами. Наставникъ ихъ и здѣсь повторилъ намъ свою поговорку: «это не по ихъ понятіямъ». Но, не смотря на это, мы нашли возможнымъ на опытѣ доказать, что почтенный ихъ наставникъ ошибался въ своемъ заключеніи. Бывшій тамъ съ нами Коля принесъ басни Крылова, и мы заставили дѣвочекъ, по частямъ, прочесть одну изъ нихъ, кажется: «Лебедь, Щука и Ракъ», и потомъ рассказать ея содержаніе своими словами. Труднымъ показалось имъ это наше требованіе; но однако нашлись двѣ дѣвочки, которыя довольно удовлетворительно рассказали содержаніе этой басни, которая, какъ мы замѣтили, всѣмъ имъ понравилась.

Въ Усохѣ я осмотрѣлъ еще фруктовый садъ и племенныхъ жеребцовъ.

Въ саду находится довольно много прививковъ, крѣпкихъ и здоровыхъ; но всѣ они, оставаясь безъ надлежащаго за ними ухода, были болѣе или менѣе безобразны. Бывшему тамъ со мною головѣ, чело-вѣку весьма разумному, я объяснилъ необходимѣйшія правила ухода за прививками и на практикѣ показалъ различные способы прививки и окулированія дичковъ.

Племенные жеребцы были также хороши, какъ и въ прочихъ приказахъ; но одинъ изъ нихъ въ то время былъ боленъ отъ развившихся въ его пище-

варительныхъ органахъ червей, которые тогда изъ нихъ отдѣлялись. Это были личинки оводовъ, которые, какъ извѣстно, кладутъ свои яички на переднія ноги и лопатки лошадей и при этомъ ихъ больно кусаютъ. Происходящій отъ этого зудъ заставляетъ лошадей лизать своими языками укушенные мѣста. Такимъ образомъ яички попадаютъ въ ихъ рты и проглатываются съ принимаемою ими пищею въ желудки, гдѣ не уничтожаются, но служатъ для развитія изъ нихъ зародышей, въ видѣ бѣловатыхъ червей, которые на всю зиму поселяются въ ихъ кишечныхъ каналахъ, и питаясь вырабатываемыми въ нихъ соками, сильно изнуряютъ лошадей. Наконецъ, въ началѣ лѣта слѣдующаго года, выползаютъ наружу; падаютъ на землю, и зарывшись въ нее, завертываются въ коконы, изъ которыхъ, спустя короткое время, выходятъ въ видѣ совершенно развитыхъ оводовъ.

Вечеромъ, 29 іюня, я разстался съ семействомъ П. П. Б. и черезъ Трубчевскъ поѣхалъ въ югозападномъ направленіи въ *селецкій приказъ*.

Трубчевскъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ. Объ немъ упоминается уже въ лѣтописяхъ XII столѣтія. Онъ расположенъ на высокомъ правомъ берегу р. Десны. Дома въ немъ почти всѣ деревянные. Число жителей простирается до 6000. Торговля въ немъ ограничивается преимущественно пенькою и коноплянымъ масломъ, которыя по Деснѣ сплавляются въ Николаевъ, а сухимъ путемъ чрезъ Брянскъ идутъ въ Ригу.

Менѣе чѣмъ въ одной верстѣ за Трубчевскомъ я переѣхалъ чрезъ весьма глубокій оврагъ и, поднявшись на противоположную его сторону, былъ пріятно изумленъ превосходнымъ видомъ открывшейся предо мною мѣстности. Подобной ей я нигдѣ не встрѣчалъ во всей орловской губерніи. Верстъ на восемь, до виднѣвшагося на ней *чолискаго монастыря*, она чрезвычайно гориста и прорѣзана нѣсколькими оврагами такой глубины, что въ вѣкоторые изъ нихъ едва ли и проникаютъ прямые солнечные лучи. Вершины ихъ мѣстами покрыты мелкимъ березникомъ и сосонникомъ, а склоны во многихъ мѣстахъ представляютъ почти отвѣсные обрывы съ уступами, лишенные всякой растительности и состоящіе изъ желтой глины, пласты которой иногда чередуются съ пескомъ и бѣлою мѣловою глиною. Влѣво отсюда на большомъ пространствѣ видна низменная зарѣчная луговая сторона, а за нею сплошные сосновые лѣса. Проѣхавши версты четыре, мы приблизились къ спуску черезъ овраги, гдѣ везшій меня крестьянинъ объявилъ мнѣ, что надобно идти пѣшкомъ, да и лошадей сводить по немъ съ большою осторожностію. Солнце скрылось за горизонтъ, когда мы тамъ остановились. Влѣво отъ насъ, внизу между развѣтвленіями овраговъ было совершенно темно, потому что туда не проникалъ свѣтъ вечерней зари, ярко горѣвшей справа на горизонтѣ. Я пошелъ впередъ, а мужичекъ, перекрестившись, сталъ сводить осторожно коренную запряженную въ мой тарантасъ тройку крестьянскихъ лошадокъ. «Уцѣлѣетъ ли мой тарантасъ», думалъ я,

поглядывая на маленькую лошаденку, которая извсѣхъ силъ упиралась передними своими ногами, вынося на себѣ всю его тяжесть. Дорога эта была проведена по тремъ спускамъ: первый изъ нихъ склонялся прямо къ низу, потомъ отъ него подъ острымъ угломъ, вправо заворачивалъ другой, а за нимъ влѣво, параллельно первому спуску, велъ третій въ самую глубину этой тущобы. Однако это путешествіе наше окончилось благополучно, и скоро мы по длинному и покатому склону поднялись вверхъ, но не на столько высокую уже мѣстность, какъ та, которую оставили за собою. Отсюда пошла уже довольно ровная дорога, по которой въ 11 часовъ вечера я пріѣхалъ въ селецкій приказъ, находящійся въ недалекомъ разстояніи отъ р. Десны въ селѣ *Сельцѣ*.

На слѣдующее утро, въ сопровожденіи головы, я ѣздилъ сначала на образцовую пасѣку. Она отстоитъ отъ села версты на двѣ и устроена на небольшомъ бугрѣ, выдающемся возлѣ заливныхъ сѣнокосныхъ луговъ. Подѣхавши къ нему, мы вышли изъ телѣги и пошли на пасѣку между кустарниковъ, возлѣ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ торчали пни не задолго срубленныхъ тамъ старыхъ сосенъ.

Пасѣка оказалась въ плохомъ состояніи. Она состояла изъ 20 обыкновенныхъ колодъ и одного втулочнаго улья. Изъ разговора съ пасѣчникомъ, я узналъ только то, что онъ вовсе почти не знакомъ съ пчеловодствомъ и никогда не обучался ему, а только кое-что позаимствовалъ отъ своего умерша-

го роднаго брата, вышедшаго изъ школы Прокоповича и завѣдывавшаго этою пасѣкой. Кромѣ отсутствія въ ней знающаго свое дѣло пчеловеда, другая причина дурнаго ея состоянія зависитъ оттого, что окрестныя мѣста мало доставляютъ корма пчеламъ. Онѣ собираютъ его преимущественно на лугахъ; но это продолжается только до сѣнокоса, а послѣ него пчелы начинаютъ голодать, потому что имъ негдѣ брать взятку для зимнихъ своихъ запасовъ. Поэтому пасѣка и находится въ дурномъ состояніи. Для улучшенія ея необходимъ знающій свое дѣло пасѣчникъ и посѣвъ въ ея окрестностяхъ медоносныхъ растений. Безъ этихъ двухъ условій, мнѣ кажется, ее слѣдовало бы вовсе уничтожить, какъ не удовлетворяющую своему назначенію.

По возвращеніи съ пасѣки, мы зашли въ школу. За два только мѣсяца до моего прибытія въ «селецкій приказъ», въ нее былъ назначенъ новый учитель изъ студентовъ семинаріи. До его поступленія туда, мальчики учились грамотѣ у сельскаго священника. Приобрѣтенныя ими познанія были менѣе удовлетворительны въ сравненіи съ прочими удѣльными училищами, потому что новый учитель въ короткое время своего тамъ пребыванія не могъ еще значительно ихъ улучшить. Немногіе изъ учениковъ умѣли порядочно читать и весьма затруднялись въ объясненіяхъ прочитаннаго своими словами. Познанія ихъ въ арифметикѣ также были посредственны. Одинъ только изъ нихъ, безъ особеннаго труда, рѣшилъ при мнѣ задачи сложенія и вычитанія именованныхъ чиселъ. Молитвы были заучены мальчиками довольно твердо.

Послѣ школы я осмотрѣлъ фруктовый садъ. По значительному количеству находящихся въ немъ плодовыхъ деревьевъ и довольно хорошему ихъ росту, я нашелъ его въ гораздо лучшемъ состояніи, сравнительно съ садами при остальныхъ приказахъ трубчевскаго и сѣвскаго уѣздовъ. Но и здѣсь ни какого особеннаго ухода за деревьями не было замѣтно. Многія изъ нихъ посажены слишкомъ въ близкомъ между собою разстояніи, такъ что начинаютъ заглушать другъ друга. Слѣдствіемъ этого, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, можетъ быть то, что они будутъ доставлять самое ничтожное количество плодовъ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое могли бы давать, пользуясь большимъ просторомъ и болѣе свободнымъ доступомъ къ нимъ солнечнаго свѣта. Почва въ этомъ саду хорошаго качества и состоитъ изъ суглинистаго чернозема съ примѣсью песку. Съ полуденной стороны возлѣ сада находится маленькая березовая рощица, которую, по моему мнѣнію, слѣдовало-бы уничтожить, потому что высокія березы спльно отѣняютъ садъ, требующій съ южной стороны совершенно открытаго мѣстоположенія.

Конопляники у селецкихъ крестьянъ были значительно повреждены земляною блохою. При проѣздѣ по селу я замѣтилъ, что кровли на нѣкоторыхъ крестьянскихъ избахъ и сараяхъ находились въ полуразрушенномъ состояніи и вообще всѣ отличались легкою и непрочною ихъ постройкою. Бывшій со мною голова объяснилъ мнѣ, что это зависѣло отъ недостатка въ лѣсныхъ матеріалахъ, вслѣдствіе

котораго крестьяне употребляютъ весьма молодыя и тонкія деревья на стропила и слѣги, которыя не въ состояніи выдерживать значительной тяжести накладываемой на нихъ соломы, а потому такія кровли весьма часто бываютъ срываемы сильнымъ вѣтромъ.

Изъ с. Сельца, въ направленіи къ сѣверо-востоку, я отправился въ «бѣлоголовицкій» приказъ, находящійся въ селѣ *Съмечковъ*. Надобно было ѣхать все проселками, поворачивая то вправо, то влево, по довольно гористой мѣстности. На ней съ разныхъ сторонъ попадались мнѣ небольшія березовыя рощицы, да мелкіе кустарники по склонамъ овраговъ. Близъ селенія государственныхъ крестьянъ, называемаго *Колодезьки*, обратила на себя мое вниманіе сплошная масса орѣшника, которымъ были покрыты склоны весьма длиннаго и широкаго оврага. Крестьяне берегутъ этотъ орѣшникъ, потому что онъ доставляетъ имъ значительное количество орѣховъ. Съ половины дороги, на правой ея сторонѣ, вдали былъ видѣнъ Трубчевскъ. Почва на всей этой мѣстности мало плодородная и состоитъ изъ однихъ почти супесковъ. Обнаженные склоны многихъ овраговъ лишены растительности, потому что состоятъ изъ бѣлой мѣловой глины. Продолжительная засуха еще болѣе способствовала печальному виду тощей растительности на пахатныхъ поляхъ.

Въ «Бѣлоголовицкомъ» приказѣ я зашелъ сначала въ садъ, пока собирали учениковъ, не бывшихъ въ школѣ по случаю праздничнаго дня.

Въ саду находилось весьма немного молодыхъ прививковъ. Нѣкоторые изъ нихъ засохла, оставаясь

безъ поливки во время бывшей и тамъ засухи; другіе росли довольно плохо на посредственной почвѣ, которую слѣдовало бы время отъ времени удобрять.

Пробывши въ саду около получаса, я отправился въ школу, гдѣ собраны были почти всѣ ученики. Отвѣтами ихъ изъ арифметики, знаніемъ молитвъ и чтеніемъ порусски я остался вообще довольнымъ. Впрочемъ и здѣсь въ разсказахъ прочитаннаго ученики съ непривычки затруднялись; но это зависѣло оттого, что незадолго до моего пріѣзда поступившій въ школу учитель еще не успѣлъ достаточно пріучить ихъ къ этому. Здѣсь также какъ и во всѣхъ другихъ школахъ удѣльнаго вѣдомства замѣчательно было большое разнообразіе книгъ, употребляемыхъ для чтенія. Это чрезвычайно полезно, потому что употребленіе при чтеніи книгъ разнороднаго содержанія пріятнѣе для учащихся и доставляетъ возможность легче и разностороннѣе развивать ихъ понятія.

По окончаніи сдѣланнаго мною тамъ испытанія, учениками было пропѣто нѣсколько молитвъ. Пѣніе ихъ было довольно согласно, но слишкомъ медленно и потому утомительно для слуха.

Въ этомъ селѣ конопля не подвергалась нападеніямъ земляныхъ блохъ, но отъ засухи пріостановилась въ своемъ ростѣ.

Отсюда я выѣхалъ въ «кровскій» приказъ, находящійся ближе къ границѣ брянскаго уѣзда въ селѣ *Юровъ*. Это былъ послѣдній приказъ, которымъ оставалось заключить мое путешествіе по удѣльнымъ имѣніямъ. Я прибылъ туда въ 3 часа по по-

лудни. По случаю праздника въ находящейся тамъ школѣ не было ученія, а собирать учениковъ въ послѣобѣденное время было весьма затруднительно, и потому я и не потребовалъ этого. Однако чрезъ вѣсколькоминуть послѣ моего туда пріѣзда, ко мнѣ явился учитель и предложилъ послушать, какъ поютъ пѣвчіе изъ его учениковъ.

Я охотно согласился на это предложеніе, но замѣтилъ что быть можетъ ему не удастся собрать своихъ пѣвчихъ, которые вѣроятно разбрелись по окрестностямъ села.

— «Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ представить вамъ хоть нѣсколько человѣкъ», возразилъ онъ: «Вы послушайте, какъ они хорошо поютъ. Вѣдь Трубчевскіе купцы приглашали вчера нашъ хоръ пѣть въ соборѣ и остались имъ весьма довольны. Куда противъ насъ трубчевскимъ мѣщанамъ, которые тамъ поютъ!» —

Такія похвалы сильно подстрекнули мое любопытство и я изъявилъ полную мою готовность слушать пѣніе его учениковъ.

Пока ихъ собирали, я зашелъ въ садъ и замѣтилъ въ немъ тѣ же недостатки, какіе были и въ прочихъ садахъ при приказахъ. Потомъ взглянулъ на запруду, которою въ глубинѣ большаго оврага задерживается значительное количество воды. Запруда устроена тамъ хорошо; но мнѣ казалось, что для большей ея прочности слѣдовало-бы по ней насадить ракитъ, которыя могли-бы прочнѣе скрѣпить ее своими корнями и тѣмъ предохранить отъ разрыва, если-бы случилась внезапно значительная при-

быль воды отъ таянія снѣговъ или отъ проливныхъ дождей.

Спустя полчаса, учитель объявилъ мнѣ, что ему удалось собрать только пять человѣкъ изъ своихъ пѣвчихъ. Мы пошли съ нимъ слушать ихъ въ приказъ. Хоръ составился изъ двухъ альтовъ и трехъ дискантовъ; къ нимъ присоединился еще теноръ самаго учителя. Пѣли хорошо, по нотамъ.

Прослушавши нѣсколько молитвъ, я поблагодарилъ учениковъ за доставленное мнѣ удовольствіе и хотѣлъ отправиться въ путь. Но учитель началъ упрашивать меня еще послушать. Я исполнилъ его желаніе; остался, и черезъ четверть часа снова началъ было съ ними прощаться. Но этимъ дѣло не кончилось. Новыя убѣдительнѣйшія просьбы заставили меня еще пробывать тамъ нѣсколько времени, хотя мнѣ уже стало жаль дѣтей, съ которыхъ потъ лилъ градомъ, потому что день былъ весьма жаркій.

Наконецъ я распростился съ ними и, усѣвшись въ свой тарантасъ, направилъ путь мой къ Брянску, не имѣя болѣе намѣренія нигдѣ останавливаться, а ѣхать прямо въ Орель.

Какія-же особенныя впечатлѣнія вынесъ я изъ этого путешествія по деревнямъ и селамъ орловской губерніи?

Вынесъ я многое, а главное то, что нашъ простой народъ до сего времени былъ совершенно заброшенъ. На него смотрѣли, а многіе смотрятъ еще и теперь, какъ на рабочую силу, точно также, какъ на силу до-

шади, вола и т. п. Оттого онъ остался дикимъ, невѣжественнымъ; оттого онъ въ теченіи тысячелѣтняго своего существованія не сдѣлалъ почти ни малѣйшихъ улучшеній, ни въ своемъ быту, ни въ своемъ хозяйствѣ. Предразсудки и суевѣріе крѣпко опутали его своими сѣтями, и долго онъ еще будетъ въ нихъ биться, пока вырвется на свѣтъ Божій и сдѣлается способнымъ воспринимать, безъ особеннаго съ своей стороны сопротивленія, всѣ полезныя для него улучшенія. Единственнымъ исходнымъ путемъ къ достиженію этой цѣли должно служить образованіе нашего народа, подъ которымъ однако-же не должно разумѣть распространенія въ средѣ его одной только грамотности. Нѣтъ, надобно развить его мыслящія способности; надобно дать ему понятіе о многомъ и въ особенности стараться знакомить его съ явленіями въ окружающей его природѣ, чтобы онъ смотрѣлъ на нихъ не съ тупымъ и безсмысленнымъ любопытствомъ, но понялъ-бы и уразумѣлъ, что все существующее въ природѣ управляется вѣчными и неизмѣнными ея законами.

О П Е Ч А Т К А.

*На стр. 220, стр. 25 вмѣсто: незаплетенныя
должно быть: заплетенныя.*

OF THE

THE

THE

NOTES
Mar 21 14
10 p.

10.

384/2/11

25p

Taračkov, Aleksandr Stepanovič

Putevyja zamětki

Orel 1862

lt.sing. 1488 m

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10469945-2